

Вероника Мелан

Доступ
К ТЕЛУ

Annotation

Она едва не спустила новую машину в кювет, хотя очень дорожила ей – всему виной чертов разговор по телефону. И если бы не мужчина на джипе, оттащивший авто от края, Джулиана Майлз уронила бы в пропасть не только два миллиона долларов, но и собственную гордость. Обеспечивший помощь незнакомец денег не попросил, но попросил другое – доступ к телу. К ее телу. Семь раз. В растрепанных чувствах Джулиана ответила «да» и лишь позже осознала, что с этого момента в любом месте, в любое время дня или ночи, как только безымянный мужчина пожалует в гости, ей придется этот «доступ» предоставить.

- [Вероника Мелан](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
-

Вероника Мелан

Доступ к телу

Глава 1

(Dear God – Lawless feat. Sydney Wayser)

За всю свою взрослую жизнь я никогда не была душой.

До этого дня.

Когда вдруг решила, что во время вождения можно достать упавший под ноги телефон. В другой бы раз я не стала, но звонила Келан, которая утром попала в больницу. Она неудачно ударилась затылком и теперь, после обследований, должна была сообщить, все ли в порядке. И вообще, поговорить по телефону, когда ты один в машине, когда нет встречи, когда спокойно рулишь и до города еще двадцать километров, ведь это нормально?

Я так думала. Не учла только, что шоссе на этом участке не освещено, что впереди поворот, что пока я шарю рукой по коврику и под сиденьем, силясь нащупать безмятежно играющий знакомую мелодию сотовый, моя оставшаяся на руле рука чуть расслабилась, и машина взяла ошибочный курс.

Так бывает. Черт, так бывает! Неудачное стечение обстоятельств, и вот ты понимаешь, что ситуация вышла из-под контроля, что поворот давно начался, что ты не управлял должным образом, что надо было раньше! А дальше шорох шин по гравию и бездна...

Я никогда в жизни так сильно не пугалась. Вокруг никого, а я, как в чертовом фильме, как в триллере, судорожно отщелкиваю ремень безопасности, когда капот уже висит над пропастью, стальной корпус качается и вот-вот... Если бы ни дерево – поломанное и почти сухое, задержавшее падение, – мне бы уже лежать там внизу. А так на пузе на заднее сиденье, оттуда наружу через пассажирскую дверь – вся в панике, в ужасе, с шальным сердцем и глазами, полными страха.

Я отползла от места собственной аварии метров на десять, прямо на бетон, и только после этого развернулась. Я только что чуть не угробила саму себя. Собственноручно. Слово «дура» казалось теперь безобидной шалостью, я могла уже лежать в искореженном куске металла на дне.

Тишина. Градусов восемнадцать, девять вечера, и молчит сотовый.

И вдруг подумалось о машине. Дерево чахлое, давно висящее на обочине над пропастью – *почему здесь нет ограждения?* – если вырвутся усталые корни, моя белоснежная красавица, купленная всего неделю назад почти за два миллиона долларов, сорвется вниз. Я все понимаю – кусок железа, бездушный транспорт...

«...но мой первый столь дорогой транспорт...» – подарок самой себе в честь того, что моя компания по продаже косметики впервые взяла разгон по прибыли в пятьсот процентов. Двадцать четыре магазина, часы упорного труда, сотни прочитанных книг. Я бизнес-леди, я успешный предприниматель, я подняла сама себя из грязи до небес, я...

Тяжелый вздох.

Я так радовалась, когда выкатила новую снежную Онди из салона. Мне сигналили на улице. Черт подери, на меня любовался весь свет!

Она теперь висела там.

Нужно было думать о себе, наверное. Благодарить Создателя за подаренный шанс жить дальше, но я лишь понимала – это дерьмовый вечер. Один из самых дерьмовых за последние несколько лет, может, за всю жизнь. Один порыв ветра, один вырвавшийся из земли под давлением корень, треснувший ствол...

И все равно, что в белом платье задницей на асфальте, все равно, что я давно взрослая. На переднем сиденье осталась моя сумка, два миллиона висят над пропастью. Хоть тяни ее руками за багажник назад, хоть рыдай, как девчонка. Вокруг все равно никого.

Едва из-за поворота показался свет фар, как я уже вскочила и махала руками – помогите! Помогите! Помогите!

Черный джип. Квадратный, brutальный. Меня слепил свет галогенок; авто остановилось, почти сразу хлопнула дверца, водитель вышел наружу. Не успела я сказать и слова, тыча руками в Онди, как прошеествовавший мимо меня мужик бегло и цепко осмотрел место аварии, а после снова направился к джипу.

– Помогите... – Почему-то меня подвел голос, теперь он тихо сипел. – Только не уезжайте...

Впору становиться на колени и валяться в ногах, но не пришлось, потому что незнакомец, которого я в смятении не могла даже толком рассмотреть, не уехал, а подошел к собственному багажнику и достал трос с крюком на конце.

Дальше, как в еще одном фильме, только уже с хорошим концом: медленный буксир, моя красавица отлипает от дерева, шуршит шинами в обратном направлении, а я в соплях от счастья – нам обеим в этот вечер повезло! Я не умерла, два миллиона не в жопу. Когда Онди прочно всеми четырьмя колесами встала на шоссе, рослый незнакомец сначала деловито влез в салон, поставил мой седан на ручной тормоз, только после этого отцепил и принялся сматывать лебедку. И все это, не проронив ни слова. Вот уж истинный пример «мужик сказал – мужик сделал». Первое зачеркнуть.

Он подошел и остановился напротив меня чуть позже, когда сложил крюк в багажник, когда захлопнул его крышку.

(One True God – Addicted)

– Как я могу отблагодарить вас? – лепетала я, понимая, что выгляжу нелепо. В грязном платье и с размазанной под глазами тушью. – Что я могу сделать? Давайте, я заплачу за помощь...

«У меня есть на счете приличная сумма. Сколько бы ни запросил, не убудет». И благодарно помнилось, что не придется на следующей неделе покупать новую Онди.

– Сколько... говорите...

Ему отлично было меня видно в свете фар джипа, а вот мне его почти никак, только абрис фигуры. Приятный такой разворот плеч, не хлипкие ноги, уверенная поза. Мне повезло, что он оказался на той же дороге в тот же час. Если бы не нашел, не помог – до сих пор страшно представить.

Меня рассматривали равнодушно и чуть с интересом – так казалось. Беглой оценкой лицо, волосы, выступающую под платьем грудь, талию, ноги – все это за пару секунд.

И тишина. Я уже хотела повторить свой вопрос, когда низкий, чуть хриплый голос произнес.

– Доступ к телу.

Я подвисла.

– Что?

«Доступ к телу» – что это? Судорожно заметались мысли, мозг после происшествия соображал слабо. Доступ к моему телу? Это в смысле переспать?

Водитель ждал нетерпеливо, ему было пора ехать и некогда было со мной возиться – так чувствовалось.

Я сглотнула. Даже если это означает то, что я думаю, не такая уж и высокая плата за спасенное имущество?

– Да или нет?

Тон жесткий, нетерпеливый.

– Да.

Ответ вывалился тихим, мятым и скомканным.

В конце концов, мне помогли.

– Семь раз. Я тебя найду.

Семь раз? Я даже ответить не успела; некто безымянный уже скрылся в собственном джипе, взревел мощный мотор. Ни тебе прощальных напутствий, ни до свиданья, ни вежливого вопроса – сами вести сможете?

Мужлан! Неотесанный.

Черт, но он ведь прав. Вести смогу... Да и вообще, не такой уж плохой вышел в конце концов вечер.

Онди я заводила трясущимися руками, все еще не веря, что обошлось.

Люси я звонила после душа. Отогревшись от шока в собственной квартире, поставив чайник, но не дождавшись, пока он закипит. Машина в гараже; грязное платье в стирку, лицо умыто. Дрожала в пальцах тонкая сигарета – этим вечером она была мне нужна.

Люси была страшенькой. В смысле не очень красивой, но очень умной. Язвительная иногда, чуть саркастичная, но всегда веселая. Моя правая рука и иногда мое правое полушарие.

– ...Скажи, что значит «доступ к телу»? – я не объясняла ей всего, она умела вникать в тему без предисловий.

– А ты что, обещала его кому? – хохотнула на том конце.

– Неважно, ты мне объясни.

– Ну... доступ к телу, если об этом попросил мужчина, значит, что он может в любое время, когда пожелает, тебя трахать. То количество раз, которое назвал. Он ведь назвал?

Она умела вытягивать информацию.

В моих же мозгах нагло горела цифра семь. Значит, это то, о чем я подумала. Я только что проданась на семь раз. Учитывая стоимость Онди, деленную на семь, проданась я весьма дорого. И не то чтобы сильно сожалела по этому поводу, давно мыслила рационально – если сказал, что заплатишь, плати. С другим мышлением я не выбилась бы на вершину.

– А я не могу ему отказать?

Мне не нужно было видеть ее носатое лицо и жидкие светлые волосы, вечно стриженные под каре, чтобы представить, как Люси сейчас ухмыляется.

– Можешь. Но тогда он будет вправе тебя изнасиловать. «Доступ к телу» – это вроде клятвы. Если ты сказала ему да, то даже в случае насилия Комиссия будет на его стороне.

– Кайф...

Теперь саркастичной была я. Выпустила вверх струйку дыма и поняла, что сопротивляться будет себе дороже.

– Значит, он может попросить об этом когда угодно?

– Хуже. Где попросил, там и дала.

– Что?!

Теперь она откровенно давилась от смеха.

– Ты это серьезно? А если я среди людей на корпоративе?

– Значит, за шторкой или в соседней комнате.

– А если на концерте?

– Будешь слушать арию, сидя на его члене.

– Смеешься?!

Ее забавляло мое искреннее возмущение.

– Сама подписалась. Ну ладно, может, он подождет до конца концерта. Но вообще это работает именно так.

Я не нашлась, что еще сказать. А Люси долго слушала тишину, прежде чем крикнуть.

– Надеюсь, он хотя бы симпатичный.

И я с досадой подумала о том, что не знаю даже этого.

Глава 2

(Billie Eilish – ilomilo)

Фил крутился ужом на сковородке и производил впечатление, как мог: то заговаривал о перспективах более тесного сотрудничества наших компаний, то ударялся в скабрзные шутки, то становился галантным и подливал мне вина.

На вино я налегала. Нет, не особенно сложный рабочий день, но друг за другом ровным кругом мысли: «А когда незнакомец объявится?» Все это держало зажженным мой внутренний фитиль, ведущий неизвестно куда.

Мужчина, с которым я согласилась на свидание лишь потому, что за месяц устала от его многозначительных взглядов и подкатов, воспринимал мое молчание за снисходительное поощрение собственного поведения и раздухарялся:

– Подпишем договор о больших поставках...

(Он поставлял косметическое сырье для моего производства).

– ...наладим совместные проекты, наберем обороты, сблизимся...

Кажется, он имел в виду «съедемся». Или показалось?

«Ничем не выдающийся, – думала я, – средний во всем». В меру забавный, в меру деликатный, в меру распушенный, в меру симпатичный. Не очень высокий, чуть-чуть харизматичный, способный произнести и пошлость, и цитату великого философа. Этим вечером я собиралась раз и навсегда для себя прояснить, нужен он мне или нет. Мыслями, однако, витала в соседней галактике.

Все определяет один поцелуй. Первый. Если тебе противно, как человек целуется, продолжение обречено. Даже если у него нормальный пип. Но если у него никакой пип, тогда вообще катастрофа, и будь твой партнер гением-математиком, шедевральным пианистом или мастером куннилингуса, это ничего не изменит.

– Джулиана, ты где? Ты со мной?

Я ласково и чуть пьяно моргала поверх бокала. Испытывала странную смесь напряжения и алкогольного расслабления. Вместо ответов Филу, пыталась вспомнить тот минимум, который

зафиксировала память во время вчерашнего происшествия. Мужик из джипа был большим. «Тяжелым» – есть такой тип физического сложения. Как у солдат, воинов, бойцов. И кажется, небритым. А дальше все – пусто. Много выхваченных в моменте левых деталей, типа света фар в глаза, травы на обочине, цепочки поверх черной майки, темные волоски на руках, но ничего по-настоящему нужного и важного. А если он некрасив? Или у него пахнет изо рта?

«Придется перетерпеть».

И вообще, когда его ждать?

– Ты меня совсем не слушаешь?

Я красивая. У меня правильные черты лица, шоколадные волосы, талия, над которой я не один год работала в тренажерном зале, и отличная, третьего с половиной от природы размера, грудь.

«Не придется тратиться на пластику».

Он залип на меня и попросил доступ к телу, потому что давно не трахался? Или потому что запал на мои внешние данные?

Однажды узнаю.

– Джулз?

Не люблю, когда меня так называют; улыбка Фила сделалась чуть натянутой. Он пригладил свои гладкие, зачесанные набок черные волосы; блеснули под голубой рубашкой часы. Все, пора прояснить главное – если поцелуй не понравится, продолжать не стоит, теряю время.

И едва ли не впервые за вечер загадочно улыбнулась.

– Может, продолжим у меня? Или у тебя?

А следом мысль: «Если сойду с Филом, а после явится незнакомец, будет ли секс на стороне считаться изменой?» И сама себе фыркнула – женщине не идет запутанная логика. И вообще не идет логика – как понравится, так и буду делать!

Мой ухажер моментально воспрял духом: ему только что дали зеленый свет. За вино и салаты расплатился щедро, отвалил официанту чаевых, подал мне руку.

Целовался он горячо, страстно, но как-то сильно влажно. И слишком напористо. Как вечно неуверенный в себе подросток, для которого девочка с соседнего курса только что оголила грудь. Мы сидели в его машине, собирались ехать к нему, но Фил еще даже не

повернул ключ зажигания – словно удостоверился в том, что Джулиана Майлз, хозяйка конгломерата «Майли Косметикс», действительно сосалась с ним в салоне. И руки распускал знатно. Лапал то за задницу, то за бюстгальтер. Больше на автомате, нежели действительно желая почувствовать его член в своей ладони, я положила руки Филу на ширинку и сквозь тонкую ткань брюк почувствовала... это.

Это стояло (что приятно), но... походило больше на карандаш (дикое разочарование!). Ладно, скорее на фломастер, может, даже на круглый маркер, но только не на то, на чем хотелось бы попрыгать. Мгновенно протрезвев, я даже сунула руки в мужские трусы и обхватила то, что желала измерить.

Точно. Уместился в ладошку. Скрылся в ней, обнятый моими пальцами.

Фил стонал так, будто ему дрочила любимая рок-звезда, я же подумала, что терпеть не могу, делая минет, складывать губы трубочкой.

И потому план «Б», иначе никак.

Хорошо, что в новых мобильниках есть такая кнопка, которая называется «звонок себе». Нажимаешь ее сбоку под громкостью, и телефон начинает разрываться от трелей.

Именно это я и сделала, благо на меня все равно не смотрели, предвкушая, что сейчас я стяну с кого-то штаны и склонюсь головой над этой «тростинкой». Ну уж нет...

– Ой, прости... звонят...

Далее я не колебалась. Я слишком сильно себя любила, чтобы тратить вечер на абсурдный идиотизм, способный впоследствии оставить в памяти только смрадный вкус, и потому я театрально затараторила:

– Что вы говорите? Правда? Конечно, сейчас буду, уже выезжаю...

– Эй, что случилось?

Фила обломали по полной программе. Раз и навсегда.

– Меня соседи... топят...

Ему незачем знать, что в таких элитных домах, как мой, затопить кого-то физически невозможно – тройные перегородки, датчики влажности и прочая лабуда, – но я была готова приплести пожар, наводнение, ураган, что угодно. Объяснять, однако, не стала.

– Прости, мне пора...

Из чужой машины я выскочила помятая, но целая – с застегнутыми пуговицами на блузке и чуть размазанной помадой. Вот и весь «ущерб». В свою Онди садилась с таким удовольствием, будто она была моей спасительницей.

– Домой, крошка. – Погладила руль и ткнула кнопку заведения мотора. – Уж лучше одной, чем так.

В книгах всегда здорово – найдется и красивый, и умный, и обаятельный. Именно такой, какой понравится главной героине.

Жаль, что я не в книге.

В девятом часу вечера, лежа на собственной кровати, я незаметно задремала рядом с раскрытым любовным романом.

(Be Svendsen – Man on the Run)

А проснулась в десятом. Не столько понимая, сколько чувствуя – что-то не так. Сначала поморгала (все хорошо, я в собственной спальне, горит прикроватный торшер), а после подняла голову.

Он стоял в трех шагах от кровати.

Не знаю, каким чувством я мгновенно определила, что это он, вчерашний незнакомец, но знала, что не ошиблась. Та же уверенная поза, тот же разворот плеч, темная куртка, черные джинсы...

– Как вы...

...оказались в моей квартире? И сама же поняла: я забыла запереть дверь. За мной нетрезвой это водилось, да и зачем волноваться, если на первом этаже всегда портье и охранник? Но гостя непостижимым образом они пропустили.

И теперь... Да, теперь я разглядела его лицо. Темные широкие брови, черные глаза, ровный нос, скрытая в щетине линия губ. Щетина эта отросла настолько, что завтра уже могла гордо именоваться бородой. И да, он был «тяжелым». Монолитным, «жестковатым» – скажем так, выбирая из каталога «мне нравится», я предпочла бы кого-то чуть мягче. Гость не столько напугал меня, сколько заставил нервничать.

Я осторожно свесила ноги, села на кровати, плотнее запахнула шелковый халат. Если подняться, сразу окажусь слишком близко.

Значит, тот, кто вчера помог, явился за «зарплатой».

Мужик не пугал – это мне нравилось. Я давно научилась различать опасных ребят, способных на неадекватную жестокость, чуют их за версту, но от этого не пахло тем, кто будет насиловать, если ему откажут. Просто развернется и уйдет.

Теперь любопытно стало, скорее, мне.

Подняться, чтобы изобразить гостеприимство, все же пришлось.

– Чай? Кофе?

«Хорошо, что я не смыла косметику. На мне все еще шикарное белье, и волосы держат укладку».

Гость молчал. Удивительно глубокие глаза. Совершенно незаинтересованные во мне, как в личности, но заинтересованные, судя по взгляду, в том, что у меня под халатом. Похвальная прямота.

Однако, прямо так?! Без «привет», без «выпьем чаю»?

Он давил размером. Метр девяносто без шлема и лат. Кажется, пора раздвигать ноги.

Я впервые за много лет ощутила неуверенность.

– Можно, я хоть душ приму?

Хотя я чистая...

– Раздевайся, – произнесли спокойно. Без агрессии, ровно, по-свойски. Так произнес бы в древние времена воин, вернувшийся домой с битвы – все, я победил врагов, теперь хочу горячего женского тела и сбросить напряжение. И не надо никаких «люблю». У тебя есть щель, и это все, что мне нужно. Не стоит заботиться о моем удовольствии, я позабочусь о нем сам.

Какое-то время я смотрела на мужика большими глазами. Колебалась между «стесняшей», «возмущенкой» и известной благодаря эротическим подвигам царицей «Клео». Победила последняя. В конце концов, я хотела сегодня член. Я до сих пор взведенная, потому что строила сексуальные планы. Одни рухнули, а другие...

Семь раз? Это первый.

И я потянула за шелковый пояс халата.

Он раздевался так, как раздевался бы у себя в спальне – не быстро, но и без промедления, не позируя, не наблюдая за моей реакцией. Рубаху на стул (шикарный пресс, в меру волосатая грудь), пряжку ремня врозь, джинсы вниз, их тоже на стул. За тем, что окажется под серыми боксерами, я наблюдала с кровати, чувствуя себя, как в мужском стрип-баре (что там что там что там?) – *не может мне за один вечер не повезти дважды.*

Но мне повезло. Очень. Настолько, что тут же затянулся поволокой мой взгляд. Еще висящий чуть вниз, но уже оттопыренный, толстый, такой, для которого, чтобы сделать минет, придется широко открывать рот. Отличная сосиска, отличные шары. И неясно было, чье тело теперь и кого интересует больше.

«Господи, мужик, да к тебе очередь из баб стоять должна...»

Нет, правда, если бы мужчины на рубахе начали вышивать «у меня 12», «у меня 17» или «у меня 25 и толстый», было бы куда проще ориентироваться. Начать, что ли, продавать такие рубахи?

Незнакомец тем временем неторопливо подлег ко мне. Полюбовался сначала лицом, волосами, провел по ним, оценил пальцем линию скул, шеи, подбородка. Мне вдруг начало казаться, что я кукла, купленная им сегодня в магазине. В хорошем смысле. Когда нет ничего лишнего – ни слов, ни взглядов, ни душевного контакта, – только хорошая здоровая похоть. Абсурдно, но это ощущение возбуждало. И да, пип волшебный, на пять с плюсом. Я не удержалась, сжала уже не «на нем», а вокруг него ладонь, поплыла от ощущения того, что моя ручка казалась маленькой.

«То, что нужно, чтобы жить дружно!»

Честно, если бы в каждой квартире был порнокаталог с экземплярами на вечер, этот был бы моим любимым.

Чужая горячая ладонь вдоволь погладила и потискала мою грудь, полюбовалась животом, провела по бедру – хороша, мол, чертовка. Ему нравилось. Его удовольствие от созерцания меня отдавалось еще большим моим возбуждением.

Ладонь втиснулась между ног, приказывая – раздвигай!

Я сделала то, что он хотел.

«Нет женщины более голой, чем та, которая лежит с раздвинутыми ногами».

Честно, я думала, что буду испытывать сильную нервозность, дискомфорт и напряженность, но увидев то, что у гостя между ног, я испытывала только предвкушение.

А через минуту безмянный парень возлег сверху. Уткнулся внушительной головкой во вход, почти не вошел, скорее, четко обозначил свое присутствие. И если до того у меня были сомнения в собственной так быстро готовности без прелюдии, то теперь мне эту самую прелюдию дали. Когда в тебя уткнулся член, но ничего не делает, а его обладатель бесконечно приятно пахнет, ощущается тяжелым и притягательным, ужом уже начинаешь крутиться ты. Моментально увлажняться, ерзать на головке, ждать момента, когда она протиснется глубже.

Он дал мне, наверное, минуту. Самую томительную минуту ожидания в жизни. Не прибежал ни к поцелуям, ни к дополнительным ласкам, просто позволил повертеться на своем члене. Точнее, возле него. А после начал медленно входить во все готовое для него на сто процентов. Погрузил себя так внушающее и великолепно, что я поняла – места для мыслей у меня не осталось. А уж когда начал двигаться...

Есть такие субъекты, интуитивно угадывающие верный темп. Не очень быстрый, не самый медленный, просто «ебательный». Ощущение удовольствия прорывалось через его ауру – мужик кайфовал. Он сейчас «делал» без лишних обязательств очень притягательную брюнетку, имел возможность провести с ней хоть пять минут, хоть час, хоть всю ночь. Чудесный узкий вход, классные титьки, податливые губы. Когда меня в первый раз поцеловали, брызнула вверх мысль: «Семи раз может быть мало». Наверное, я должна была терпеть и «пережидать», но я балдела, потому что в гости пожаловал настоящий самец, который здорово целовался, был крепок и накачан, а уж то, что в меня запихнули, нужно было фотографировать и ставить на рабочий стол.

Насладившись классикой, меня перевернули на бок, подкатились со спины, вставили скользкий толстый пип и продолжили. И все так естественно, так запросто, будто система выдала нам стопроцентное совпадение.

Дерьмо, думала я, чувствуя, как жарко и налито у меня между ног – я сейчас кончу. Наверное, это будет выглядеть по-дурацки,

потому как я в данный момент подвид «проститутки». Хотя зачем мне какие-то термины? У него просто шикарный член и талант им орудовать, от которого я уже, как боинг, шла на взлет. Есть такой момент, когда стирается понимание того, двигается поршень внутрь или наружу. Движение становится единым, замкнутым на круг, а дальше только по нарастающей. И еще эта рука, обнявшая сверху и раздвинувшая складочки, палец, мягко скользящий по клитору.

Я хотела кончить тихо. Совсем, чтобы меня не услышали. А судороги? А что судороги, просто возбуждение, но дергалась я в итоге так, что мне зажали ладонью рот. А после нарастили темп до очень быстрого, и от распертости бетонным членом я мычала.

А после излились внутрь.

Не знаю, сколько я лежала ванильная, глупая и без мыслей. Странно довольная, не желающая прерывать идеальный момент своей жизни.

Но гость вдруг решил, что визит окончен, вынул себя из меня, и стало вдруг удивительно пусто, даже прохладно.

Эй, захотелось сказать ему, мы же только начали. Еще не попробовали и другие позы...

Одевался незнакомец так же молча, как и раздевался. Сел на кровати, поднял с пола носки, принялся натягивать.

А я разгоряченная, разласканная, неготовая, оказывается, к разъединению.

Спросить, мы еще увидимся? Увидимся конечно, впереди шесть раз.

Или о том, когда он придет в следующий раз?

И вообще, от пары фраз развалился бы, что ли?

– Может, скажешь, как тебя зовут?

Тишина. Носки уже на ногах, трусы взлетели вверх, укрыли то, что я так и не сфотографировала. Пришло время джинсов.

– Оставишь номер телефона?

Молчание. Конечно. Я съязвила:

– Номер машины? Адрес? Может, чаю все-таки выпьешь?

Куртку надела последней – разворот со спины в который раз приятно поразил. Нет, ладно пришел без «здрасьте», но уйти без «до свиданья»?

– Не попрощаешься, в следующий раз не пущу!

Мне подмигнули. А в темных глазах полное удовлетворение после хорошей разрядки. И еще уверенность – пустишь!

– Говнюк! – я бросила в уходящего подушкой. Промахнулась.

Хлопнула входная дверь, и мое возмущение улеглось так же быстро, как и взметнулось. В конце концов, он мне ничего не должен, я ему тоже. Впереди шесть встреч, и хотелось бы в следующий раз задержать безымянного парня на подольше.

Писюн однозначно хоро-о-оший... Такой будешь ждать, такой весь изласкаешь. Между ног будто до сих пор приятно растянуто.

Мозг пустой, внутри бегущая строка:

«С. Ним. Было. Хорошо. Пробел. Пробел. Пробел. Но мало».

Доступ к телу, блин. С таким пожалеешь, что он не запросил доступ к душе заодно.

Глава 3

У каждого должен быть человек, с которым можно делиться секретами. У меня таким человеком была Люси. Противоположная мне не только внешне, но и по укладу жизни, она все же являлась той, кому не стыдно доверить тайну. И потому о визите мужчины «Х» узнала первой.

Ее веселый и ироничный характер сегодня, однако, не сыграл мне на руку, и я вот уже битый час выслушивала ее шутки.

– Значит, хорош? А что, если завтра он придет к тебе сюда во время заседания? И начнет, например, сидя под столом, делать тебе куни. Будешь стонать, сжав зубы? Отказать-то ты не можешь... Вот партнеры станут недоумевать, с чего это у главы компании такая красная рожа в пятнах...

– У меня не рожа, а лицо. К тому же я всегда могу увести гостя в туалет.

– Туалет, по-твоему, романтичней?

– Уж точно романтичней удивленных взглядов членов совета директоров, когда тебе под столом делают куни.

– Слушай, а когда у тебя день спа?

– В среду.

Я понимала, что она подтрунивает беззлобно, просто у Люси отличная фантазия и чувство юмора, и иногда это термоядерное сочетание способно увести далеко.

– А среда послезавтра?

– И?

Нам давно нужно было работать – мне подписывать бумаги, моей правой руке бегать по этажам, координировать работу отделов и подпирать главного бухгалтера, который задерживал отчет. Но я продолжала задумчиво кусать губы, вспоминая вчерашний визит, а Люси, глядя на меня, не могла упустить шанс поерничать. Наверное, она таким нехитрым образом размышляла о том, где мечтала бы встретить «секс-принца» сама.

– Представь, если он войдет к тебе в комнату во время массажа? Кто ты, говоришь, его обычно делает? Какой-то низкорослый

узкоглазый парень? И вот прямо при этом парне достанет свой гигантский агрегат и вставит тебе в рот. Что будешь делать?

Гигантский агрегат мне помнился отлично и внимание держал отменно.

Я молчала; Люси расплылась.

– Выгонишь массажиста? Или будешь смотреть, как он дрожит, глядя на вас?

– Я и не знала, что ты такая пошлая.

– А представь, если твой гость пожалует во время фуршета у Букинса?

Фуршет у Букинса, главы финансового холдинга, куда нас пригласили на следующей неделе для того, чтобы обсудить возможное инвестирование, обещал быть грандиозным. С кучей гостей, бассейном с лампочками на дне, живой музыкой и дорогущими напитками. На такой так просто не попадешь!

– Даже если он проникнет на территорию...

– То сможет проникнуть и в тебя. Где-нибудь в гостевой комнате. А ты при этом, через щель в двери спальни, будешь объяснять хозяину дома, что сейчас выйдешь... Пока тебя имеют сзади.

– Тебе однозначно нравится эта тема.

– А Букинс будет удивляться, почему у тебя такой томный взгляд?

– Я скажу, что молнию на юбке заело...

– И тебе как раз помогают ее вправить. Ее или кое-что другое.

Теперь воображение развернуло эту картину и мне, отчего сделалось совсем жарко.

– Тебе не пора работать?

– Я делаю это по двенадцать часов в сутки.

Она знала, что я знаю. И также знала, что сама выбрала этот график, но мой задумчивый и чуть растерянный вид никак не отпускал Люси прочь.

– Слушай, ты что, боишься, что он опять придет? Тебе же вроде...

Понравилось, верно.

– Скорее, – покручиваясь в кожаном кресле, поделилась я, – я опасуюсь, что он больше не придет.

– С чего бы это? И... мне кажется или нет? Но ты бы хотела более тесного знакомства?

– Куда уж теснее?

– Я не в этом смысле. Джул, ты запала.

Увы, я запала. Или однозначно начала это делать.

– Давай поработаем, а?

– Хорошо, но я буду заходить к тебе каждый час и смотреть, не елозит ли кто под твоим столом. Хочется же своими глазами увидеть красавчика.

– Так просто спусти машину в кювет, может, кто мимо и проедет. А там...

– А там мне обязательно попадетсЯ какой-нибудь урод. Ты же знаешь мое везение. И вообще, спасибо за совет, дорогой босс. Всегда знала, что ты добра.

Люси, наконец, зашуршала бумагами. Выходя из кабинета, она подмигнула мне, и опять вспомнился черноглазый незнакомец, которого не проняла брошенная вслед подушка.

Точно, похоже, я запала.

Наверное, не стоило уходить в работу целиком и полностью. Совещания, планерки, документы, проверка готовности тест-классов для магазинов. В итоге к складскому помещению на Сайдсор авеню мое такси подъехало не к восьми вечера, а к половине девятого (Онди отправилась на мойку). Я хотела позвонить мистеру Хьюберту из машины, сообщить, что задерживаюсь, но, как назло, обнаружила, что его номера в мобильном нет, потому что я звонила ему со стационарного телефона в собственном кабинете.

Да и что такое полчаса, когда к тебе подъезжает потенциальный клиент, готовый арендовать половину ячеек склада на длительный срок? Это большие деньги – очень большие! – и очень выгодный контракт. Я бы прождала такого и час, и два.

Но, вероятно, мистер Хьюберт так не думал, потому что дверь его офиса оказалась закрытой.

На улице стемнело; внутри складское помещение выглядело как черный распахнутый квадратный зев исполинской рыбы. Очертания застывших фур, рогатые подъемники; гуляет ветер. Неприятно, неуютно, даже страшновато. Облупленные пандусы, валяющиеся

вокруг куски арматуры и картонных коробок, железные ступени, ведущие с уличной стороны во внутреннюю часть. Я шагала по ним, чувствуя себя героиней триллера.

«Черт, сложно было подождать полчаса?»

Хотя, может, он всего лишь отправился внутрь собственного лабиринта, чтобы проверить сторожей?

Наверное. Не стоит думать о людях плохо. Ну или не всегда.

По-честному, мне просто здесь не нравилось. Как-то иначе я представляла один из крупнейших складов города – более завершенным, что ли, аккуратным. Цивилизованным. А оказалась практически на окраине, на брошенном заводе с огромными металлическими дверями, пугающих размеров помещениями, грязным бетонным полом и свисающими с потолков цепями.

Внутри царили коробки. Большие, маленькие, крохотные, просто гигантские, плоские, с надписью: «Не наступать!» Безжизненно серела над пустой стойкой надпись: «Прием товара». Я двигалась внутри с тлеющей внутри надеждой на то, что чертов Хьюберт где-то тут, просто пошел перекинуться словечком с охранником. Но спустя несколько минут почти заблудилась. Кажется, здесь не было в этот час никого, кроме стилого мерзкого воздуха, хрустящей крошки под ногами и тонн картона. И да, я бы просто ушла, если бы откуда-то из глубин склада навстречу мне не вынырнули вдруг два работника...

– Смотри, какая тут цыпа ходит...

Нормальные люди, если они нормальные, просто спросили бы: «Девушка, вам помочь?», «Ищите кого-то?», «Начальник уже отбыл, выход в той стороне, на лестнице осторожно, автобусная остановка за углом». Или что-то в таком роде... Но эти не были нормальными, эти были дешевой рабсилой, которую нанимают на один месяц не за деньги даже – за самогон. Я умела разбираться в людях, умела их чувствовать, и две пары злых похотливых глаз явно дали мне понять, что культурного диалога не выйдет.

– Я к вашему директору! – постаралась я перейти в атаку, чтобы не выдать страха. Только вот платье, каблуки и идеальная красная помада на моих губах сыграли в данном случае мне не на пользу, а во вред. И вместо деловой леди, коей бы меня восприняли нормальные люди при свете дня, эти гнилозубые огрызки в синих комбезах и

оранжевых шапках восприняли меня девушкой по вызову. Ну кто еще пришел бы на склады на шпильках?

«Чертов Хьюберт!..» Теперь я точно знала, что найму для него киллера. Ладно, не найму, но сотрудничать уже никогда не буду.

– Конечно, к директору! Давай сначала к нам!

В их глазах горел тот дикий огонек, когда бесполезно увещевать, доказывать или уговаривать. Что-то очень неприятное, темное, глухое к мольбам. Наверное, я переживу изнасилование. Когда-нибудь перестану о нем помнить, залью литрами вина, затанцую месяцами вечеринок, затру слезами в подушку, перестану что-либо чувствовать, дотрагиваясь до затянувшихся шрамов, но как же не хочется... И первое дерьмо случилось тогда, когда я, резко развернувшись для побега, вместо того чтобы дать деру, со всего маху впечаталась скулой в металлическую стойку подъемника. До звезд в глазах, до соплей от собственной беспомощности. А сзади хохот. Наверное, я буду бежать, а на мне будут рвать платье, я буду орать, и мой ор будет теряться в этом помещении среди ветров. А после будет «избитый» путь домой, напуганный взгляд таксиста, вопрос: «Девушка, вам помочь?», а на деле желание лишь высадить такую пассажирку.

Все это случилось бы именно так или примерно так, но вдруг откуда-то сбоку выступила тень, прикрыла меня, так и не сумевшую бежать, своим силуэтом, мгновенно ударила ближнего из огрызков. Ударил так, что я услышала этот кулак, вминающийся в чье-то пузо, после хруст костей чужого носа. Вой, шорох одежды, визг «она с хахалем!». Но тому, кто орал, убежать не дали.

И я уже знала, кто именно пинал упавшего на землю грузчика. И кто выступил из-за моей спины.

Он был все в той же темной куртке, все так же небрит и силен, он был зол и чертовски опасен. Так бьют, когда давно и долго обучались, когда отвыкли терять контроль, когда ударить – плевое дело, как в туалет сходить, как в магазине расплатиться или сплюнуть на тротуар.

Огрызки теперь лежали на земле, у них были кровавые рожи и, кажется, меньше зубов.

А когда ко мне шагнул безымянный спаситель, я повисла на нем совсем как девчонка. И совершенно не как бизнес-леди разрыдалась, потому что нет, меня не изнасиловали, но напугали, заставили ощутить слабость. И еще потому, что болела ударенная о кран скула.

(Manuel Riva feat. Florena – Confusion)

Мы ехали куда-то на его машине. Том самом черном брутальном джипе. Молчало радио, молчал водитель, молчала я. Звезды на небе; растерянность внутри. Если сейчас меня разложат на заднем сиденье, я перетерплю и это, я обещала «позволять». Буду думать о чем-нибудь стороннем, когда-нибудь забудется и это. Быть может, он будет нежным, быть может, нет; а внутри меня печаль – до нее никому нет дела. Я сильная, я все переживу, я когда-то подняла себя из грязи, я смогу еще раз.

Но черт, до чего же хочется тепла.

Джип все ехал. Сначала покинул окраину, возвращался в центр города, вскоре поплыли мимо освещенные проспекты. *«Куда мы едем? К нему? Наверяд ли...»*

А через пару минут стало ясно, что мы едем ко мне.

«Запомнил адрес». Мне было бы приятно, будь я в другом настроении.

У меня, наверное, не убрана кровать, думалось апатично. И пустой холодильник. Хотя какая разница, гость приходит не за этим...

Пару раз я бросала взгляд на его профиль – спокойный, почти равнодушный.

А в плывущем наверх лифте разглядела его глаза – глубокие, бездонные, как колодец. Поняла, что почти готова, почти собралась с духом, вернула себе себя, готова раздвинуть ноги. Только бы нежно.

Но меня довели только до двери. И обронили коротко:

– Не ходи больше по складам ночью.

Это был удивительный момент смешанных чувств. Я уже знала, что человек в куртке сейчас уйдет. Он не войдет, не воспользуется возможностью, он оставит меня залечивать гордость в одиночестве. Дважды спаситель. А я уже не хотела, чтобы он уходил – посидел бы со мной на кухне, посмотрел бы с участием, с теплотой. Несложно ведь...

– Уходишь?

Тишина. Уходя, он никогда не оборачивался. Странно, наверное, желать цепляться, когда сам себе только что говорил «не хочу», но

внутри клокотала беспомощность и злость. И опять хотелось кинуть вслед подушкой.

Чертов рыцарь!

Входной дверью я хлопнула со всей силы, зная, что первым делом двинусь к бару и открою вино. А после найду-таки телефон Хьюберта и солью на него все накопившиеся во мне помои.

Глава 4

(Due Lipa – Fever)

Наверное, все дело было в члене.

Когда такой достойный размер, не хочется думать ни о чем другом. Разве плохо, когда в тебе просыпается мартовская кошка, широко открывает глаза и принимается от удовольствия точить коготки на мягком покрывале? А может, дело было в бездонных глазах? Или в благородстве, с которым меня вчера отбили у отмороzków? Или в равнодушии, а также похоти, с которой меня ласково в прошлый раз брали? Сложно сказать, но этот парень мне нравился. Действительно нравился, как нравится вдруг симпатичный хулиган из соседнего подъезда тихоне-отличнице. В общем, балдело не только тело, но и душа, и потому с самого утра я торчала не на работе, а в примерочной «Гланса» – огромного и дорогого магазина одежды.

«Приду на часик позже, Люси подменит».

Одежды у меня хватало, и на этот раз я, стоя в самом сексуальном белье, которое сумела отыскать на полках, выбирала шелковые сексуальные пеньюары. Нежно-зеленый или лиловый? Зеленый или лиловый? Хотелось, черт возьми, сразить этого парня хоть чем-нибудь. Покорить, отыскать в нем брешь, завоевать и растопить. Раз уж этот гад растопил меня, *начав снизу...*

– Эй, мужчина, вы куда?!

Возмущенный крик продавщицы раздался одновременно с шорохом колец по металлической трубе – штора в мою примерочную быстро отъехала, а после закрылась, впустив в себя... Бог ты мой...

Кого? Конечно, кого же еще. Свежего, добротного, большого и пахнущего туалетной водой.

– Ты?!

– Эй! Мужчина! – чувствовалось, что продавщица сейчас отправится к охране торгового зала, и начнутся неприятности.

– Это ко мне! – выпалила я на автомате. – Все в порядке, это муж!

Девушка снаружи притихла, сумела даже не выказать недовольства. Чуть погодя удалился прочь от кабинки и стук ее

каблуков.

– Совесть у тебя есть? – прошипела я, возмущенная не меньше ассистентки. – Прямо здесь?

Но мне в рот нагло и беспардонно скользнул палец. Заткнул и тут же подчинил. Очень ласково, очень авторитетно. Если бы кто-то другой попробовал проделать этот трюк со мной, я бы прокусила фалангу, но в жесте мужчины «Х» вдруг действие оказалось пропитано сексуальностью, как пьяная вишня алкоголем. Палец нырнул ненадолго, позволил себя облизнуть и вынырнул. А после меня поцеловали. И ощутилась вдруг вся мощь и тяжесть мужского тела, хотя это самое тело еще ко мне не прижалось. Как жарко, однако, может за одну секунду стать в кабинке.

«Гланс» мог себе это позволить. Закрывать глаза на такие вот уединения в своих кабинках, потому как вещи, которые эти пары после приобретали, стоили, как половина путевки на острова. Удовольствия, правда, дарили столько же. И все же это был неожиданный визит, беспардонный.

– Ты... наглый... – попыталась я одарить вчерашнего спасителя комплиментами, но меня перебили.

– Я кое-что не успел вчера.

Ах да! Благородство пересилило.

– Решил наверстать с утра?

А дальше одновременно еще два действия – легшая мне на макушку ладонь и звук расстегиваемой ширинки. И еще взгляд, мол, давай не будем болтать. После ладонь мягко надавила мне на макушку, предлагая опуститься вниз.

Я сделала это. Потому что обещала и потому что хотела сама.

Когда у твоего рта такой орган, это все равно, что десерт для души. И неважно, что примерочная – шторка закрыта, ковер на полу мягкий. Прежде чем принять в рот головку, я успела посмотреть в зеркало слева. Секси, между прочим. Стоящая на коленях девушка в сексуальном белье, напротив мужчина с расстегнутой ширинкой, откуда вываливается такое достоинство, что меня поняла бы даже продавщица.

О нет, это был не его момент, это был мой момент. Сосать и обласкивать толстый красивый член, все равно, что купить самую дорогую брендовую вещь или выкатить из салона новый Ферро. Я

наслаждалась по полной. И мне было все равно, если наш второй «доступ» от начала и до конца пройдет в ротовом стиле, я была бы счастлива почувствовать финальную пульсацию своими губами. Но мой «принц» решил иначе. Насладившись жаром моего рта, меня подняли с колен, развернули, приготовились к классике сзади.

Когда ты возбужден и возмущен – это особое сочетание.

– Ты снова сделаешь это и уйдешь? – спросила я тихо, но едко. – А я, между прочим, для тебя красоту выбирала, думала, сразу тебя наповал, может, имя скажешь...

Мой новый бюстгальтер тем временем расстегнулся сзади. Потискали грудь нагло и с вожделением. Выдохнули в шею, после помогли другу протиснуться между моих ног – друг, точнее «дружище», уперся во влажный уже вход, ткнулся туда, как радостный гость, уверенный, что его давно ждали и даже скучали. После неуловимое движение, и друг погрузился в меня наполовину, расперева так, что не застонать не вышло. Рот мне зажали одновременно с началом «боевых действий». Внутрь-наружу, внутрь-наружу, не быстро, качественно, хорошо. Забылось совершенно, что мы в примерочной, что вокруг магазин, ходят люди... Одна рука держала мой рот плотно зажатый, вторая обласкивала грудь – то одну, то вторую...

На «этом» можно было кататься до бесконечности.

«Он слишком хорош, чтобы так просто отпустить... Я должна... придумать...»

Но придумывать, когда тебя так прекрасно и ненасытно «катают», сложно. Практически невозможно. Мою шею целовали, покусывали, мной снова наслаждались и баловались, как самой любимой живой куклой, подходящей на сто процентов. Я знала, что возненавижу этого мужика, как только он закончит и уйдет. С каждым разом пустота внутри все ощутимее, но именно сейчас, именно пока так жарко, когда он внутри, когда обнаженного тела касаются джинсы, жесткие полы куртки с замком, когда тебя дрючит самый настоящий самец, думать не выходит совсем.

Он невыносимо велик, он тверд настолько, что ты влюблен в эту палку, в этот запах и ритм, ты готов расслабляться и хлюпать, готов думать исключительно нервными окончаниями. Слишком с ним

хорошо, нереально, невероятно. И еще теперь, когда его вторая наглая рука переползла с моей груди на клитор.

И нет, я не успела кончить, не в этот раз – незнакомец разрядился первым. Шумно выдохнул мне в шею, вздрогнул, зажал рот так, что не пикнуть. А спустя мгновение потекла по ногам его сперма...

– Чудно, – выдохнула я тихо, как только ладонь отпустила, – выбирала-выбирала новое белье, теперь стирать. Надеюсь, оно тебя порадовало.

Сейчас меня оставят здесь наедине, думать о том, когда же следующая встреча.

– Если ты сейчас просто свалишь, то...

Он вышел из меня – выскользнул, как большой разбухший червь, – развернул спиной в стене. Наконец-то глаза в глаза, наконец-то дерзкие губы близко. Интересно, хоть поцелует на прощание? Я так негодовала, что даже не могла понять, нужно было просить пятнадцать раз вместо семи или же вовсе отказать?

– То что? – голос хриплый, низкий. Нет, мне однозначно не хватило. Если он сейчас уйдет, я закусая Люси, и также всех, кто будет входить ко мне в кабинет. И скорее всего, вообще запрусь изнутри на замок.

– То в следующий раз, когда ты придешь, я буду просто «телом», понял? Ни единой реакции. Буду смотреть телевизор или говорить по телефону...

– Думаешь, получится?

Он будто никуда не торопился. Ему нравилось мое лицо, я видела – мои губы, мой возмущенный взгляд и румянец. А также расстегнутый бюстгальтер, переставший вмещать сочную грудь.

– Все сделаю, чтобы получилось.

– Вредная.

– Это я? Это ты приходишь ко мне, как «к телу»!

А разве он не об этом просил. Кто ж виноват, что мне захотелось больше?

Краешек моих губ поцеловали, затем еще раз, лизнули самый уголок губ. Когда языком чуть внутрь, совсем чуть-чуть... До умопомрачения.

– Ты права, – выдохнули чуть слышно.

– В том, что ты хам? Что даже не представился?

К кабинке приближались каблук ассистентки. Сейчас она спросит о том, нужен ли мне «другой размер»? Не нужен, девушка, этот подошел.

– В том, что мне не хватило, – пояснил Х. – Давай продолжим. Жду тебя в машине у выхода.

Он выскользнул из кабинки, предварительно упаковав себя обратно в ширинку. Я же стояла и хлопала глазами. Мне покупать все эти вещи или нет? По моим ногам течет... Ладно, за белье просто расплачусь, остальное оставлю. Дам «чаевые» продавщице, чтобы остаться любимым клиентом, и... Не верилось – сейчас мы продолжим. Неважно где, главное, чтобы долго. И на этот раз я точно опробую, если позволит пространство, все позиции.

К кассе я подходила, одетая в тонкое платье-плащ поверх белья.

– Мне, пожалуйста...

Продолжить не успела.

Кассир улыбалась.

– Ваш кавалер все оплатил, – удивила меня елебно. – Все до единой вещи, которые вы мерили. Подождите минуту, сейчас вам их упакуют.

Все до единой? Я могла... и сама. Но, черт возьми, приятно. Незаметный жест, мимолетный, говорящий о человеке очень много.

Протянувшая мне фирменный пакет ассистентка выглядела так, будто ей оставили годовой запас купюр на чай.

– Приходите к нам еще.

«Одна. Или вдвоем», – блестяли ее глаза.

Вдвоем. Ага. Сразу, как только пойму, как из «одной» сделаться «вдвоем».

(Aerialie Brighton – Unbroken)

Мы неслись куда-то в черном квадратном джипе. Уверенные мужские руки на руле... а мне помнился палец, скользящий мне в рот. Оказывается, на большом пальце левой руки серебряное колечко –

стильное украшение для мужчины. Короткая щетина-борода совсем не портила водителя, лишь добавляла ему первобытной брутальности, придавала внешности ауру «смотри и слушай меня, слушай внимательно».

И я вдруг поймала себя на мысли, что вновь ощущаю себя маленькой. Я не испытывала этого чувства давно, с тех самых пор, как три года назад Рич выгнал меня из собственной квартиры, оставив в кармане мятую купюру в двадцать пять долларов. Я плакала полночи, мерзла, не знала, куда податься. Тогда я досконально изучила, что такое беспомощность. Подняла себя с самого низа, пообещала, что никогда не вернусь к «маленьковости», стала уверенной в себе, богатой женщиной, управляющей штурвалом собственной жизни. Беспомощность была забыта.

Сегодня она вернулась. Моя «маленьковость». Но какая-то другая, растерянная и теплая, потому как рядом сидел тот, за кем хотелось идти следом. Доверить ему себя, свою ладошку и сердце.

Бред.

«Просто мужик. Мы просто едем трахаться».

К чему лишние чувства?

Будто чувствуя мой раздрай и смятение, водитель вдруг положил мне на колено руку. Положил не пошло, но одобряюще. Мол, все будет хорошо. И ладонь эта грела, как батарея, проникая теплом до самого сердца.

А дальше было то, о чем мечталось.

Мужская просторная квартира, в которой, ввиду предпочтения хозяина, почти отсутствовала мебель. Большие комнаты и минимум убранства. То ли мой незнакомец здесь почти не бывал, то ли предпочитал аскетизм захламленности. Одно я уловила наверняка с первой секунды, как переступила порог – женщины здесь никогда не было. Женщина бы добавила этому помещению десяток комодов, три пары зеркал, красивые люстры, светильники, ковры и еще бог знает что...

Впервые на моей памяти «друг» не торопился. Ответил на чей-то звонок «у меня выходной» (чем до соплей меня обрадовал), отключил сотовый, положил его поверх снятой куртки.

А после я, наконец, разглядела его совершенно голого, красивого, большого, отлично сложенного. Раздели меня не спеша, на кровать уложили уверенно и принялись обласкивать. Поцелуями, касаниями, членом, дыханием, объятиями. Меня распластывали в классической позе «мужчина сверху», а я лишь понимала, что это влечение – процесс, похоже, бесконечный. Наверное, химия, запахи, случайное совпадение, но «X», как блюдо, которым невозможно насытиться. Я просто позволяла ему все – трахать меня, входить, ласкать, брать, делать что угодно. Хотя впервые слово «трахать» сюда не подходило – он больше не торопился. Ласкал исступленно, входил до упора, выдыхал от удовольствия так, что я влюблялась все сильнее. Он был горячим, тяжелым, правильным, он был до умопомрачения сексуальным, его невозможно было не хотеть. Я почти не удивилась, когда, кончив под ним, поняла, что хочу еще, хочу дальше. Хочу, хочу, хочу... Уложила мистера «X» на спину, забралась сверху и впервые до упора ощутила значение слов «сесть на кол». О, что это был за «кол» – горячий, толстый, растягивающий до невозможности. Мою грудь сжимали, тискали, ласкали пальцами и губами соски, а я все меньше хотела отсюда уходить. Все было правильным – дыхание, выбранный им парфюм, умеренная волосатость, большие ладони, жилистые руки, литые мышцы. Его дерзость, уверенная наглость, его доминирование, даже когда я сидела сверху. Только нельзя заканчивать – ни мне, ни ему... Вдруг на этом все?

В какой-то момент я приблизила свое лицо к его, почти касаясь губ призналась:

– Хочу тебя всего... Всеми способами...

Меня почти сразу мягко перевернули, уложили на живот, навалились сверху, прошептали в ухо:

– Хочешь максимум ощущений?

– Хочу.

Он заставил меня свести ноги. Зажал мои запястья своими, сковал, вошел сзади так, что я прочувствовала его не только растянутым лоном, но и кожей бедер, ягодицами, всем своим существом. Так входят в покоренных женщин воины, желающие оставить после себя в плененных деревнях след. Без спросу, без возможности отказаться, утверждая, клеймя, выставляя сверху свой флаг. Беспомощность, покоренность, невозможность шелохнуться

настолько остро пронзили меня, добавили плюс сто к удовольствию, что я, ради затеянной им игры, попыталась вырваться. Не тут-то было. «Х» придавил мою шею к кровати локтем. А дальше, в каждом совершаемом им толчке, слышалось: «Кто здесь хозяин?» Никогда еще я не чувствовала себя игрушкой без возможности двинуться в сторону. Меня припечатывали, более ни о чем не спрашивая, и я вдруг почувствовала, что впервые отдалась мужчине «совсем». Где-то внутри. «Ты победил, победил, победил!» А бедра уже пульсировали от спазмов и конвульсий, рвались стоны; кончал мой «друг» с рыком. Его пальцы на моей шее сжались, как ошейник. Последние толчки он делал в меня максимально податливую, находящуюся уже в смежной галактике.

И только спустя минуту полностью навалился сверху, обмяк – невозможно тяжелый, прекрасный, сделавший то, что желал.

«Х» впервые позволял лежать на своей груди. Не прогонял, не торопился сам, наслаждался, будто напоследок. Откуда такое чувство, неизвестно. Обнимал за плечо, смотрел вперед, полуприкрыв глаза; а я думала о том, что на самом деле в нем нет агрессии. Избыток мужественности – да. Но ни грамма дурного садизма, равнодушного эгоизма или чего-то подобного, способного оттолкнуть. «Х» брутален и силен, как полагается настоящему мужчине, он давно повзрослел, научился решать за себя и других. Он закрыт, совсем чуть-чуть циничен, даже, скорее, дерзок – так случается от избытка уверенности. И еще я никогда не могла разобрать его взгляд – чуть насмешливый, равнодушный и одновременно серьезный, будто внутри множество слоев души и их отражений.

(Zivert – Life)

Я более не желала уходить. Ни за что. И не понимала, как, желая изо всех сил здесь остаться, сказать об этом, не потеряв гордости. Никак, наверное, придется выбирать. Мне уже давно все равно, что думают другие, но этот... Царапалась осколком битого стекла мысль о том, что «Х» считает меня легкодоступной и продажной.

Я приподнялась на локте. Спросила прямо, как привыкла:
– Думаешь, я проститутка? Продалась за спасенную Онди?

Он смотрел все так же. Разве что во взгляд закралась насмешка и удивление. Я не верила, что он ответит, но это случилось.

– Думаю, мне повезло получить шикарную женщину без ухаживаний.

И вдруг стянулась пустота. Будто ее зализали языком.

«Шикарную женщину...» Значит, все-таки счел меня красивой. Глупая мысль, ведь ясно, что счел, если попросил доступ к телу, но ведь так важно услышать.

Однако раздражение во мне все же промелькнуло.

– Я не стою ухаживаний?

Он гладил меня по волосам. Непривычно мягко, ласково, и опять мелькнуло чувство, что напоследок.

– Стоишь. Но у меня бы не хватило терпения. Я трахнул бы тебя в первый же вечер, если бы увидел при других обстоятельствах.

– Да ты просто... невыносим.

Хотела стукнуть его по мощной груди, но меня вдруг притянули, поцеловали жарко и нежно, после снова погладили по щеке.

– Вполне выносим, как ты поняла. Но из меня плохой ухажер, когда я вижу такие формы.

Тепло. Тепло. Прямо горячо. И мысль: «Мы использовали все два раза или четыре?» Четыре «доступа», если судить по его оргазмам, и два, если думать, что после примерочной мы не прерывались (поездка на машине не в счет). Все-таки, сколько встреч осталось?

– Ты... живешь здесь?

«Х» почему-то захлопнулся – я ощутила это. То ли не желал о личном, то ли пришла пора расставаться.

«Нет. Не сейчас».

Но не спрашивать же о том, когда мы увидимся снова, я выдам себя и свои «лишние» чувства с потрохами. И не спросить нельзя.

– Осталось еще... три раза, да?

Не удержалась. Спросила все-таки.

– Увы, моя хорошая, – донеслось негромко, – оставшихся раз не будет. Я сегодня уезжаю.

С меня будто сдернули покрывало, хотя его на мне не было. Стало холодно, очень зябко.

«Но ты же вернешься?»

– К-куда?

– Далеко. Прочь от цивилизации.

Я молчала так долго, что внутри стало еще холоднее.

– Но ты же просил о семи «доступах»?

Его улыбка просочилась сквозь полумрак спальни.

– Я пожадничал. Не мог меньше, хотя хотел еще больше.

Дали глоток горячего чая в арктическую стужу. Уже не отогрел.

Если начну расспросы, выдам себя, а не спрашивать уже не могу.

Не хочу, чтобы он уезжал, не хочу... Я чувствовала себя девчонкой, которой только что подарили прекрасный кукольный набор, но открыть не позволили. Ответили: увы, упаковка должна остаться целой. Ты только посмотри, запомни, а наслаждаться по-настоящему будет уже кто-то другой.

– Телефон оставишь? – мой вопрос прозвучал тускло и как-то цинично.

– Там нет связи. Северный лес. Я смотрю за территорией и заодно тренирую ребят из охранных предприятий выносливости. Ухожу на три недели.

– Лесовик, значит.

Я не пыталась его обидеть, просто, когда ты расстроен, сарказм становится щитом от уязвимости.

Конечно. Потому «Х» и силен, накачан, брутален. Тренер, значит. Бегаёт марафоны, стреляет, обучает рукопашному бою. Что там еще?

– Когда едешь?

– Через час.

«Натрахал так много, как мог».

Но ты же вернешься? Почему он не думает о встрече после возвращения? Три недели – это долго, но я чувствовала, что буду ждать. Противно, однако, когда тебя в дальнейшие планы уже не включают.

«Х» изменился. Стал другим. Он был уже не здесь, приготовился одеваться, думать о том, что случится через час-два, вечером. Совсем скоро руки на руле будут лежать, но пассажирское кресло будет пустовать. Дальше другие приключения, другая жизнь – моя отойдет в сторону.

– Как тебя зовут?

– Гранд.

Еще вчера меня порадовал бы факт ответа, а сегодня расстроил. Красивое имя, подходит ему.

«А я Джулиана», – наверное, надо было сказать, но я промолчала, меня никто не спрашивал. Да и вообще, уходить надо первой, не ждать, когда укажут на дверь. То, с какой горечью я отрывалась от вожделенного тела, не передать, и я надеялась, что чувства не проступили на моем лице.

Движения чуть резче, чем требовалось, но мне хотелось поскорее уйти. Я отвыкла себя навязывать, хотя в данном случае очень хотелось. Мне не составило бы труда держать «мину» при любом другом мужчине, но при Гранде моя «маленьковость» разломала защиту. Платье-плащ я застегнула трясущимися пальцами, пояс затянула туго.

– Уходишь?

Как будто не ты только что сказал, что уезжаешь через час.

– Да, мне пора.

Думала, он даже не встанет, почему-то была уверена в этом. Просто позволит выйти, хлопнуть дверью, лишь поморщится на кровати.

Но меня поймали у выхода за руку. Довольно жестко, развернули к себе, прижали к стене; и дохнуло вдруг той самой мужественностью, которую я ощущала полчаса назад.

– Я не пытался тебя обидеть.

Конечно, нет.

А темные глаза стальные, такие, как после склада. На губах привычная полуусмешка; сводящий с ума запах кожи, смешанный с туалетной водой, литые мышцы рук, грудь, как латы легионера. А внизу такой член, что еще пара касаний, и я позволю его в себя вставить, забуду обо всем. И случится тогда без перерыва наш пятый, шестой и седьмой раз. Одного поцелуя хватит.

Нет, не дамся.

– И поэтому ты решил не звонить мне после возвращения?

– Такая красавица, – шепнули мне тихо, но жарко, – за три недели найдет себе кого-нибудь еще.

– Да за кого ты меня считаешь?

– За привлекательную женщину.

– За дуру!

Он не выпускал мои запястья долго. Ничего не говорил, но и хватку не разжимал. Я чувствовала, что еще минута, и я начну плакать, а я очень давно этого не делала. Не перед мужчиной. Тогда я стану тряпкой, размазней, тогда я уже точно начну за него цепляться, попрошу взять меня с собой, но услышу отказ, повторенный несколько раз кряду...

– Хорошей дороги, лесовик.

Я все-таки вырвалась. По лестнице в подъезде сбежала быстро, вспомнила о том, что пакет с новым бельем остался закрыт в машине, горько усмехнулась – он мне не понадобится.

Но все-таки я сфотографировала номер джипа.

Тот, который был сверху, и дублирующий, скрытый под ним. Такие ставят себе либо очень богатые люди, не желающие быть узнанными, либо бандиты, либо узкоспециализированные парни.

Черт его знает, кем именно являлся мой новый знакомый.

«Старый знакомый», – поправила я себя, желая поскорее удалиться с этой улицы, чтобы заказать такси на соседней.

Не просто старый, а уже бывший.

Хотелось орать.

Глава 5

(Holly Humberstone – Drop Dead)

– Лесовик, значит, говоришь...

Люси сосредоточенно рылась в недрах интернета после того, как заставила меня пересказать о произошедшем четыре раза кряду. А я любила ее за умение «не лезть». Нет, приехала она сразу, деловито разобралась в ситуации и надолго замолчала, сосредоточив взгляд на экране. Хорошо, когда к тебе не лезут со словами утешения, ободрения и ложной надежды, мол, все обязательно будет хорошо. Люси не коврик, Люси по замашкам, скорее, следователь. Она не будет учить тебя жизни, упрекать «ты слишком много пьешь» или советовать не лить слезы, но всегда попытается помочь делом.

Сейчас она стучала по клавишам и хмурилась.

Я же держала в пальцах стакан с алкоголем и ждала, когда вино сдвинет меня, наконец, или в беспросветную печаль, или в облегчение. Но настроение стабильно держалось на апатичной грусти. Сотни тысяч пар в мире сходятся и расстаются – фигня ведь? Кто-то страдает долго, кто-то не очень, кто-то помнит всю жизнь, кто-то забывает на следующий день.

Гранд оставил после себя пустоту. Печальную такую, желающую заполнить себя им же.

– Не раскисай, – донеслось от кресла.

– Я не раскисаю.

Стараюсь.

– Кто знает, какие у этого мужика баги в голове...

– Точно.

Люсин программный сленг прижился еще с тех пор, как мы, познакомившись на курсе «Сделай себя сам», решили вдруг создать собственный веб-сайт, позже развернувшийся в полноценный магазин. Кодить его начинала сама Люсинда Крэйн – вышло топорно, но сносно. Годом позже к нам присоединилась профессиональная команда программистов.

Давно мы с ней вместе, оказывается. Я умела терпеть ее ворчание и прямоту, она умела поднимать мое настроение, когда последнее превращалось в лужу.

– Лесовик... А ничего так, Лесовик... – бубнили себе под нос от компьютерного стола.

Снисходительность к собственному бессилию – не моё. Моё – брать все в свои руки, анализировать, делать, занимать себя полезными или приятными вещами. Но Гранд вышиб меня из колеи, и последние сделались недоступными.

– А знаешь, темная лошадка, этот твой Гранд...

Он не мой.

– ...я кое-что на него все-таки отыскала, правда лазить пришлось по закрытым базам. Сказать тебе его полное имя?

– Скажи.

– Гранд Эрдесон.

Хорошее имя, звучное.

– Оно тебе ни о чем не говорит? – не унималась Люси.

– Нет.

– Это потому что ты почти не читаешь газеты и не смотришь телевизор.

– И не собираюсь начинать.

– А зря. Потому что примерно полгода назад твой Гранд был упомянут в одной статейке... Посмотри, это же его фото? – На меня услужливо повернули монитор.

Фото было его. Те же темные глаза, жесткие, но красивые черты лица – и накрыло вдруг чем-то тяжелым. Несколько часов назад этот парень лежал на мне, целовал, прижимал к себе так, что внутри проснулась надежда на нечто большее.

– Да. – Я осушила бокал, потянулась за бутылкой. – Что в этой статейке?

– Нечто очень занятное. – Странно, но в моменты такой вот деловитости Люси казалась мне по-своему красивой. Сосредоточенной, уникальной в своей непривлекательности, цельной. – Он упомянут, как один из инвесторов «Кари Трейд Корп».

– Это всего лишь значит, что у него есть деньги.

– Значит.

– Понятно было уже по его машине.

– Может быть. Но навряд ли ты знала, что он владелец «Гранд Траста».

– Что это?

Люси смотрела на меня круглыми удивленными глазами. Не теми, когда «ну ты даешь!», а теми, когда «этого я не ожидала сама...».

– Это ко-инвестор Букинса, к которому мы идем на вечеринку на следующей неделе. Невидимая прессе, но, похоже, очень значимая личность.

Мне от этих данных не легче. Когда у человека много денег, в его голове происходит некое психическое помешательство, так я считала. Чрезмерные финансы толкают человека думать о всемогуществе, а последнее начинает принижать достоинства других. Как по мне, лучше бы Гранд был обычным... охранником... Не знаю... С простыми людьми проще.

– Отсюда и сменные номера. Такие, как он, не светятся, иначе на них слетается пресса, бомонд и все остальные.

– Он всегда может сбежать в лес.

– Кстати, о лесе... Ты знаешь, что Северный Лес – это аномально холодная в любое время года территория?

– Нет, я там не была.

– И не удивишься, наверное, если я тебе скажу, кто владеет пятьюдесятью его гектарами?

– Нет...

– Да.

– Хочешь... сказать...

– Тренировочная база – его же собственное детище. Хобби. Потому как охранный бизнес – это дочерний бизнес Гранда. Прикольный мужик.

Последнее Люси хмыкнула без попытки меня расстроить, я же поняла, что початую бутылку этим вечером я прикончу.

– Красивый, статный, богатый... Повезло тебе.

Еще неуловимый, незаинтересованный во мне, занятый лишь своей жизнью. Повезло, конечно.

– Дать тебе нож подлинше, чтобы ты провернула в моей груди лезвие?

– Эй, ну прости. Занятый... тип. Я только это хотела сказать.

Занятный или нет, мне придется выбросить его из головы. Никто не играл Джулианой, и никто не будет. Если уж ему не до меня, то и мне станет не до него. Одно только висело между нами – оплаченный им в «Глансе» счет. Другая бы плюнула, забыла или даже порадовалась, но я подачек не любила. Если я не твоя женщина, платить за меня не нужно. Внутри меня Джул упрямо сжимала зубы.

– Люси, можешь найти номер его банковской карты или личный счет?

– Это еще зачем?

Мой взгляд заставил подругу молча развернуться к монитору. А спустя какое-то время произнести.

– Наверяд ли... Можно отыскать корпоративный для внешних переводов, но личный... Тут понадобится помощь кого-то посерьезней, чем я. И все-таки?

«Зачем?»

– Хочу вернуть ему деньги за белье.

– Которое он же увез?

– Это неважно.

– Жу, ты ведь не собираешься использовать это как предлог, чтобы окончательно потерять гордость и повиснуть у него на шее?

Только эта сивая и конопатая леди имела право изредка звать меня «Жу». Повиснуть на шее Гранда очень хотелось, конечно.

– Не собираюсь.

Меня сверлили серьезным взглядом. Но мы не для того прошли огонь и воду, чтобы я заставляла Люси вновь собирать себя из грязи, куда я паду, если лишусь гордости.

– Тогда могу попросить наших ребят этим заняться. Ну или позвони Информаторам.

Информаторы – тема. Дорого, но быстро.

И слишком просто. Как-то дешево и даже не сердито, если Гранд вдруг прочитает сообщение при зачислении средств на счет: «От Джулианы за белье». На подобное даже я бы фыркнула.

– Знаешь, – вдруг взглянула я на подругу сосредоточенно, – отыщи мне лучше адрес этой тренировочной базы. Координаты для спутника, что угодно. И путь, каким туда можно добраться.

– Я знала, что этим все закончится, – на меня смотрели угрюмо.

– Я не повисну у него на шее.

Долгая пауза – такой проверяют на вшивость. После вздох, означающий: «Прежняя Жу повисла бы, но ты уже другая, ты не повиснешь».

– Ладно, – сдалась Люси, – с тебя двойные премиальные, если ты опять свалишь на меня все обязанности.

Она упрямо не желала становиться компаньоном, хоть я не единожды предлагала.

– Хоть тройные.

– Да не в деньгах счастье, ты же знаешь...

Иногда в них горе. А иногда они становятся поводом отправиться в глушь, в которой всегда холодно.

– А какая температура в Северном лесу?

– Пей уже. Не мешай. Я все для тебя найду.

Наверное, я усну одетая и на диване, а она все будет сидеть здесь, стучать по клавишам, качая головой. Где-то в глубине души Люси знает, что есть вещи, которые стоят того, чтобы действовать иррационально. Возможно, сейчас именно тот случай.

Северный Лес

Гранд

(Madalen Duke – Love into a Weapon)

Под ногами хлюпало.

Температура поднялась почти до нуля, снег сделался липким, лежал теперь сырыми комьями – бегать марафоны по такому неудобно. Тем лучше.

Избушка промерзла до самого фундамента; Гранд первым делом растопил печку. Дров хватало; за новыми он сходит завтра. Полыхал маленький зев, лениво пожирал сухие поленья, нет-нет, чадил дымком наружу, но дверцу прикрывать не хотелось – о жар отлично согревались руки.

И некстати подумалось о том, что остаток этого дня он мог бы провести в теплой постели. Позволить себе расслабиться, обнять податливое женское тело, просто поговорить, просто выпить кофе. Но это необратимо вело бы к чему-то более глубокому, к чувствам.

А к ним Гранд пока не был готов.

Прошло полгода, но ему все еще помнилась Сара. Не она сама, а та картина, которую он увидел, вернувшись из Леса на сутки раньше – его любимая женщина в жарких объятьях фитнес-тренера. Молодого смазливого парня. Моложе Гранда, симпатичнее, без бороды...

Удивительно, но он ничего тогда не почувствовал. Совсем. Пустоту, некое не поддающееся определению онемение одной из сердечных мышц – попросил на выход обоих; титаническим усилием воли сумел не свернуть любовнику шею, а ведь уже готов был преподнести избраннице кольцо...

Наверное, красивые женщины просто не умеют быть одинокими. Даже если это всего на пару недель. Сара знала о том, что часть времени Гранд проводит на отдаленной базе, знала и была согласна с таким раскладом. Всегда провожала его поцелуем, говорила, что будет скучать, бросалась ему на шею по приезде, отдавала себя всю – так ему казалось. И тем противнее было осознать в себе идиота, неспособного отличить настоящие чувства от игры. Наверное, они отлично это умели, женщины – играть. И он обиделся не на одну из них – красивую, с которой прожил почти год, – а на самого себя за неспособность ощущать ложь. Не понял, как мог так просчитаться, как не учуял подвоха издали, почему оказался в конечном итоге рогатым бараном.

Внутри так и не отмерло. Нет, почти... Когда Джулиана спросила, позвонит ли он через три недели, когда обиделась так естественно, что та самая онемевшая мышца вдруг дернулась. У этой девчонки вообще имелись уникальные качества, за пару дней пробудившие в нем два желания – быть рядом и заваливать ее в постель. Все из-за ее выражения лица – проглядывалась в нем какая-то наивная беспомощность. Бизнес-леди, да. Деловитая, собранная, маленький вихрь. И в то же время девчонка. Ранимая и чувственная. Ее деловитость и самостоятельность казались Гранду мыльным пузырем, оболочкой, сквозь которую он видел кого-то, нуждающегося в защите.

И его нутро инстинктивно откликлось. Взять хотя бы тот ее поход на склады ночью или повисшую на обрыве машину.

Им всем повезло тогда. Самой Джулиане, бедной Онди, и ему, Гранду, успевшему зацепить тросом и оттащить от пропасти авто до того, как просядет под напором сухое дерево.

Он бы так и уехал... Что может просить человек, счета которого полны деньгами? А любовь, как известно, не купишь.

Но к тому времени он полгода был без женщины, истязал себя тренировками на базе, отвлекал делами, как умел, не желал ни с кем сблизиться. А накануне проснулся ночью оттого, что кончил во сне на пододеяльник. Как пацан. И это здоровый мужик, полный тестостерона... Нужно было что-то решать. Мысль, проскользнувшая утром в голове, вечером случайно воплотилась неожиданной, но удачной встречей. Ее удачность он в полной мере осознал, когда разглядел на ночной дороге в свете фар женщину в легком белом платье и с потеками туши на щеках.

Уже тогда ее чертова беззащитность торкнула внутри него включатель. А взгляда на лицо, грудь, талию и ноги дали понять – то, что нужно. На такую у него не просто встанет – встанет до подбородка. Как удачно, что «доступ к телу» Комиссия так и не отменила, как вид платы, изредка требуемой мужчинами от женщин.

Джулиана могла отказаться, но он подловил ее на растерянности. Прежде чем прийти к ней в первый раз, прочитал всю информацию, которую нашел на «объект» глава его службы безопасности: «Чистая, ответственная, ни с кем не встречается». Не шлюха, не женщина, что-либо знавшая о нем – в этом Гранд был уверен. То, что нужно. В последнее время к нему часто подкатывали искательницы богатств (спасибо чертовому журналу «ОнВикс», включившему его имя в список самых обеспеченных и влиятельных людей города), его тошнило от их размалеванных лиц, томных взглядов и этого загадочного выражения глаз – мол, поиграем?

Он наигрался с Сарой.

Печка ворчала, тихо гудела воздухом и шипела пламенем; комната медленно отогревалась. Еще минут пять, и он сможет снять куртку.

Кто же думал, что их обоюдная химия начнет высекать искры. И эта честность во взгляде, которую Джул так отчаянно силилась маскировать, притворяясь незаинтересованной.

Гранд пытался переключить мысли, как мог.

Ему не надо. Ему все это не надо – он спустил пар.

«Вранье!»

Он спускал бы его еще и еще. Полагал, что четырех извержений будет достаточно, чтобы унять, наконец, пыл, но, кажется, только раззадорился. Входить именно в это тело он был готов до бесконечности – Гранд улыбнулся, вспомнив слова: «Буду говорить по телефону или смотреть телевизор...» Неважно, он будет влезать на нее, как бык, независимо от рода ее занятий. Очень удачный «доступ». Очень.

«Перетянуть обивку мишеней, почистить оружие» – буксиром возвращал внимание к делам. Очень скоро сюда приедет пара десятков новобранцев, которых ему придется обучать с нуля. Гранду нравилось. Хорошее занятие – проясняет характер каждого, закаляет его, очищает от грязи. Тренировать – достойное занятие!

Он так считал, пока Сара... К черту Сару! Он давно был к ней равнодушен, но себя не простил.

Он приехал сюда работать, и будет работать. Этот вечно холодный Лес обладал удивительной способностью успокаивать нервы. Хорошо, что никто не знал о том, что Гранд тихо и незаметно от всех построил в его глубине себе хороший полноценный дом. Не эту лачугу рядом с бараками (незачем новичкам сразу попадать в комфорт), но двухэтажный коттедж, в котором можно провести время в удовольствие. Есть и сауна, и мангал, и тихие комнаты...

«Осмотреть местный подвал на предмет затопления... Наказать сторожам вымести столовую, поговорить с поваром...»

Вскоре на стрельбище зазвучат выстрелы; по утрам будет разгон крови по венам в мышцах, по вечерам исконно мужская болтовня у костра. Стук железных ложек о бока тарелок, пахнущий дымом чай; висящие у кроватей мокрые после трудного дня портки. Не место для женщин. Совсем.

Избушка нагрелась; Гранд оголодал. Мог бы пойти в столовую, попросить сварганить ему пару бутербродов, но он купил один на заправке, оставил его в машине.

«Проверить тренажеры и снарягу... Просушить веревки для подъемов, осмотреть карабины».

В машине он наткнулся глазами на пакет из «Гланса».

Почему-то долго смотрел на него, прежде чем открыть дверцу, взять в руки.

«Сиреневый или зеленый? Я, между прочим, белье для тебя выбирала...»

Она была в нем очаровательна, и ярко, очень реалистично вспомнились ее губы на вставшем члене – жаркие, мягкие. В джинсах моментально стало тесно.

Ему придется выкинуть сантименты из головы. Потому что через три недели он не позвонит, не будет проверять, кувыркалась она с кем-то или нет, не захочет быть одним из многих. Теперь неизвестно, когда он вообще в следующий раз позволит сблизиться с кем-то, хотя бы для секса. Случайное исключение.

Очень чувственное.

Он почему-то все не откладывал пакет – смотрел на нежный шелк, на кружева, и понимал, что врет себе. Наверное, он все-таки придет через три недели, потому что ему не хватило. Этой груди, этих «девочек», которым тесно вместе, бархатистой талии, этой податливой расщелины, куда так смачно было протискиваться. Узкая для него, прекрасная; он так и не попробовал задний ход... Наверное, она бы дерзила и пыталась его остановить.

Да, он навестит Джулиану еще раз.

Пакет отправился в багажник. Ни к чему держать его на глазах.

Гранд достал сумку, оглядел надвигающуюся синеву – в лесу она всегда казалась ему удивительного оттенка, – в который раз подумал о том, что в такой сырости промокнут любые ботинки. Нужно проверить прогноз. Этот Лес отличался непредсказуемой погодой: сегодня весна, завтра накроет такая стужа, что носа на улицу не высунешь.

Тем интереснее.

Шагая обратно к избушке, он понял, что ему придется принять тот факт, что еще сегодня, по крайней мере сегодня, он не сможет не думать о той, которую оставил позади.

Сдержанная и страстная, слишком настоящая, нуждающаяся – он хотел ее защищать, а после заваливать в постель, снова защищать, снова заваливать – круговая порука.

До самого вечера он никуда не ходил – ни к сторожам, ни перетягивать мишени, ни с заданиями повару.

Удивился самому себе, когда достал бренди. Просто открыл его, просто сел у печи.

Она заставила испытать оргазм его мозг. Своей податливостью, нежеланием показаться легкодоступной, но неспособной сдерживать при виде него жар. Она не хотела, чтобы он уезжал, и мелькнуло старое забытое чувство, что он действительно кому-то нужен.

Ей повезло, что он так быстро разлепил их, потому что, неспособный перестать приходить, показался бы ей в конце концов одержимым. Ей или себе?

Теперь неважно.

Гранд вдруг подумал о том, что доступ к ее телу, если вдруг ее машина в очередной раз сползет с дороги, может попросить кто-нибудь еще.

И понял, что сейчас точно пойдет чистить оружие. Пьяный и злой.

Глава 6

(ANIVAR – Высоко)

Синоптики говорили: «Будьте оптимистичны! Да, небольшое похолодание, да, на севере региона возможен снег, но если вы останетесь дома с чашкой чая...»

Дома мне не сиделось. И оптимизм сегодня не был моей сильной стороной. В городе, который вот уже на сто пятьдесят километров остался позади, плюс шестнадцать – терпимо. Поля по обочинам сначала становились более тусклыми, жухлыми, после покрылись инеем, а теперь на шоссе лежала мелкая ледяная крошка; пришлось включить дворники.

«Не падай перед ним на колени», – наставляла Люси после того, как гордо представила меня арендованному белому джипу, который мне пока удавалось не увести на скользкой дороге в занос. «Не стелись, не проявляй слабость...»

Я и не собиралась, хотя отлично понимала, что совершаю глупость. Глупость эта была мне необходима для того, чтобы знать – я попробовала. Я все сделала, я не сидела сложа руки, я гордо встретила свой страх лицом к лицу. Правда, страхов этих было больше, нежели один. У меня еще до встречи с Грандом тряслись поджилки, потому как никому не хочется уходить прочь побитой собакой. А я, скорее всего, после короткого диалога и фразы «тебе лучше уехать» буду дважды побитой собакой. Не потерять бы лицо.

Музыка из динамиков лилась оптимистичная, я с ней не резонировала, и потому приглушила громкость до минимума; еще десять километров почти в тишине. Снег усиливался. Как же непривычно нырять из лета в зиму, как странно.

И некстати вспоминалась Мари.

Она не была ни толстой, ни особенно уродливой, но что-то неверное крылось в ее самооценке, и, когда она устроилась ко мне в отдел менеджером, ее затравили. То бросали лед в ее кофе, то подменяли бумаги, то лепили непристойные стикеры на монитор. И делали это серьезные люди, с которыми я была знакома месяцами.

Никогда они на моей памяти не вели себя так гадко и низко, но скрытная Мари, проходя мимо, всегда вызывала желание стать ведьмой и сделать ей гадость. Чем? Не знаю, аурой жертвы, что ли. Хотелось вдруг отпустить внутри поводья и позволить себе измываться, унижать, хохотать, тыкать пальцем вслед...

Не знаю, что именно случилось месяц назад. Тогда я вышла из кабинета, потому что услышала дружный гогот и увидела, как Мари, вся красная, почти пунцовая от унижения, спешно бросает в коробку личные вещи. Заявление она написала задним числом. Наверное, зря я не попыталась разобраться – была завалена делами, не до того, – но до сих пор помнилось выражение ее лица и застывшая в глазах стыдливость. За себя, за собственное существование, за неумение нравиться людям.

Не уходить бы от Гранда с таким же.

«Он может разозлиться и начать орать... – перечисляла я в уме возможные варианты развития событий, начиная с самого неблагоприятного. – Выставит меня прочь, выгонит...» Чуть лучше, если орать не будет, но вежливо попросит на выход. С каменным выражением лица, как когда-то Рич, которому я помешала отправиться на сходку с друзьями, куда были приглашены «новые девочки».

«А я?»

До сих пор ярко и болезненно помнился тот идиотский диалог, предшествовавший жесту, указавшему мне на выход.

«Джул, давай без выяснений...»

Рич был богаче меня, увереннее в себе – в таких всегда влюбляются. В дерзость, в некоторое равнодушие и расслабленность, даже в эгоизм.

«Возьми меня с собой...»

«Нет!» – и тщетно скрываемое брезгливое выражение на лице. Уже оно одно стало в тот вечер сигналом, что трещина превратилась в разлом.

«Я должна просто сидеть и ждать, пока ты развлекаешься?»

«А ты не жди, – холод в глазах, – ты просто собирай вещи и уходи. Ладно? Чтобы к моему возвращению тебя здесь не было».

...А за окном почти полночь.

С тех пор я терпеть не могла унижаться и все же гнала арендованный внедорожник в неизвестном направлении. Туда, где все

холоднее, где дороги все хуже, где даже спутник путался в построении маршрута и постоянно терял из-за низких туч сигнал.

Хорошо, что Люси заставила меня сразу надеть теплые штаны и куртку, натянуть угги, бросила на сиденье шапку.

Она молодец, Люси...

Лес начался сразу и неожиданно – раз, и стены по обе стороны. Вековые сосны, елки, редкие белые стволы берез. Узкой и неровной сделалась дорога; джип кидало, скрипели рессоры. Мне казалось, что вместе с поездкой я заказала себе массаж поясницы и конный тур в придачу. Влево, вправо, то яма, то подъем...

– Давай, мой хороший...

Внедорожник со своей задачей справлялся отлично, через пятнадцать минут родео я приноровилась, сбавила скорость до минимума, успокоилась.

А хорошо бы, подумала вдруг наперекор страхам, если бы Гранд мне обрадовался. Если бы не сразу на выход, а хоть немного... тепло и душевно.

Эту хрупкую и притягательную картину я держала в воображении, пока не приблизилась к воротам.

Мне повезло – в будке отсутствовал сторож. Створки распахнуты, въезд свободен.

«А если здесь сотня мужиков? Если идут учения?»

Этот пункт стало можно вычеркнуть, когда выяснилось – база тиха и пуста. Межсезонье.

Однако ухнуло куда-то в желудок сердце, когда возле домика увиделся вдруг черный, припорошенный снегом джип Гранда.

(Adam Jensen – The Hunter)

Он показался из дверей практически сразу же, не позволив мне собраться с мыслями. Вышел, привлеченный звуком чужого мотора – набросив куртку, без шапки, обутый в армейские сапоги. Такой же высокий, как помнилось, и, кажется, еще выше...

Я, выдохнув испуг в салон (оставайся тут!), открыла дверь и вышла наружу.

Этот был его мир – суровый, снежный, первобытный. Вокруг непогода и вековые деревья, стужа, примитивные строения, бараки,

отсутствие центрального отопления. Железная бочка у крыльца; метла, лопаты дальше у стены – ни тепла, ни уюта.

Хуже всего, что Гранд молчал. И на лице его не читалось ни упрёка, ни радости. Вообще ничего. Мол, приехала, все расскажешь сама.

Он смотрел без осуждения, ровно, а я настолько разволновалась, что хотелось прыгнуть обратно в салон и умчаться. Однако теперь главное – держать лицо, чтобы не как Мари...

– Ты увез мои вещи, – произнесла так буднично, будто доехала за ними до соседней улицы, а не к черту на кулички.

– Вещи?

Он прекрасно знал, о чем речь, но не собирался облегчать мне жизнь. Еще меньше облегчал ее мне здоровый силуэт. Шел снег; а мне почему-то ощущалось, что на Гранде нет ни куртки, ни штанов, что я, словно рентген, вижу под одеждой его литые мышцы и спокойно лежащий в трусах толстый член. Воздух стылый; внутри меня неожиданно разлился жар.

– Мое... белье.

– Твое белье. Да.

«Хоть не разозлился, значит, не худший прогноз». Но, судя по отсутствию радости, второй за ним.

Показались из кармана ключи; джип мигнул фарами, оповещая об отключении сигнализации. Из багажника показался знакомый пакет; Гранд протянул его мне без слов.

– Спасибо.

Я достала заранее приготовленные купюры, которые сняла в банкомате еще в городе, подошла к мистеру «я не гоню тебя, но и не рад», сунула в нагрудный карман.

– Оплата... за покупку.

Вблизи было еще хуже – он пах собой, своим парфюмом, и вблизи я сама себе казалась маленькой. В довесок у Гранда едва заметно раздулись ноздри. Я все-таки пнула его по прекрасным шедевральным яйцам. Он не предложит остаться, а я не буду унижаться, следующий месяц буду гордиться хотя бы этим.

– Я не могу сделать тебе подарок?

– Подарок? Женщине на одну ночь, которой ты не собираешься звонить? Нет, мне подачки не нужны.

Здесь владелец базы казался жестче, собранней, чем в городе. Непробиваемым. И все таким же привлекательным, черт бы его подрал. Но лить слезы, если накроет, я буду уже в машине по пути назад – не перед ним. И я молодец, у меня получилось сказать, сыграть, как по нотам. Без пафоса, без обид и наездов. Просто приехала, просто забрала вещи.

Мерзли уши; поднялся ветер. Снег теперь мел нешуточный. Похоже, путь назад будет еще сложнее, чем сюда, но ничего, упорство завело сюда, доведет и обратно. Качались верхушки деревьев, беспокойно-серым стало низкое небо.

– Джулиана...

Это слово остановило меня тогда, когда я уже открывала дверь, чтобы ехать назад.

– Знаешь, как меня зовут? Чудесно.

Я разглядывала человека в черном вопросительно. Какое-то время он молчал, не то собирался с мыслями, не то анализировал нечто, одному ему известное.

– Тебе нельзя здесь оставаться, это опасная территория...

Ничего нового. Как раз по сценарию номер два.

– Да-да, я уже уезжаю. Иногда я такая послушная, самой тошно.

Мне почему-то стало легче. Я решила ехать, я приехала, я выстояла. Я все сделала.

– ...но ехать сейчас нельзя, начинается метель.

– Зовешь на чай?

Я смотрела со смешком.

– Нужно переждать.

– Это скрытое приглашение?

– Да нет, черт возьми! – Гранд начинал злиться. Что ж, тоже хорошо. Тем более, если не приглашение. – Но даже я не рискнул бы ехать обратно прямо сейчас. По прогнозам, вьюга продлится до вечера или середины ночи. Ты застрянешь еще до шоссе, снег липкий, под ним скоро образуется лед...

– Я не застряну.

Не успела я сесть в кабину, как донеслось.

– Твоя обида сильнее твоей же рациональности? Не будь душой!

Последнее прозвучало и вовсе жестко.

– Кто ты такой, чтобы запрещать мне быть душой?

Наверное, он прав, наверное, ехать не нужно. Но еще меньше мне хотелось молча сидеть с ним за одним столом, натужно искать темы для беседы и ждать, когда же кончится долбаный снег. Хуже того: спать в разных комнатах, ежесекундно запрещая себе входить в соседнюю спальню, до рассвета не быть способной сомкнуть глаз. Наверное, когда легко и глупо сходишься, нужно уметь так же легко и глупо расставаться.

– Пока!

Я хлопнула дверцей, завела мощный мотор. Путь назад будет долгим, но мое же раздражение станет мне топливом. Меня здесь не ждали, я здесь не останусь.

Теперь непогода откровенно раздражала; снег лип на лобовое стекло мокрой ватой, мешал обзору; дворники работали без устали. Джип снова качало на ухабах, изредка пробуксовывали шипованные покрышки. Гранд был прав – мокрый запорошенный наст быстро превращался в лед. Придется прибавить скорость и до трассы позволить своему хребту высыпаться в трусы от тряски. Выхода нет. На очередной кочке, когда внедорожник наклонился вбок, съехал по заднему сиденью и упал на пол пакет из «Гланса».

– Давай, надо поднажать...

Я нетерпеливо постучала по рулю.

Если не успею на трассу, застряну на одной из этих горок, и тогда Гранд снова будет вытаскивать мою машину тросом. Ну уж нет, второй раз этому не бывать.

На короткий момент поймал сигнал спутник, прорисовал синей лентой маршрут. Здесь, насколько мне помнилось, была всего одна дорога, но GStar сейчас показывал вторую – короче, ближе. Если свернуть направо, пересечь реку по мосту, путь до выхода из леса сократится почти на два с половиной километра. Чудесно.

Я свернула направо.

Гранд

Он опешил от ее приезда. Оказался пойман врасплох и словил такой водоворот различных эмоций, что даже не смог выделить главную. Чертова дерзкая девчонка. Ладно, сделала вид, что явилась за вещами, но жгли грудь засунутые в карман купюры. И еще этот гордый отъезд, сразу после того, как он ощутил шлейф ее нежных духов, теперь улетучившийся от ветра.

Белый джип гордо вильнул задом, точно, как его хозяйка, после скрылся на узкой дороге.

Он же ясно сказал – нельзя ехать. Шанс добраться до шоссе есть, но в непогоду путь сложный, полный нервов и стресса, ей придется применить все свои профессиональные навыки водителя. Если двинет прямо, как приехала, выйдет на трассу примерно минут через сорок, а если...

– Только не сверни вправо, – вдруг пробормотал Гранд, одновременно выхватывая из кармана ключи. – Только не направо...

Он влетел в стылую кабину, вставил ключ в замок зажигания; взревел холодный мотор.

– Прости, друг...

Там над рекой мост, сваи давно прогнили, доски не выдержат веса даже легковушки, не то что внедорожника.

– Черт!

Черная машина запрыгала по ухабам, как конь, ударенный по крупу; вслед, словно сумасшедшему, смотрел вернувшийся в будку старый дед Костич.

– Куда несесся-то?

Гранд махнул ему рукой, мол, сторожи себе.

Он честно пытался выдохнуть – она повернет налево, она не знает о другой дороге, – сейчас он достигнет развилки, убедится, что следы ведут прямо, сдаст назад...

Но следы – у Гранда в этот момент просело сердце – вели направо.

(Sam Tinnesz, burnboy – Victorious)

Он успел. И нет.

Машина успела провалиться в гнилые доски, накрениться, просесть на правый бок – попавшие в щель колеса беспомощно

болтались над бурным ледяным потоком; отвалились с обеих сторон перила.

Джулиана пыталась изо всех сил. Выбраться, не качнув машину еще сильнее, не свалиться в реку, когда под ногами слева всего несколько обледенелых сантиметров. Цеплялась пальцами то за приоткрытое окно, то за ручку пассажирской двери, пробиралась мимо машины, ежесекундно рискуя полететь вниз.

Если выкупается, сляжет с воспалением легких.

– Давай руку! – орал Гранд, максимально быстро и осторожно приблизившись к застрявшему джипу. – Руку!

Она тянула ее – трясущуюся, беспомощную, – а в глазах паника.

Секунда, он ухватил запястье (наверное, слишком сильно и слишком больно), и в этот же момент увидел, как правая ее ступня соскальзывает с доски вниз, как теряет равновесие женское тело, срывается вниз.

Гранд не единожды вытаскивал из обрыва людей, думал, что привык, но всего за мгновение покрылся испариной – успел дернуть Джулиану на себя, и обошлось лишь намокшей до колена ногой и потерянными сапогом.

– Давай, сюда...

До его машины метров двадцать, идти их, опираясь на мокрый ледяной носок, не дело. Ему хватило одного взгляда на след от практически босой ступни, чтобы подхватить Джулиану на руки. Вот и начался марафон... Чуть раньше, с живой ношей, думал Гранд, доставляя пассажирку к своему авто.

– Внутрь! – Он командовал по привычке. Усадил девчонку внутрь, приказал. – Снимай мокрый носок...

И не увидел ни единого движения. Быстро определил шоковое состояние, наклонился, резковато сдернул намокший гольф, отложил на коврик рядом, захлопнул, отсекая холод, дверцу.

Сиди. Грейся. Хорошо, что печку врубил на полную заранее, хотел, чтобы максимально быстро прогрелся движок. Теперь пригодится. Достал из багажника не очень чистый, но мягкий и теплый плед, сел на водительское место, наклонился снова, обмотал Джулиане ногу.

– Отогревай.

И какое-то время сидел молча. После шумно выдохнул, спросил, не ожидая ответа:

– Любишь ты попадать в переделки, да?

Хотя сам виноват, давно следовало поставить у развилки запрещающий въезд знак, раз заняться мостом не находилось времени. Да и кто ж знал, новобранцы предупреждены, Костич туда не поедет, кухарка всегда в город только с охранником. И все же...

Девчонка молчала.

Он впервые взглянул на нее внимательно и вздохнул – знал этот взгляд. Знал очень хорошо.

(INNA – Flashbacks)

Попавшие в стрессовую ситуацию новички, срывались. Постоянно. Мужчины редко ударялись в слезы, хотя бывало и такое, чаще начинали орать, матерно ругаться, кидались на тех, кого считали виноватыми, с кулаками. Гранд видел всякое. Умел и разнимать, и усмирять. Но редко кто схлопывался так, как она сейчас. Ушла в себя насовсем, что называется, «вернусь не скоро». Выставила снаружи защитный барьер – хлипкий и хрупкий, – потому что сейчас внутри нее сидит маленькая девчонка, обнявшая себя за плечи и уткнувшая носик в колени. Добивать словами в такой момент будет только дурак – женщины не мужчины, женщины устроены иначе...

Онемелая сдержанность. Ни слез, ни словопотока, ни благодарности, ни наездов, ничего. Тишина внутри, тишина снаружи. Ей хотелось, чтобы ее обняли, но здесь, как она считала, таких не было. Мокрая нога, замотанная в плед, сапог утерян – ситуация, выбившая почву из-под ног.

– Ты как, нормально? – Гранд смотрел на пассажирку внимательно.

В ответ тишина. Он и не ждал слов. Переключил коробку передач, тронул авто – теперь еще самому пробираться обратно; закачался салон. Он прогрелся, наконец стал теплым, даже горячеватым – водитель отрегулировал поток горячего воздуха так, чтобы «в ноги».

Она, наверное, будет молчать теперь до победного.

В редких случаях люди закрывались именно так. Обычно те, кто привык полагаться в жизни только на себя – кольнула внутри грусть.

– Машина твоя? – спросил он, неторопливо пуская джип по ухабам.

Молчание.

– Арендovaná?

Ее голова качнулась или ему показалось?

– Не грей голову. Вытащу.

«Сейчас тебя бы отогреть».

Не пассажирка, а бумажный каркас, готовый промяться от слишком сильного прикосновения. Тогда польются и слезы, тогда будет травма. Лучше отвлечь, не молчать сейчас.

– Кто ж знал, что ты свернешь, – Гранд внимательно следил за дорогой. – Река в это время дурная, бурная. Ледники таяли в последние дни, в горах тепло было, слишком тепло для этих мест. А мост построили лет двадцать назад, тогда под ним ручей тек, наверное...

Джулиана смотрела прямо перед собой.

В иной ситуации она бы съязвила: «Ну что, убедился в том, что я полная дура? Третий раз меня спасаешь, может, платить тебе за это начать?» За белье она уже заплатила.

– Нога не мерзнет?

Нет ответа.

– Обувь тебе найдем.

Он не знал, где будет искать. Что-нибудь придумает. Еще придется вызвать подмогу, застрявший джип так просто не вызволить. Возможно, придется нанимать пилота, вертолет.

Девчонка держалась, он чувствовал, из последних сил. Чтобы не плакать, чтобы не выказать настоящих чувств – Гранду вдруг сделалось тяжело и тепло внутри. Она хотя бы пытается быть стойкой, не то что некоторые из его новичков.

Костич помахал им через окно с облегчением – старик любил, когда хозяин на базе. Гранд поднял руку в ответ. Остановил машину перед избушкой, откуда они неудачно стартовали. Повернулся, посмотрел на соседку.

– Выходи. – Помолчал. – На босую ногу не наступай. Плед оставь в машине, подожди только, пока я подойду с той стороны.

(Adam Jensen – Low Life)

Он принял ее в руки. Прежде чем поднять и отнести в дом, вдруг замер – Джулиана трогательно и вынужденно его обнимала, стояла на одной ноге, как цапля, обнаженной ступней упиралась в сапог.

Вырвался вдруг на свободу веселый сарказм:

– Сразу бы сказала, что приехала за этим...

И не позволил ей ни поднять лицо, ни произнести ни слова, обнял крепко, как родного человека. Просто прижимал, просто позволял чувствовать, что не одна. Держал, как держат того, кого не дадут в обиду, защищал от ветра, от бури.

– Или ты приехала, – не смог удержаться, – чтобы этот чертов мужик в черной куртке завершил то, что обещал? И додал тебе три хороших раза?

Он знал, что сейчас моментально активизируется ее внутренний резерв, что ему в лицо полетит хорошо, если пятерня, а не кулак, пресек движение взлетевшего запястья. Поднял подбородок, поцеловал горячо, жестко, как хотел с самого начала, когда увидел гостью. И имел наглость целовать так долго, пока не почувствовал, как расслабляется под его руками тело, как оттаивает гордость.

– Хам... – прошипели ему в лицо, стоило его губам дать волю ее рту. – Даже не думай...

Гранд улыбнулся.

– Ну вот. Оттаяла.

И взвалил девчонку на руки, чтобы отнести в избушку.

Джулиана

Я все еще чувствовала его губы на своих губах, хотя давно уже сидела на лавке, держала в руках горячую кружку с чаем. Гранд подкидывал в печку дрова.

Он старался. Вытащить меня из дерьма, расшевелить. Старался грубовато и по-мужски, а мне отчего-то было стремно. Может, потому, что недавно я едва не утопила арендованную машину в реке. Может, потому, что в очередной раз выставила себя душой – душой в одном

носке. А может, потому, что Гранд Эрдесон оказался настоящим, нормальным. Мог по пути назад поливать меня грязью, упрекать, но вместо этого оказался небезразличным, нехолодным. Мог бы убить презрением и льдом. Не убил.

Привел туда, где тепло, налил чая, ни словом не обмолвился про инцидент. Даже про «три раза добавить» пошутил удачно – я ожила. И молчала теперь не для того, чтобы его смутить, попросту не знала, что сказать. Оправдываться не хотелось, благодарить... Да любой бы в этой ситуации благодарил, если не вслух, то мысленно. Ледяной душ – не тот опыт, который мне когда-либо хотелось получить.

Какое-то время мы молчали оба; трещали в печи дрова. Гудела закопченная труба, снаружи мело. Затем Гранд, докинув очередное бревно, произнес:

– Я уже понял, что ты умеешь трактовать мои слова неверно – у тебя к этому талант, – и все же я не соврал, сказав о том, что здесь небезопасно. Дело даже не в новобранцах.

А в чем? Я спросила его взглядом, не словами.

Он сел напротив меня за стол, обхватил руками вторую железную кружку, показавшуюся в его руках маленькой.

– В двадцати километрах отсюда находится «зона», куда комиссия ссылает преступников. Самые отчаянные решаются на побег. Как ты думаешь, куда они бредут?

– Куда? – тихий вопрос выпал сам по себе.

– В сторону этой базы, через Лес. А все потому, что несколько лет назад какой-то идиот пустил слух о том, что возле обрыва находится Портал, ведущий на другой уровень. Открытый, без кодов доступа. Его и ищут.

Теперь я смотрела на Гранда другими глазами.

– Да, – ответил он на невысказанный вопрос, – я встречал двоих таких. Диких, почти безумных. Пришлось помахать кулаками.

– А Портала нет?

– Не знаю. Но почти уверен, что нет. Сразу за обрывом пустота, думаю, конец Уровня. Другую сторону ущелья видно, но это иллюзия – ее не достичь. И нет, я не пробовал.

Он был серьезен. И непостижимым образом улыбался.

«Другой бы бросил. Даже следом не поехал».

– Поэтому женщине здесь не место. Понимаешь меня?

Взглянул тяжело.

Я понимала.

– Я уеду.

Отвернулась, посмотрела туда, где за окном сплошная косая белая пелена, как декорация, как в фильме.

(Smash Into Pieces – Rise Up)

– Теперь уже не раньше завтра.

Случилось то, чего я боялась чрезвычайно – меня тянуло к тому, кто находился напротив. Тянуло с неистовой силой, такой, что плевать на собственные проступки и на его железобетонную логику. Поцелуй был очень горячим, очень настоящим. Чего-чего, а влечения у нас не отнять.

– Ты хотел, чтобы я осталась. Вот я здесь.

Чего теперь печалиться? Теперь скорее смешно, чем грустно.

Какое-то время мы смотрели друг на друга так, как мне мечталось в машине по пути сюда. Гранд спокойно рассматривал меня – уже без удивления, без лишних эмоций, – я его.

– Ты ведь приехала сюда из-за меня? – спросил он негромко и проникновенно. В уголках губ усмешка.

Чего теперь скрывать?

– Ну не из-за белья же.

Он смотрел странно. Непонятно, так, как будто внутри него два человека – один не согласен ни на что глубокое, второй что-то неслышно шепчет ему на ухо. Мол, может, стоит присмотреться?

«Понравился я тебе».

Прямой взгляд. И прямой взгляд в ответ.

«Понравился».

«Ты же видишь, я одинокий волк. Раненный в бедро».

«Все мы раненые. Но стоит ли это тащить с собой в будущее?»

Неслышный диалог тек между нами в воздухе под треск поленьев.

Нет, Гранд не был подарком, но он был настоящим. Чуть жестким, иногда насмешливым, изредка даже несносным, но остальную часть времени он был великолепным. Однако у нас снова сутки, и никаких планов впереди. Это становилось привычным.

Я отогрелась, пошевелила босой ступней, размышляя, чьи женские сапоги он способен для меня здесь отыскать.

– Кухаркины. Если у нее есть запасные, – усмехнулся великолепный несносный тип. – Если они у нее есть.

– Ага, – я смотрела на него насмешливо и ласково, – поняла. А дальше? У нас с тобой сутки. Сходишь мне за обувью, потом будешь шерудить палкой в печке, пока я читаю подшивки старых газет? Ляжем мы, как стемнеет: ты на полу, я на лавке? Отличный план.

Ох уж этот сарказм в темных глазах. Иногда он становился таким прохладно-залипательным, жестковато-сексуальным.

– У меня есть другой. Лучше.

Это чертово притяжение, возникшее между нами с первой встречи, натянуло концы каната.

Еще одна ночь с ним. Утро, половина дня, если повезет. Бедное мое сердце. Телу будет пир, после мозг взорвется чувствами.

За сменой эмоций на моем лице Гранд наблюдал с внимательным спокойствием.

– Чего ты боишься?

Спросил – выстрелил в десятку.

«Влюбиться в тебя». По-настоящему. Не на месяц, а на годы.

Может, для того, чтобы стереть из моих мыслей сомнения, а может, потому, что хотел сам, он приблизился. Потянул на себя за ткань блузки, поднимая со стула, после поцеловал так, что стало все равно, что случится в будущем. Универсальным поцелуем на все случаи жизни – нежным, неторопливым, заставляющим почувствовать мужчину. Именно от такого поцелуя я бы хотела просыпаться по утрам, быть встреченной с работы и тогда, когда мне на палец наденут кольцо.

Поцеловал, а после долго смотрел в глаза. Куда-то туда, куда даже взгляд пускать не хочется.

– Ты ведь... вытацишь мою машину? – спросила для того, чтобы что-то спросить.

– Я же обещал, – ответил Гранд тихо. – А я всегда держу обещания.

Он – бетонная скала, за которой не страшно.

– Пообещай меня себя. – Я уже знала, что за последующие часы все равно прыгну с обрыва, так чего скрываться? Иногда честность –

самый лучший, быстрый и правильный метод. Когда не в обход, не через домыслы. Когда прямо.

«Возможно...» – мне показалось, что он прошептал это очень тихо. Наверное, не прошептал, просто обжег что-то внутри взглядом.

И я летела. С куда более крутого моста, нежели тот, который в лесу. Летела в бесконечность.

Когда на меня натягивали мужской теплый носок, когда несли на руках к машине, когда усадили на переднее сиденье не успевшего остыть черного джипа.

Глава 7

(Zoe – I Just Can't Stop)

– ...Нужно вытащить машину с аварийного моста... Да, того самого. Потребуется вертушка. Сейчас. – Молчание. – Доставить?

Гранд, выключив двигатель, протяжно посмотрел на меня, размышляя.

Джип стоял перед двухэтажным бревенчатым коттеджем. Я ожидала увидеть здесь другую избушку, домик, но никак не шикарные уютные деревянные хоромы с окнами в пол и балконами.

– К воротам базы. Осмотри на предмет повреждений.

Вот так просто. Рич всегда кичился богатством, выставял его вперед личных достоинств и качеств, тыкал им в глаза и не позволял о нем забыть. Гранд же выглядел простым парнем, на счету которого могло быть как сто баксов, так и сто миллионов. Но фраза «потребуется вертушка» сказала мне о многом. Не она сама, а то, с какой легкостью и равнодушием водитель затребовал вертолет.

«Как за игрушечным дроном в магазин сходил...»

Вертолет – это пятерка в час. С тремя нулями. Плюс бензин, плюс услуги механика, плюс... В общем, парень-мечта, сидящий рядом, уже навряд ли мог стать более привлекательным, чем был до того, но сделал это.

Когда телефон отправился в карман, Гранд посмотрел на меня, и что в глазах – непонятно. Он умел так смотреть. Коттедж красивый, со вкусом. Не кичливый, как и его хозяин, но дом с открытки, глядя на которую офисные работники обливаются слюнями.

– Всех женщин сюда привозишь?

Я не удержалась от легкого сарказма. Не хотела, но представила вдруг, что это место для свиданий моего соседа.

– Никого не привозил.

Прозвучало жестко. Очень.

И взгляд еще глубже, уже под куртку, под кожу.

– Я должен кое о чем спросить тебя, Джулиана. Прежде чем мы переступим порог этого дома.

– Спрашивай.

– Если в твои планы не входит... тесный контакт со мной... тебе лучше сказать об этом сейчас.

Мне почему-то было смешно.

– Если я скажу, что не входит, это что-то изменит?

Челюсти Гранда красивые, четко обрисованные. Сейчас они напряглись.

– Мне... будет сложно сдерживаться.

– Ага, – я качнула головой, – из тебя получился бы примитивный раб. Непослушный.

Следующий взгляд, не в пример предыдущему, я расшифровала отлично, и гласил он: «Гораздо лучше, когда твой ротик заткнут моим пальцем. Или членом».

Где-то внутри я была очень согласна. Но вслух бы не призналась.

(Unklfnkl – Go Girl!)

Я чувствовала себя наркоманом. Когда он близко, когда дистанция между нами короткая, мои мысли превращались в бегущую строку, полную пробелов. А сейчас Гранд, сняв с меня сапог, помогал снять куртку. Точнее, помогал ей медленно сползти с моих плеч – свою он уже бросил на тумбу у двери, – а когда она сползла и отправилась туда же, меня припечатали к стене поцелуем. Еще не требовательным, «стартовым», предупреждающим о том, что разгорится этот пожар не на шутку.

Я была готова подбрасывать в этот костер дрова.

Эти губы... Этот запах... Эти мощные плечи... Вчера я думала, что попрощалась со всем этим навсегда, а сегодня в жизнь воплотился самый лучший сценарий. Большой, горячий Гранд, готовый сейчас вершить со мной все. Его дерзкие пальцы уже распахнули врозь блузку, а после испортили бюстгальтер – просто «щелкнули» его тонкую перемычку между чашками и груди выскользнули наружу.

– Им... тесно вместе...

А дальше пелена. На его глазах и на моих. Гранд настолько ярко наслаждался тем, что вывалилось из чашек, что его длинные выдохи с низким звуком казались мне урчанием довольного кота.

– Сними... – попросила я, забираясь пальцами под край одежды, чтобы нащупать накачанный пресс.

Мне мешала его водолазка – ее не стало спустя одно короткое движение. Мешали его джинсы – хватило раза дернуть за ремень, чтобы Гранд снял и отбросил их прочь вместе с трусами. Счастливым момент. Я торчала, как последний обколыш, когда держалась за вставший член и понимала, что мои пальцы даже не смыкаются. Куда делась моя одежда, не знаю, мне было все равно. Сейчас казалось, что я родилась голой специально для этого момента. Желанием Гранда сносило, мощь и неторопливость – убийственное сочетание, – а я не могла и не хотела дойти до спальни, чувствовала, что уже горячая, что хочу его прямо здесь. И потому потянула за член на себя – показательный жест.

Ох, эта дерзкая усмешка и взгляд «моя торопливая девочка». Но он так пах, что я готова была утыкаться в его кожу. Был таким сильным, горячим, большим, откуда взяться терпению?

– Я все тебе дам, – пообещал тихо.

Черета вкусных поцелуев, а после ладонь, указавшая «раздвинь бедра».

– Кажется, кто-то рад моему приезду, – шепнула я прерывисто.

– Очень.

Ответы спокойные и жесткие.

Этот мужик был шире меня, выше, больше раза в полтора. От этого понимания сносило. А когда в проход уткнулось то, по чему я скучала ночами (и днями), я покорно выдохнула и обвила мощную шею. Он входил в меру быстро, в меру медленно, поступательно – вклиниваясь, требуя больше пространства, создавая под себя. И теперь мне было все равно, что для этого пришлось куда-то ехать, ругаться, спускать машину в реку – Гранд стоил всего, этот процесс тоже. Я была просто скользкой, я просто трахалась, в лучшем смысле этого слова. Открывалась для шикарного члена, позволяла в себя втыкаться, подбрасывать, катать – и ничего больше не нужно! То, как дышал Гранд, было песней для моих нимфоманских ушей – то медленно и шумно втягивал воздух, то выпускал его, то прерывался, то издавал стон-рык, от которого мне хотелось «дать» еще сильнее.

Не помню, откуда взялась спальня – наверное, мы решили, что там удобнее. Горизонтально мне было так же хорошо, как и

вертикально. Ноги врозь – как это правильно для женщины, когда сверху такой самец, такое мужское тело, такое очевидное отросшее достоинство. Перед таким ноги сами разъезжаются...

(DREAMERS, American Teeth – Still Not Dead)

– Я с тобой себя не узнаю... Просто нимфоманка... и дурочка.

– Я доволен.

Он так и сказал: «Я доволен». Как повелитель, как король, которому правильно поклонились. И при этом никакой спеси. У меня стоят соски, у меня потоп между ног, а Гранд выскользнул и оседлал меня так, что его член практически уткнулся в мои губы. Боже, какие мощные ноги, какие яйца, я бы потянулась к его головке, если бы ее ко мне не приблизили, не вложили в рот.

Он сказал – я все тебе дам, – но соврал, давал не весь член, только его треть. Как прекрасно, когда для того, чтобы мужской член в тебя вошел, приходится прилично открывать рот. Это вкусно, когда мужчина большой везде, когда тебе позволяют себя облизывать, обхаживать, вталкиваются ровно настолько, чтобы балдеть, но не задыхаться, недодают пару миллиметров, и хочется еще, еще...

– Я с тобой готова на все... – прошептала, как только Гранд мягко отобрал у меня себя.

– На все?

– Да...

И его лицо опустилось туда, где у меня давно жарко и скользко. Мягкий поцелуй в клитор, в губки, после такое нежное скольжение языка, что я почувствовала себя вкуснейшим воздушным десертом. Впрочем, готовым вскоре накалиться и стать вулканом. И стала бы, если бы в какой-то момент палец Гранда не принялся массировать мне задний вход, растягивать, баловать.

– Нет... – выдохнула жарко, – туда... не пущу...

– Значит, готова не на все? – Он вернулся и теперь усмехался мне в губы. – А я подумал, твоим обещаниям можно верить...

Сволочь. Горячая, сексуальная, наглая.

– Ничего, я тебя подготовлю...

Я промолчала лишь потому, что знала, он сделает то, что решил. Если не сейчас, то позже. В моих глазах поволока, сплошное «хочу»,

сплошное «иди ко мне».

– Кажется, кто-то тоже рад, что приехал.

– Очень.

Гранд не торопился. Вновь приподнялся, положил свои ладони на мою грудь, сжал – он полыхал внутри, делая это, я чувствовала.

– Знаешь, что мне хочется делать всякий раз, когда я вижу ее, твою грудь?

– Что?

Кажется, мы уже не столько отвечали вслух, сколько понимали друг друга флюидами.

– Хочешь, чтобы я показал?

– Хочу.

Он лег сверху, еще не вошел, лишь уткнулся туда, куда положено. Занял позиции, снял все курки с предохранителя.

«Моя хорошая, ты не знаешь, на что подписалась. Может, зря приехала?»

«Не зря».

«Я ненасытен. А ты слишком красива».

«Делай!»

«Сделаю... И не один раз».

А после Гранд стал диким. Таким, как надо. Без дури, без болезненных ощущений, но, когда ты понимаешь, что тебе конец, потому что теперь он будет двигаться, он не остановится, он нашел такой темп, от которого тебе снесло мозги. Уже не вырваться, уже не выбраться – он везде и с каждым ударом все глубже.

– Да, моя хорошая, да...

Он занимал мое тело, он постепенно занимал всю мою душу. Он трахался, как бог, когда женщина беспомощна, когда он дает, а она принимает, когда глаза в глаза, когда ты понимаешь – он опять победил...

Я билась в его руках раненой птицей и раздраженной кошкой, а Гранд делал такие последние толчки внутрь, что шах и мат, что ты сдался до того, как провалился в пропасть, сладко спазмируя. А его руки все еще на твоих волосах – сильные руки, выпуклые вены. И подушечки пальцев на твоём пульсе.

(Sir Sly feat. Gary Clark Jr. – Citizen)

Мы бы лежали в той спальне, которую я из-за закрытых ставней и отсутствия в ней света не могла даже рассмотреть, и дальше. Но завибрировал в кармане джинсов телефон, и Гранд вышел в коридор.

Я отыскала его майку, надела ее (она доходила мне почти до колен) и теперь стояла у окна в пол на втором этаже. За стеклом заснеженный балкон, за балконом, если проскользнуть взглядом по верхушкам деревьев, обрыв. Тот самый, наверное. Дом на возвышении – бесконечно удачное место, чтобы наблюдать красивейшие закаты; пейзаж расстилается такой, что хоть на календарь. И загадочная расщелина, ведущая в никуда. Интересно, другой стороны все-таки можно достичь или нет?

Он подошел почти неслышно. Обнял меня размякшую, разомлевшую, уткнулся носом в макушку, большие ладони под грудь. Все так естественно, будто мы каждый день стояли здесь – я босыми ногами на ковре, Гранд, прижавшись сзади. С ним было очень тепло и очень спокойно.

– Это она? – спросила я, глядя на обрыв.

– Да.

Пропать между уровнями. Или просто конец одного, а дальше ничего.

– Сходим посмотреть?

– Возможно. Но сейчас я должен идти, нужно помочь вытащить машину.

Я развернулась, и Гранд подушечкой большого пальца провел по моим губам. Опухшим от поцелуев, чувствительным.

Взгляд темных глаз не такой полыхающий-дикий, как тогда, когда мы только вошли в коттедж, но тлеющее-горячий. Да, пламя в этом мужике способно разгореться за секунды, и тебя снесет отдачей. Просто посмотришь на него, просто распахнешь ротик и раздвинешь ноги.

«Тебе, наверное, все дадут?» – хотелось сказать, но я не сказала. Знала, что ответ будет жестким, если вообще будет. Чувствовалось, что тот, кто стоит напротив меня, всем подряд себя не дает.

– Есть хочу очень. Здесь имеется не пустой холодильник?

Улыбка.

– Имеется. Для того, кто умеет готовить, продуктов хватит. Готовую еду не держу.

Это я могла понять.

– Готовить я умею.

– Так же хорошо, как портить жизнь?

– Лучше. – И после встрепенулась. – Это я... портить жизнь?!

А не этот ли гад мгновение назад лежал на мне, входил в скользкий «нутрь»? И это называется портить жизнь?

Его улыбка-усмешка шире.

– Ах ты!..

– Люблю тебя дерзкую. Когда злишься вот так... без злости.

Прядь моих волос осторожно заправили за ухо. Стоя рядом с ним, я каждое мгновение ощущала, что я женщина, а он мужчина. Что стоит только дернуться, и я буду поймана, смята. Чудесно ощущать силу, мощь, готовность, фокус.

– Больше не раздвину для тебя ноги!

– Правда?

Он почти целовал. Скользил по губам, едва касаясь.

– Секс со сжатыми бедрами – очень красивый секс, очень чувствительный. А я буду пробираться очень напористо.

– Тебе пора, кажется. – Я вздернула бровь. – Я приготовлю пока. Умираю, как есть хочется.

– Приготовь, пожалуйста, на двоих.

Теперь мои брови взлетели непритворно, и обе. Странная фраза. А кто-то готовит только на себя, после демонстративно съедает, моет тарелку и уходит?

– Конечно.

– Спасибо.

Опять серьезность, разбавленная усмешкой. Его прежняя женщина, какой бы она ни была, действительно готовила на одного? Или не готовила вообще?

– Скоро вернусь.

– Буду ждать.

Я знала, почувствовала позвоночником, что не стоило этого говорить. Гранд стал неувовимо напряженным, стал тем Грандом, который впервые встретил меня на базе. Почему-то задеревенел,

постарался этого не показать, просто оделся, обулся и ушел – моя фраза ему о чем-то напомнила?

М-да, сложно вытянуть историю из того, из кого она пока не вытягивается. Но еще не вечер. А мне очень хотелось спагетти с мясной подливой и сыром. До бурчащего живота, до одури, и я принялась искать взглядом холодильник.

Гранд

– Гостья, значит? До сих пор у тебя?

Гранд молчал, а Люк Коган – автомеханик, мастер на все руки и просто друг, – смотрел пронизательно. Он вообще был семи пядей во лбу, этот парень, догадывался обо всем с полуслова. Сейчас он быстро и профессионально крепил на корпус машины подпорки из жесткого пластика, чтобы не помялся кузов, когда вертушка потянет вверх. Эта самая вертушка, рассылая тонны гула и ряби, послушно зависла над мостом, спустив крюки.

– Гостит, да.

Гранд крепил подпорки тоже. Действовать приходилось осторожно – доски все еще скользкие; снежный фронт почти прошел, начало очищаться небо.

– И ты не сказал ей о том, что здесь опасно?

Они оба знали о комиссионной Двери.

– Сказал.

– Видимо, как-то мягко сказал.

Гранд знал Люка не первый год. Борода клином, стрижка на старинный лад шапкой – ему совершенно не шло, даже портило приятное лицо, широкое в скулах и зауженное книзу. «Сердечком» – так называл эту форму подбородка сам Коган и стеснялся ее, как своих «кроличьих» передних зубов, по мнению Гранда вовсе не «кроличьих». Просто чуть длиннее остальных, но вполне гармоничных. Люк, однако, улыбаясь, всегда прятал их, отчего его улыбка выходила немного девчачьей, флиртующей. Впрочем, истинно мужскому характеру это не мешало.

– Попросил уехать.

– И она уехала.

Как раз та самая жеманная улыбка. Сколько Гранд ни говорил, что лыбиться во все тридцать два зуба Люку шло бы больше, тот плевал на советы. Будто намеренно портил себя, чтобы к нему не липли бабы – с последними, кстати, вообще не ладилось. Чем красивее, тем хуже и порочнее, так считал Коган и избегал моделей, как огня.

– Уехала. Как раз до этого места, как видишь.

– А, вон оно что. Ну водит она неважно. Наверное, что-то другое делает хорошо, раз до сих пор здесь...

На последнюю фразу Гранд не ответил вовсе. Крепил крюки и думал о том, что Джулиана хороша не в постели, хотя там тоже богиня, но в чем-то ином, человеческом. Не потеряла искренность за пузырем из веселой иронии, осталась теплой где-то внутри.

– Эй, друг, да она тебе нравится...

– Отстань.

Но Коган уже уцепился пронизательным взглядом.

– Ты езжай домой, я подлечу к воротам на этом джипе. Давно так не катался.

– Как хочешь.

– Зайду к тебе после, руки помою и поем, если есть что-нибудь. Не успел позавтракать.

– Насчет последнего не уверен. Заходи.

Прежде чем открыть дверцу белого джипа, чтобы занять водительское место, Люк бросил:

– Ты ведь никого раньше туда не приводил?

– Лети давай.

– Я зайду.

– Я слышал. Заходи.

– Предупреди о гостях.

– Предупрежу, – буркнул Гранд и дал отмашку пилоту вертушки, мол, можно поднимать.

(Sirius Eyes – In the Sky)

Он вернулся раньше вертушки, почти неслышно вошел в дверь, какое-то время стоял не двигаясь. На втором этаже напевали. Оттуда

же плыл невероятный запах чего-то вкусного – *когда она успела?* Они возились около часа или меньше того...

Гранда вдруг пронзило странное желание просто понаблюдать за Джулианой. Так, чтобы она не видела. Жаль, что не обустроил комнату видеонаблюдения, ведь хотел. Подумал и одернул себя – он хочет шпионить? Сара пробудила в нем желание знать о людях наперед, чтобы не ждать подвоха? И с облегчением ощутил – нет, он бы просто хотел понаблюдать. Полюбоваться ей естественной, не знающей, что рядом кто-то есть. Что-то уловить по выражению лица, по прикушенной губе, по морщинке. Некие сокровенные мысли, которые сказали бы ему больше, чем любые слова. Когда ему стало важно сокровенное, чужой внутренний мир? Его собственное тело тянулось к идеальному телу Джулианы, а сердце постепенно теряло онемение, начинало шевелиться, жить. Трепетно. И опасно.

Додумать Гранд не успел, позади хлопнула входная дверь, вошел Люк. Шумно потянул носом, аж замычал от удовольствия, намеренно громко крикнул:

– Хозяюшка, гости! – пение наверху тут же стихло. – Чтобы успела одеться, если вдруг... Добавил тихо уже Гранту и подмигнул.

– Слышь, старина, ты уверен, что она не из-за твоих денег?

– Уверен.

– Ладно, – Люк сбросил толстые перчатки, принялся стягивать ботинки.

(Gabrielle Aplin – When The Lights Go Out [Piano Version])

Она действительно успела все.

Приготовить еду, одеться, накрыть стол на троих, разложить все по тарелкам. Паста вышла настолько хорошей, что Коган доедал вторую тарелку, а Гранд никак не мог вспомнить – *в холодильнике был замороженный сыр? Откуда эта запеченная корочка?*

Никакой натянутости. Почему-то при виде Джулианы ожил и оттаял Люк – принялся вдруг балагурить. Рассказал, как тащили машину; что уже успел посмотреть, не сбилась ли рулевая ось, что собирается проверить топливный насос и жидкости в двигателе. После переключился вдруг на Гранда, принялся хвалить и расписывать друга. Новичков, дескать, гоняет, как профи, сам марафоны такой длины

бегают, что закачаешься, стреляет всегда в яблочко, а ножи метает как...

Гранд не краснел лишь по той причине, что давно разучился, но чувствовал себя все равно странно, будто его продают. Впаривают, как залежалый, но вполне себе достойный товар. Усмехался.

И не отрывал взгляда от девчонки. Та не напрягалась, не переигрывала, не пыталась изобразить при Когане кого-то другого. Вела себя раскованно и сдержанно, «в меру» – так бы он сказал. Редкое качество. На него она почти не смотрела, временами проскальзывала по нему глазами, чувствовала, что может залипнуть, переключалась на что-то другое.

А Гранд хотел ее все так же сильно. И копился интерес к ее внутреннему миру, к личности внутри женской фигуры, к другой Вселенной. Что было в ее прошлом, что сделало ее такой, какой она стала?

Смотрел Гранд так пристально, что за него краснел, кажется, даже Люк. Впрочем, этот серьезный внутри негодник с хитрым взглядом и жеманной улыбкой вместо Джулианы наблюдал за собственным другом.

«Смотри, влюбишься в нее», – качал головой мысленно. Гранд ощущал посыл.

Не дождавшись ответа и наевшись до отвала, Люк отодвинул тарелку.

– Оставляю вас, пойду повожусь с машиной. Если дотемна не успею, заночую в твоей сторожке. Не против?

Гранд кивнул.

Он был рад. Тому, что увидел Джулиану в новой обстановке, тому, что сейчас останется с ней один на один. Наверное, не удержится, отпустит колкую шутку – она пройдет саркастичными коготками по его загривку. Он соскучился.

(Zella Day – Hypnotic)

– Секс или прогулка?

«Хозяйка» складывала посуду со стола в раковину. На него она посмотрела с приподнятой бровью. Слишком красивый зад под штанишками, идеальный, круглый. Гранд с ноткой стыда подумал, что

соскучился по женской попке в самом примитивном смысле этого слова.

Сара никогда туда не давала. Напрягалась до состояния древесного ствола, когда он предлагал. Страшилась большого размера, не верила, что способна выдержать. Собственно, ей было дискомфортно даже в классике, партнер казался ей слишком объемным. А вот Джулиане, судя по всему, все как раз.

– А ты и правда, ненасытный.

– Я предупреждал.

– И судя по взгляду задумал что-то... недоброе.

Гранд не смог не улыбнуться. Отличная интуиция. Или его выдают флюиды?

– Я сделаю это недоброе раньше или позже. Сейчас или вечером.

Под ее блузкой не было бюстгалтера – все правильно, он его испортил. Люк не любовался шикарными грудями под тканью лишь по той причине, что Джул накинула на плечи шарф, который нашла в прихожей внизу. Умный ход.

– Ты нашел для меня обувь?

– Да. – Зашел к кухарке по пути на мост, у той нашлись запасные сапоги. – Размер почти твой.

– Тогда... прогулка.

Она обходила его по широкому кругу, чувствуя, что, если приблизится, все начнется с ее удержанного им запястья, затем жеста «садись ко мне на колени», а после прогулка отменится со стопроцентной вероятностью.

– Жалеешь, что осталась?

– Нисколько. И вообще, я тебя предупреждала, что ноги сегодня для тебя не раздвину. Ты наказан.

Гранд не помнил, когда в последний раз улыбался с таким наслаждением, когда внутри тепло, аж горячо, щекотно, жарко от предвкушения.

– Хорошо, значит, десерт отложим на ужин.

И не смог выдержать ее прямой изучающий взгляд, знал, что его собственные глаза сейчас хитрые и очень довольные. Слишком, он бы сказал.

(Fearless Motivation Instrumentals – Back Yourself [Instrumental])

Джулиана

Это был самый настоящий край – край, уводящий в бездну. Я полагала, что на дне расщелины можно будет разглядеть реку или камни, но далеко внизу клубился туман, похожий на морось. Я лежала прямо на снегу, свесив голову вниз, не могла не позволить себе хоть раз увидеть это диковинное место. А Гранд, спасибо ему огромное, держал меня за обе ноги – не за сапоги, за колени. Он был против подходить к обрыву без страховки, согласился, лишь обвив себя веревкой, конец которой крепился к дереву, и защелкнув два карабина. Я понимала его опасения. И свое любопытство.

Это место внушало трепет и уважение. Некий неприродный разлом коры. А на той стороне почти ничего не разглядеть – обман зрения. Когда я насмотрелась на диковинку вдоволь и начала отползать, мне услужливо подали руку.

Отошли мы всего на пару десятков метров, а я все смотрела на противоположный «берег».

– Ты, правда, думаешь, это конец уровня?

– Я не знаю. Не могу быть уверен. Но карты дальше не ведут.

Что-то случилось с местной погодой – потеплело, вышло солнце. Мой спутник в черной куртке и джинсах, без шапки. Среди леса, среди стволов он смотрелся удивительно гармонично, наверное, дело в его силе, резонирующей с окружением.

– Но ведь можно проверить.

– На самолете всмятку? Или на вертолете, в случае невидимого барьера обломавшего лопасти?

– Это радикально.

– Как тогда? Воздушных подушек, опирающихся только на воздух и способных зависать, еще не изобрели.

«Или не допустили в продажу для простых смертных».

Мысль я уловила.

– Но есть ведь дроны.

– Дроны есть. – Гранд, прищурившись, долго смотрел на противоположный край, прикидывая расстояние. – В принципе, если

позволит мощность батареи и дальность антенны... Думаю, такие продают в специализированных магазинах, надо проверить.

– Эй, без меня не запускай! – возмутилась я. Моя идея, в конце концов. – Тоже хочу посмотреть! А если еще и телескоп поставить... или мощный бинокль...

А после подумала – мы, возможно, не навсегда. Зачем я ставлю условия? Стушевалась, промямлила:

– Впрочем, как хочешь...

– Без тебя не буду, обещаю. – Гранд уловил мои терзания. Ответил, как погладил.

– Правда?

– Я держу свои обещания.

Он действительно относился к ним серьезно. И захотелось вдруг опять попросить, чтобы он пообещал мне всего себя, очень захотелось, но я лишь прикусила губу. Есть вещи, к которым не стоит толкать, пока не пришло время, и эту грань я тонко чувствовала. Не сейчас.

Сапоги, которые он принес, пришлись впору. Оказались на размер больше и чуть растоптаны, но в них было удобно и тепло. Я наслаждалась. Золотые лучи солнца через лес, пар изо рта, хороший спутник.

– Так этот лес весь твой?

– Не весь.

– А в этом месте?

– В этом да.

Я огляделась. Здесь, несмотря на слабый мороз, было спокойно, по-своему душевно. Застывшие ели, невысокие горные пики в отдалении, удивительная гармоничная тишина. Ни построек, ни души. И мы действительно просто гуляли, как лучшие друзья в выходной. И пусть мы не лучшие друзья, и сегодня не выходной, иногда важно ощущение. Или его иллюзия.

– А кроме твоего домика и базы больше никаких построек?

Гранд задумался.

– Есть одна пустая сторожка лесника в паре километров, если пойти вверх вдоль забора от входа на базу. Но сейчас там никто не живет, сторожа я забрал сюда. Ключ на всякий случай всегда под ковриком.

– Зачем? Для тех беглецов из опасной зоны, чтобы было где переночевать?

– Нет, для местных, кто оказывается в тех местах. Иногда помощник уходит за дровами далеко, бывает, останавливается на ночь. Там есть печь.

– Не боишься, что разворуют?

– Нечего воровать. Просто домик, просто печь и кровать.

– Ясно. А эта странная дверь... Ты никогда ее не искал?

Темные глаза смотрели на меня задумчиво и пронизательно.

– По крайней мере, там, где я ходил, ее не видел.

– Может, поищем вместе?

Мне было просто хорошо рядом с ним. И неважно, что делать и чем заниматься, секс – прекрасно, но есть еще множество приятных занятий, таких, как разговоры, эта прогулка.

– В тебе проснулся дух приключений?

– С тобой... хочется приключений.

«И идти на край света».

Гранд улыбался краешками губ, и я подумала о том, что хочу посмотреть на него без бороды. Может, с очень короткой щетиной, хотя и эта была не особенно длинной. Скорее, удлиненной.

– Если двинем в неизвестном направлении, можем провести в этом лесу не несколько часов, а несколько дней или месяцев. Он большой.

«Я только за...»

– ...а завтра к вечеру заедут новобранцы.

Новобранцы, ах да. Мамай бы их подрал. Не хотелось выныривать из собственной сказки, которая завлекала все сильнее. Гранд все еще смотрел на меня с непонятым выражением, когда в кармане моей куртки зазвонил телефон. Я вытащила сотовый – Люси.

– Извини, отойду на минуту.

Пока я шла к сосне, за мою спину, словно ниточка, держался взгляд черных глаз.

– Ты не забыла, что старушка Люси тоже умеет волноваться? Сколько часов назад ты уехала? И так и не набрала мой номер. У тебя все хорошо?

Она действительно волновалась. Утром я двинула в неизвестном направлении, в суровые края, практически без шансов на успех, и пропала.

– У меня все хорошо, – я старалась отвечать тихо, чтобы стоящий за спиной человек не услышал.

Кажется, у моей правой руки отлегло на сердце.

– А позвонить нельзя было?

– Прости. Закрутилась.

Пауза.

– Так... насколько хорошо?

Я выдержала паузу еще длиннее, чувствуя, что улыбаюсь.

– Настолько, – ответила пространно, но Люси сразу же поняла.

– О... – тишина, – тогда оставляю тебя... вас в покое. Жу, ты когда вернешься?

– Что-то срочное?

– Нет, не настолько.

– Завтра.

– Отлично. Буду ждать. Давай... отжигай там.

Я засмеялась и нажала отбой.

(Kalandra – Brave New World)

Когда я повернулась, Гранд стоял ближе, чем мне помнилось. В который раз подумалось о том, до чего же он хорош собой, рядом с ним время утекало непозволительно быстро, но это было ценное время, на вес золота. Жаль, что завтра внимание этого мужчины будет на ком-то другом, – на новобранцах.

– Значит, завтра сюда заедут десять... двадцать человек?

– Двадцать пять.

– Двадцать пять... И ты будешь учить их стрелять, бегать на длинные дистанции, дрюкать.

При слове «дрюкать» в черные глаза закралась усмешка, мол, дрюкаю я кое-кого другого.

– В общем, верно.

– Весь такой потный, напряженный, жилистый... Прямо вижу твои литые мускулы, когда ты бежишь марафон или целишься в мишень... Заводит.

На меня смотрели теперь обволакивающе, будто приближалась со всех сторон невидимая паутина. Но я вдруг весело улыбнулась.

– О чем ты подумала?

– Вспомнила, как тебя расписывал Люк. Как вазу. Оказывается, у тебя миллион достоинств, и вообще ты мужчина-мечта...

Я тихо ступала на лед, проверяла его на прочность. Кажется, он пока еще был хрупким, об этом поведал ответ Гранда.

– Ты далеко не все обо мне знаешь, Джулиана.

– Например?

– Я бываю жестким. Очень.

– Жесткость жесткости рознь... – почему-то проямлила я, чувствуя, как тушуюсь под прямым стальным взглядом.... – Для новобранцев это, наверное, неплохо.

Пауза.

– Ну что, пойдём в коттедж?

И тут же с меня спало оцепенение.

– Ага, щас! Чтобы... ты...

И прикусила губу.

– Чтобы я... что?

Он приблизился. Я теряла волю, когда он был так близко, вдруг начинала ощущать все его размеры очень выпукло.

– Творил бесчинства. Сегодня все доступы под запретом, я уже говорила.

Улыбались даже не его губы, черные радужки, зрачки, аура.

– Мне нравится твое «нет».

– Кажется, оно тебя не останавливает.

– Сдерживает. Усиливает предвкушение.

– Из тебя... точно плохой раб...

– Однозначно.

И все, между нашими лицами один сантиметр дистанции. Запах Гранда, как дурман, а ноздри обожают его, втягивают, как афродизиак.

– Это... нечестно...

– Это просто поцелуй. Ведь поцелуй не секс?

Легкое касание щеки, мой зафиксированный чужой рукой подбородок. Соприкосновения губ хватило, чтобы я почувствовала себя так, будто в меня впрыснули парализатор сознания. Гранд целовал неспешно, со вкусом, в меру напористо. В ту самую меру, когда еще

чуть сильнее, и я дам ему прямо у сосны. В какой-то момент голова стала пустой, тело принялось раскаляться, набирать обороты. Сними с меня сейчас плавки, и они окажутся мокрыми. Хуже всего, что я не могла и не хотела его отталкивать, нельзя лишать себя наслаждения, не так... слишком кощунственно...

– Ты... делаешь меня... слабовольной.

Снова ощущение, что этому мужику я могу отдаваться бесконечно, время и место не так важны. Жадно заскучалось по его члену, по головке, по тяжелому весу на мне.

– В коттедж?

Он смотрел мягко и не мягко. Он что-то задумал. Я догадывалась, что именно, но сдаваться так просто не собиралась.

– Ты еще... не показал мне базу.

Сталь в глубине зрачков усилилась, но на губах появилась мягкая улыбка – мол, давай, сопротивляйся.

– Хочешь посмотреть на бараки?

– Да. На них, на тир, на столовую.

– Зачем ты это делаешь, Джул?

– Что? – очень сложно было говорить, когда его губы так близко.

– Оттягиваешь близость со мной.

Я не стала признаваться в том, что мое время с ним бесценно, что я могла бы оттягивать его до конца собственной жизни.

– Разве терпение – не одно из твоих достоинств? Что-то я забыла, упоминал ли о нем Люк.

– Зависит от цели.

– Видимо, цель того стоит, раз ты на ней... так сосредоточен. И... ты ведь все равно это сделаешь.

Мне обо всем сказал его взгляд.

Он умел «сдавать» без боя. Он был профессиональным хищником, манипулятором, «давителем», умел получать то, на что нацелен. Люк об этом забыл упомянуть тоже.

«В коттедж?»

«Не на ту нарвался!»

Я улыбалась.

– Сначала ты покажешь мне базу.

– Мне нравится... «как ты упираешься. Дерзишь. Пытаешься противиться...» – он не закончил фразу. Просто бросил: – Пойдем к

машине.

(RH Music, Eduardo Luzquiños – Desperado Slowed Remix)

Мы ехали прочь от коттеджа к основным строениям. Снова с ним в машине, снова эти руки на руле; качающийся на зеркале освежитель, неспособный перебить запах дорогой кожаной обивки сидений. Я обожала кидать взгляды на профиль водителя, на его плотные мощные ноги под джинсами. Я действительно оттягивала неизбежное, но ведь предвкушать тоже здорово.

– А Люк работает на тебя?

Короткий взгляд в мою сторону. Дорога здесь была лучше, чем та, которая вела к трассе – меньше ухабов, – но все равно сложная.

– Он мог бы работать на меня и зарабатывать много. Но Люк не любит руководящие должности. И вообще быть винтиком в чьей-либо системе.

– Даже в твоей?

– Даже в моей. Он уникальный финансовый аналитик, способен вывести любую компанию из кризиса, но редко использует свой талант. Обожает работать руками, мастерить. Это ему ближе.

Мне понравился Коган. Было в нем что-то схожее с Грандом, та же стабильная защищенность рядом, просто больше мишуры в выражении лица и словах. Но он умел быть скалой.

Водитель снова посмотрел на меня, после на дорогу.

– Коган мог бы делать очень большие деньги консультациями независимого эксперта.

– Но не делает?

– Не нуждается в деньгах.

– Предпочитает... бедствовать?

– Я бы не сказал, что он бедствует. Просто не стремится попасть в журнальный список миллионеров.

Иногда это очень хорошее качество. А у меня «непристроенная» Люси, которую мне очень хотелось бы познакомить с Люком. Да, оказывается, свахой умела быть не только она. В конце концов, долг платежом красен.

Я помолчала. Заснеженный лес – всегда потрясающее зрелище, а уж когда ты сидишь в любимом джипе рядом с человеком, при взгляде

на которого торчишь...

– А у Когана есть женщина?

– Нет.

Плюс один в нашу с Люси пользу.

– Он с кем-то разорвал отношения?

– Я не видел, чтобы он их с кем-то начинал.

– Он... гей?

Гранд улыбнулся.

– Нет, просто у него... сложные предпочтения к партнеру.

Ничего, мы попробуем с ними разобраться.

– К партнеру – к женщине?

– Да, к женщине...

Джип вдруг остановился. Не потому, что мы приехали, просто остановился на середине узкой снежной колеи; по сторонам лес. И Гранд смотрел очень непривычно.

– Мне кажется, или мы уже пять минут разговариваем о моем друге?

Я опешила.

– Это... ревность?

И правда. Желваки напряжены, глаза прищурены, пальцы на руле расслаблены, но это видимость, я чувствовала.

– Так ты ревнив...

Он ответил просто и прямо.

– Я ревнив, Джулиана. Но, надеюсь, ты никогда этого не увидишь.

«Уже увидела».

– С чего бы мне это увидеть, ведь у нас просто «доступ к телу»? Просто секс. И осталось еще два раза.

Он смотрел непонятно, напряженно и расслабленно. Забавлялся моей ироничной бравадой. Но тему Люка следовало пока свернуть, намек я поняла.

Когда машина тронулась, я опять дала волю любопытству.

– А можно личный вопрос?

Гранд молчал. Ждал, когда я продолжу.

– А ты в прошлом неудачно порвал с женщиной?

Где-то должна крыться причина его жесткости, она должна найтись в чем-то. Если честно, я была уверена, что мне не ответят. Но ошиблась.

– Да. Полгода назад. Я собирался сделать предложение, а она мне изменила.

Не знаю, чему я удивилась больше. Тому, что мне ответили, тому, с какой обманчивой легкостью это прозвучало. Или тому, что в глазах водителя застыла непроницаемая глухая стена. Он выдал ту самую причину, которую я искала, прямо и просто.

А у меня в голове не укладывалось – изменила? Ему? Идиотина? На кого можно было променять такого мужчину?

– Дура! – вдруг сказала я вслух, и мне было плевать, как на меня посмотрят. – Будь я твоей, ни за что бы не изменила.

В машине повисла тяжелая тишина. Такая, когда тему начинать не следовало, но, раз так уж случилось, развивать не стоило точно.

И одного взгляда на напряженную челюсть хватило, чтобы понять – личных вопросов на сегодня хватит.

(Machineheart – Peace of Mind)

Баракы оказались неуютными и гулкими – с деревянными полами и стенами, с железными койками пока без матрасов. И продувались они неслабо.

– Боже, как здесь жить и спать? – присвистнула я. Гранд только пожал плечами – мол, база создана для суровых условий и воспитания духа.

Стрельбище располагалось в отдалении: отметка, где стоять, мишени, все тот же лес на фоне. Удивил размер столовой, в которой, кажется, могло поместиться куда больше двадцати пяти человек (по моим предположениям не меньше сотни голов или «ртов») – лавки тянулись от самого входа до раздачи, где орудовала пышнотелая тетка.

При нашем приближении она оживилась, сразу бросила взгляд на мои ноги, затараторила:

– А, вот для кого мистер просил обувь! Подошла? Ой, я же забыла поздороваться... Я Тати, главная повариха.

Помимо главной поварихи, была еще одна, которая сейчас возилась в дальнем углу – старше и молчаливее.

Я поздоровалась и представилась в ответ, поблагодарила за сапоги.

– Да что вы, у меня этой обуви... Вы разве не знаете, какие здесь сезоны? То дождь, то слякоть, то лед, то мороз. И на каждую температуру нужна своя. Я привыкла, весь обувной гардероб уже сюда перевезла, потому никаких трудностей...

Она умела болтать без пауз и без запинок, об этой способности кухарки, кажется, Гранд знал давно.

– Я просто хотел показать гостье столовую.

– Конечно-конечно, мистер.

Тати не обиделась. Она напомнила мне добрую хрюшку – с завитыми волосами, простую и радушную.

– Может, покушаете?

– Спасибо, мы не голодные.

Спустя минуту мы уже стояли на улице возле машины, и Гранд смотрел на меня очень мягко. Даже непривычно.

– Что еще ты хотела бы посмотреть? Моечную, место общего костровища, уличные тренажеры, склад снастей?

– Я замерзла.

– Тогда поехали домой.

«Домой» – как грелка для сердца. Как будто мы давно живем вместе, как будто на моем пальце давно его кольцо. Эфемерная картинка мечты. Кажется, я залипла по полной.

– Хорошо. Но предупреждаю, я буду читать книжку.

В котедже нашелся шкаф с книгами, очень неплохая библиотека.

– Конечно, – ответил Гранд шелково. И напомнил мне прилизанного, расчесанного зверя, который смотрит на тебя добрыми глазами, чтобы не выдать истинных намерений.

– Книжку!

– Книжку.

– А ты будешь на меня просто смотреть.

– Может быть.

– Из тебя отвратительный раб.

– Ни о чем не беспокойся, Джулиана, – он произнес это, как будто намазал зудящее место анестетиком. – Просто ни о чем не беспокойся.

У меня не было выбора.

В машину я села в таких смешанных чувствах, что самой непривычно. Я ждала того, что случится. Очень! Любопытствовала и немного побаивалась.

Все, мы ехали назад. Гранд был доволен настолько, что это чувствовалось сквозь тишину, заполнившую салон. До самого коттеджа мы не проронили ни слова.

На лес опускалась синька.

(BENEE – Back To Black)

Миндальное печенье под чашку ароматного чая. Похрустев, я отправилась в туалет, совмещенный с ванной, провела гигиенические процедуры, приняла душ, завернулась в чужой и слишком большой для меня белый мягкий халат. Вышла босая, размягченная, не замечая направленного на меня взгляда, отправилась к книжному шкафу, долго вчитывалась в названия одно скучнее другого – бизнес, маркетинг, анализ рынков. Вытащила, наконец, «Харизму лидера», улеглась на широкую софу.

Гранд пока не приближался, наблюдал. Я открыла первую страницу, сделала вид, что увлечена чтением – нет, я не облегчу ему подступы.

И да, я знала, чего именно он хотел – меня в попку. Анальный секс может быть приятным, а может быть не очень. Я вовсе не ханжа и признаю любые игры, когда они в кайф и удовольствие, но аккуратность мужчины и размер здесь имеют значение. Плюс еще неудачный опыт с Ричем, черт бы его подрал... Мой бывший любил, подвыпив, настаивать именно на этом виде секса, и, не будучи особенно терпеливым, часто заставлял меня испытывать дискомфорт, а то и боль. При весьма среднем размере. А Гранд не средний. Гранд огромный. Оттого притаилось внутри напряжение, опасливое ожидание момента, когда мужчина рядом перейдет в наступление.

Он, однако, не переходил, что удивительно. Расположившись в кресле неподалеку, включил телевизор, смотрел новости.

«Может, пронесло?»

«Вас, как лидера, должна заинтересовать эта концепция, поскольку она предлагает совершенствование, продуктивность и прибыль без чудовищного роста дополнительных расходов», –

пыталась я читать. – *«Организации с инициативными, увлеченными сотрудниками...»*

Боже, какая нудятина. Хотя я лидер и вполне себе харизматичный (как мне казалось), меня должно было это интересовать. Но интересовал сосед в кресле.

После новостей он посмотрел начало матча «Гроуны – Мастерз» – футбол.

А может, он передумал? Решил прислушаться к моему мнению?

«Или желает наказать меня бездействием сам?» Знает ведь, что я чувствую его присутствие кожей, раскаляюсь, просто думая о нем.

После первого гола Гранд удалился, чтобы отлить, так я подумала; чертова книга интересовала меня все меньше и меньше. За окном все темнее; а что, если секса сегодня не будет? Я начинала волноваться.

В ванной комнате послышался включенный душ – м-м-м, уже лучше. А спустя пять минут Гранд вышел, обмотанный на бедрах полотенцем. Вид здорового, накачанного и красивого мужика сам по себе пусковая кнопка режима «завестись». Но тут я просто выдохнула... У него из-под нижнего края полотенца была видна головка. Его член, такой большой и толстый, просто не скрывался ведь под махровой тряпицей, и теперь являл себя самой вкусной частью зрителям.

Книгу я возненавидела. А этот нахал, демонстративно меня не замечая, уселся обратно в кресло, продолжил смотреть матч. Вытянул ноги, сложил их друг на друга, и та самая головка, высовываясь из-под полотенца, как толстый набалдашник, лежала на ногах.

Мой рот наполнился слюной в непривычных объемах. Редко когда я наблюдала более сексуальное и эротичное зрелище, чем теперь. Сейчас бы подойти, лизнуть, высвободить естество из-под полотенца, подарить самый нежный и вкусный минет, а после насадиться сверху... Это было нечестно – выйти в таком виде. Обалденное мужское тело, высунувшийся наружу огромный пенис...

Гранд не просто дразнил меня. Он, похоже, разыгрывал очень тонкую многоходовую партию, обреченную завершиться успехом. У меня между ногами влажно, горячо, а он даже не смотрит в мою сторону. Гад!

Моего терпения хватит ненадолго, сейчас встану, сейчас подойду. На месте держал лишь страх, что обладатель прекрасного пениса все-

таки настоит на своем, что, когда станет больно, я пожалею.

В какой-то момент – я все еще утыкалась взглядом в книгу, – звук на телевизоре приглушился. А также вполнину угас свет комнаты; я делала вид, что ничего не замечаю. Но не смогла не повернуться, когда Гранд, отошедший от выключателя, развязал полотенце и положил его на спинку кресла, явив чудесное достоинство, которое стоило отлить в скульптуре (или каучуке), в полной красе.

Буквы расплывались перед моими глазами.

Он лег рядом на софу. Погладил мои волосы.

– Я чувствую, что ты по мне соскучилась.

– С чего ты взял? – вышло скомкано, даже не дерзко.

– Света для чтения перестало хватать, а ты даже не возмутилась.

Не до того.

Гранд пах вкусно. Собой, гелем для душа, чистотой и мужественностью – сочетание, которому невозможно противостоять. И да, он выждал именно такой временной промежуток, который уже порушил во мне большую часть барьеров, подготовил к его приходу. Заставил жаждать его прихода.

– Начнем?

Он привстал для того, чтобы указать на мой халат – давай его снимать.

– Я...

– Шестой доступ к телу. Просто молчи.

Ух ты... Козырная карта; противник повержен, не успев восстать.

Халат я с себя снять позволила. Снова уткнулась в книгу, поняла, что напряжение от того, что случится дальше, не исчезло, лишь притаилось. Никто не желает болезненных ощущений.

Меня гладили по спине долго, нежно, постепенно переключились на ягодицы. При всем возбуждении, мою кровь перчил страх. Я позволила Гранду пересест на мои ноги, склониться ко мне с поцелуем в шею, почувствовала, как он сполз ниже, раздвинул складочки, лизнул. Втянул носом, выдохнул от наслаждения. Нежно гладил вход во влагалище, ласкал его, играл, а после, как бы невзначай, погладил анус большим пальцем.

– Гранд...

Я выдохнула. Это случится, да, но как?

– Что, моя хорошая?

– Ты... большой мальчик.

– Я знаю, какой я.

Мою попку продолжали гладить очень ласково. После Гранд навис надо мной сзади, почти лег сверху, пока, чтобы поговорить. И я тут же воспользовалась передышкой.

– Давай, не будем... У меня был...

– Не самый лучший опыт. Я понял. – Его тело жаркое, литое. – Я сделаю все иначе. Очень медленно, очень аккуратно, ты не заметишь.

– Я боюсь боли. – Мне уже сейчас в губки упиралось оружие будущего боя. Очень очевидно упиралось. – У нас прекрасная классика...

– Прекрасная. – Еще один поцелуй в шею. – И бойся не боли. Бойся того, что тебе понравится.

Я не знала, возможно ли это.

– Просто читай, – посоветовали мне. – Как и хотела. Сделай вид, что меня нет. Больно не будет.

– Совсем?

– Совсем. Обещаю.

Ответ-заклинание расколдовал еще один барьер.

(Geju, Novo – Easy Tiger)

Он просто гладил. Ласкал языком, иногда вводил палец в складочки, после массировал им, скользким, попку. Чуть надавливал. Возвращался к складочкам – и так по кругу. Я понимала, что плыву, что расслабляюсь, не могу противостоять. Все очень медленно, аккуратно, очень умело. Когда мне в анус неглубоко проник палец, я выдохнула.

– Все хорошо... Я обещал.

Его голос обволакивал, успокаивал. Голос уверенного человека, знающего каждый свой шаг. Палец играл со мной, язык играл со мной. Жаркое дыхание, волны удовольствия Гранда передавались мне, как по невидимому кабелю.

– Просто... читай...

Я давно забыла про книгу. А когда Гранд снова навис сверху, вообще легла на страницу щекой. Он не стал пугать, он расслаблял, и потому начал с классики, медленных толчков во влагалище, и в

который раз подумалось о том, что даже там он ощущается мне горячим скользким бревном. А что будет, когда...

– Просто доверяй мне, – шептал тихо, – будь покорной, будь расслабленной. Да?

Мое согласие было молчаливым. У меня практически сжаты ноги, тот самый пенис, который призывно выглядывал из-под полотенца, ощущался бедрами очень внушительным, толстым.

– Ты прекрасна, Джулиана...

Голос магический, бархатный. Я сдавала позиции не снаружи, внутри. И когда Гранд все-таки сделал это – выскользнул наружу и надавил головкой на частично подготовленный запретный вход, я не сразу позволила ему войти. И не без напряжения.

«Только головка, чувствуешь?» Он позволял привыкнуть к себе, не двигался так долго, что захотелось чуть двинуться самой. После выскользнул, вошел в лоно, сделал несколько толчков, снова ткнулся в попку. Уже легче, уже чуть проще. Выскользнул. Снова во влагалище, снова скользкий по максимуму, в попку головкой.

Мой партнер был мастером. У меня не было против него ни единого шанса.

Когда в тесное колечко, которое чуть жгло от растянутости, в очередной раз после влагалища нырнула наглая головка, Гранд наклонился. Прошептал:

– Мне нужно твое доверие, моя хорошая, все твое доверие... целиком.

«Ты ведь сделаешь это? Для меня», – немой бархатный вопрос, испрашивающий согласия не у моего рта, но у скрытых женских глубин. *Впусти, прими целиком. Расслабься душой.*

Не знаю, куда проникал его голос, но я чувствовала, как один за другим неспешно отщелкиваются мои внутренние замки. Хорошо, я сделаю это, я буду покорной, я доверюсь...

И я расслабилась. Для него, для себя; напряжение начало таять.

– Хорошо...

Он проникал глубже по миллиметру.

«Боже, что я делаю...»

Еще. И еще. Погрузил себя наполовину, выскользнул, толкнулся в лоно, вернулся к попке. Не знаю, как Гранду это удалось, но я больше не чувствовала его размер. Чувствовала, как растянуты обе дырочки и

то, что между ними почти стерлась разница. Туда, сюда, туда, сюда... Он делал это со мной. И нет, боли не было, было – я не верила собственным ощущениям, – хорошо...

– Я тебя обожаю.

Он жарко, даже тяжело дышал. Как человек, который наслаждается по максимуму, когда уже бьет в голову, когда взгляд затянута дымкой сладкой похоти.

И да, я ощутила тот момент, когда Гранд вложил себя в мой задний проход целиком, но я доверилась, я распласталась перед ним. Черт, я хотела этого – он знал. Этих движений в запретном месте, этого объема – он более не казался лишним, – наглуую головку, толстый ствол, прижатые к скользким губам яйца. И этих движений. Еще не быстрых, довольно аккуратных, но уже чуть более жестких – совсем другой кайф, совсем иной... Не как с Ричем, не как с кем-либо вообще. Я чувствовала себя женщиной, чьи дырочки все целиком принадлежат мужчине. Туда... Сюда... больше неважно. Гранд трахал меня в зад, и я понимала, что отныне и навсегда полюблю этот процесс, и да, именно с большим членом тоже.

В какой-то момент мне под живот втиснулась ладонь; нащупали разбухший клитор пальцы, принялись поглаживать, доводить.

Меня имели во влагалище – поступательно, горячо. После втискивали себя в готовое колечко попки – уже ждущей, черт возьми, попки. Я нагревалась, накалялась как никогда.

Мужчина сверху чувствовал, что я близко, что я скоро закончу. Он просто драл меня в зад – очень мягко и очень нежно.

– Порадуешь меня?

Для него какое-то особенное наслаждение чувствовать, что я содрогаюсь в преддверии оргазма с ним «там». И когда слишком умелые пальцы, когда прищиплен к кровати зад, без вариантов – я кончала на книге щекой. Дрожала, билась, конвульсировала лоном, а Гранд ловил каждое мое движение, каждый вдох. За несколько секунд он сделался таким толстым и стальным, что начало жечь даже растянутый вход, а после выплеснулся в меня. Протяжно, долго, вздрагивая членом. Дышал шумно, навалился так, что придавило сверху – по самые яйца во мне.

А после тишина, покой. Я сдалась ему, покорилась, и он сделал все, как обещал – без боли. Чтобы это произошло, я стала податливой

куклой, женским телом, позволяющим все, я действительно полностью ему доверилась до того предела, до которого не доверялась никому в жизни. И когда член выскользнул наружу, я почувствовала себя пустой даже там.

Меня перевернули на спину, меня обожали, гладили, целовали так медленно, что не существовало больше ничего, кроме этих пальцев и губ. И обвивал нескончаемый флер удовлетворения Гранда. Его странное, мужское, низко мурчащее счастье. Его довольство, его кайф, его сдержанный агрессивный триумф, когда женщина подчинилась. Полностью его без условий и на все согласная.

Он перенес меня с софы на кровать в спальню, где мы прежде занимались сексом. Уложил мягко, лег сверху, и его член – этот вредный член, который решил, что между моими ногами его полноценный дом, – тут же втиснулся внутрь. Еще чуть мягкий, но уже распирающий в стороны.

– Ты сделала это, – выдох в губы. Из Гранда тек этот кайф, это наслаждение мужчины, которому дали то, что он хотел. Я все еще чувствовала себя куклой и телом, но в удивительно вкусном смысле этого слова. Как ему нравилось – без условий. Не знаю, почему это так сильно возбуждало его, даже сносило крышу, но дальше Гранд делал это так, как не делал раньше. Впервые, зная, что его принимают на всех слоях, трахал меня очень возбужденно, даже жестко – я же совершенно балдела. В меня вбивались, вколачивались, меня имели, целуя напористо, сжимая грудь, кусая мочки... И этот его новый оргазм – Гранд даже не дождался меня – он рычал, стонал, изливался в меня, клеймил своей спермой, он просто потерял голову.

Лежал на мне, счастливой, как наркоманка, долго. После приподнялся, посмотрел в глаза. И еще до того, как спросить, стало ясно, что ответ ему важен.

– Если я когда-нибудь попрошу тебя об этом еще раз...

Мы оба знали, о чем он.

– Да, – просто ответила я.

(FREE FLOW FLAVA – 014)

Гранд

Он искал по ящикам стола в кабинете сигареты, почти никогда их не доставал, но теперь чувствовал, что ему нужен табак – его удар по крови, легким и голове. Отыскал пачку, оделся, вышел на балкон, долго дымил. Вернувшись, сбросил верхнюю одежду, сел в кресло, понял, что раздрай больше не уходит, вероятно, теперь долго не уйдет.

Если бы женщиной, способной его так принимать, оказалась проститутка, он бы дорого платил за визиты к ней. Возможно, купил бы ей квартиру и машину, делал бы все, чтобы она была в его распоряжении двадцать четыре часа в сутки «на случай». На всякий случай. Эта женщина стала бы его буфером, подушкой безопасности, гарантом того, что где-то он всегда может расслабиться, сбросить напряжение. С ней бы не пришлось думать о чувствах...

Джулиана спала.

И она не была проституткой. К тому же уже умудрилась пробудить в Гранде столько эмоций, что он оказался не готов. Одна часть в нем шевелилась, требовательно смотрела, ждала решений, вторая часть желала придумать первую.

Он понимал одно – он будет продолжать ее хотеть. Завтра она уедет, и он вынужден будет ее проводить, чтобы подготовить базу к прибытию новичков. Черт бы их подрал! Хотел ведь подготовить себе заместителя. Сделал бы это и смог бы взять еще пару дней отгулов.

«Но зачем?»

За пару дней рядом с ней его член не перестал бы стоять; рядом с ней Гранд почему-то не мог надыхаться. Загадка. *Или надвигающаяся беда?* Он не мог ее отпустить и не мог позволить ей остаться. Мысль о трех грядущих неделях врозь отзывалась в нем тоской и раздражением. Она, может быть, его не дождетя, а он не вправе этого требовать – *кто он ей?*

И уже ясно, о ком он будет думать, бегая марафоны, разжигая по вечерам костер, зычным голосом отдавая команды, жуя столовскую еду.

Что-то не клеилось, не ладилось, что-то пошло слишком хорошо и потому вразлад – Гранд судорожно искал выход, верное решение, силился отыскать верное положение для разрозненных шестеренок и

сложить пазл, но тот оказался слишком многогранным, а собственные чувства многоликими.

Сигарета не принесла ответов на вопросы, но помогла успокоиться.

Он должен что-то решить.

«*Завтра*» – так он думал, ложась на кровать рядом с ней и обнимая. Если не завтра, то очень скоро. Гранду, закрывшему глаза, казалось, что промедление в данном случае – ошибка, что время, проведенное в слишком долгих размышлениях, сыграет плохую шутку.

Она пахла собой, тонким шлейфом духов, их недавним слиянием и сном. И запах вызвал в нем запретные ассоциации.

Спать! – приказал он себе и выровнял дыхание.

Просто спать.

Глава 8

(Meredi – Vortex)

Джулиана

Он сам приготовил завтрак. Наверное, еще до моего пробуждения сходил в столовую, взял яиц, свежего хлеба, сыра, помидоров, колбасы.

Очень трогательно, заботливо. Было бы. Если бы Гранд не молчал...

Что-то случилось с ним за ночь. Напала какая-то странная задумчивость, даже отстраненность, и это тогда, когда мне болезненно сильно хотелось его теплоты, его присутствия. Люди ведь могут не говорить, но чувствовать друг друга, понимать, что они вместе. Вчера случилось между нами то самое доверие, которого Гранд так ждал, а теперь его отклика ждала я. Объятий, как тогда, когда мы вернулись от разрушенного моста. Чтобы меня просто держали, и я ощущала, что больше не одна. Мне нужны были эти беседы, улыбки, незримое чувство «мы вместе».

Но его не было.

Были хорошо прожаренные яйца на тарелке и пасмурный день за окном. Валил снег.

«Почему? Все ведь шло так хорошо?» Может, он грустит оттого, что мне пора уезжать, так я готова заверить, что буду ждать, скучать, писать...

Только не сама, не первая, не в этот раз. В этом месте должны быть его слова и его реплики. Что-то похожее на «не переживай, три недели пролетят быстро. Я буду приезжать на выходных...»

Откуда взяться тишине?

Сыр был средним, не ароматным, просто соленым, а хлеб удался.

– Во сколько заедут новобранцы?

– В три.

«Нужно многое подготовить», – слышалось в молчании.

Я ничего не понимала. Разве у фильма, в котором все шло к счастливому финалу, может быть печальный конец? У режиссера

сверху меланхоличное настроение?

– Моя машина...

– Твоя машина готова.

«Можешь ехать».

Вот так просто? А дальше мы снова по отдельности, как были до того?

– Гранд? – Он смотрел прямо на меня, но взгляд не прочитывать. – Все в порядке?

Не ответил, отставил кружку с кофе, отошел к окну, за которым сыпало. Застыл.

– Ты не хочешь, чтобы я уезжала? Все дело в этом?

Я подошла к нему сзади, непривычно хрупко реагируя на то, что разговариваю со спиной.

Он повернулся. Впервые потеплевший, похожий на вчерашнего себя, когда в его душе звенело восхищение от нашего единения. Посмотрел с печалью и нежностью – вспомнилось хорошее.

Взял мои щеки в ладони, погладил; мое сердце стремительно растекалось в лужу.

– Такая степень доверия, – он тоже вспоминал вчерашнее. – Знаешь, на что это похоже?

– На что? – я спросила это одними губами.

– На любовь.

А он как будто прощался. Не восторгался больше единением, но пытался его запомнить.

(Neoni – DARKSIDE)

Я молчала долго. Меня все это не устраивало – полный неадекват. Отошла обратно к столу, чувствуя, как ширится между нами щель. О чем я не думала, просыпаясь этим утром, так что наши жизни с моим отъездом просто разойдутся (как в прошлый раз). Бред.

– Похоже? – спросила, разделив удивление с горечью. – Похоже на любовь?

Дальше нужно было молчать. Выйти, проветриться, закурить, я не знаю. Позволить себе успокоиться, прежде чем реагировать, но время утекало, и быстро успокаиваться я не успевала, а вот воспламениться да.

– А ты не допускал мысли о том, что это она и есть?

– Что?

– Любовь.

Взгляд напротив сделался жестче, окончательно закрылась ведущая к теплу щель. Снова просто Гранд, просто мужчина, начальник этой базы и владелец больших денег.

Наверное, я смотрела так, что в его шкуре горела дырка. И потому мне ответили:

– Эта тема лишняя.

– Правда? – Лед под ногами скользкий, а я набирала на нем скорость. – То есть нормально, что вчера ты плыл от кайфа, а сегодня я просто уеду без слов о том, что ты когда-нибудь еще позвонишь?

– Я позвоню.

Сделал одолжение и взбесил еще больше.

– Чтобы «добить» седьмой раз?

– Чего ты от меня хочешь?

Предупредительно сжались челюсти, напряглись желваки. Я не верила тому, что происходило – начиналась война. Вместо того чтобы говорить друг другу нежные слова, мы разделялись на два вражеских лагеря.

– Просто приехала. Просто потрахались, да? А мои чувства – это лишнее?

– Я на них не рассчитывал.

– А на что ты рассчитывал?

– На что я рассчитывал, я объяснил при нашем первом знакомстве.

– Ах, вот оно что... – Я воочию видела, как открывается замок на внутреннем черном ящике, в котором спрятана красная кнопка. Как приближаются к ней мои пальцы. Я не уйду без боя, я так просто не сдаюсь. – Значит, чувства – это лишнее?

Сжались красивые губы. Гранд злился на то, что я втянула его в перепалку, к которой он не был готов, а меня накрывала пелена злости.

– Как может шлюха, давшая первому встречному, испытывать любовь, так? Только я не твоя бывшая...

– Не говори мне... – Теперь злым стал и Гранд. Очень непривычным, пламенным от гнева, ледяным внутри. – Просто сверни тему. Я не мальчик для битья.

– А я не девочка по вызову. И мной нельзя играть.

Он должен был сказать – *я не играл*. Должен был. Но не сказал. Переломный момент – не думала, что красная кнопка будет нажата, но она будет.

– Значит, все так просто? Я уезжаю?

Гробовое согласие мне в ответ. Что-то надломилось у меня внутри – я не желала себе очередного расставания, сердечного потрясения. И не для того я открывалась, чтобы меня впоследствии вышвырнули, как одноразовую девку. А теперь все то, что было открыто, доступно, нежно, ранимо, заполнила черная густая жижа. Значит, быть войне. Я умею бить, иногда бить слишком сильно, но уходить без удара – нет.

Моя следующая фраза прозвучала легко и холодно.

– Что ж, по крайней мере, все получилось. Думаю, у Букинса теперь все пройдет хорошо.

Гранд, прежде чем спросить, долго скрипел шестернями, пытаюсь понять резкую смену темы.

– При чем здесь Букинс?

– Ну как же? – Все, пальцы опустились на красную кнопку. Сработали запалы у ракет. – Мы ведь заявлены, как компания на инвестирование.

«И?» – злой вопрос в черных глазах.

Ядерные боеголовки взлетели в воздух, как в замедленном фильме. Они уже получили координаты – взрыв в полпланеты неизбежен.

– Это же очевидно, что если ублажить одного из партнеров, то шанс получить грант куда выше. А я, кажется, ублажила отлично.

Отличная из меня актриса. Я даже подмигнула – нахально так, фривольно. И неважно, что на душе у меня дождь.

Я никогда не видела его таким – в сдержанном бешенстве. Третья версия Гранда, еще менее мне знакомая. Предельно жесткая, неумолимая, как каток, очень опасная.

– Так за этим я был тебе нужен? – Я видела его боль. Она мелькнула в зрачках всего на секунду – ракеты ударили точно в центр, дальше огненное кольцо, пепел, кратер от воронки в полкилометра. – Все из-за денег?!

И жаль, что этим утром все повернулось именно так. Наверное, вариантов этого разговора были тысячи, но мы выбрали именно этот.

– Ну с поганой овцы хоть шерсти клок... Сам знаешь.

Его никто не звал раньше поганой овцой. И никто не попадал так четко в цель, как сделала это я – жаль, что ни триумфа победы, ни даже удовлетворения. Кратер разделили мы оба.

Костяшки сжатых кулаков побелели от напряжения.

– Уезжай, – процедили мне со сжатыми зубами. – Уезжай!

– А ты мне не приказывай! Это моя реплика, понял? Я уезжаю! Сама! Потому что так решила!

На выход я шагала на деревянных ногах. Сдернула с вешалки пальто, оттуда же шапку, в один сапог обуваться не стала. Так и вышла на снежное крыльцо босая.

(Kloud – VIRUS [Fytch Remix])

Гранд

Он не мог пошевелиться, он забыл, как дышать. Лишь понимал, он сделал это снова – стал идиотом, дураком. Не заметил очередной игры, не увидел подвоха, ничего не почувствовал, не заподозрил. Наоборот, он верил ей. Он ожил...

А в его сердце, сделавшееся из каменного хрустальным, алым и сияющим (наконец-то), воткнули каблук. Трещинами пошло не только сердце, но он весь.

Когда в комнату вошел Люк, оборачивающийся и удивляющийся тому, что Джулиана пролетела мимо него босая по снегу, Гранд продолжал стоять у стола со сжатыми кулаками и челюстями. Не мог их больше расслабить, подозревал, что вообще больше не сможет этого делать.

– Эй, старина... В чем дело? Что случилось?

– Ты был прав, – выдавил Гранд.

– В чем?

Люк встревожился моментально, уже видел раньше этот взгляд у друга тогда, когда совершила ошибку Сара. Тогда это выражение не

уходило долго. Замкнутость, отрешенность, отвращение, ненависть – все под маской ледяного равнодушия.

– Ей... нужны были деньги.

– Не верю... Слышишь, не верю! Я видел ее глаза...

– С поганой овцы... хоть шерсти клок, так она сказала.

– После чего? Что сказал ей ты?

Коган даже положил руки на плечи, потряс, пытаюсь достучаться.

– Шерсти. Клок.

Черные зрачки, как угли. И крошился фундамент.

– Ты не верь, она сторяча, не подумав... Да мало ли...

Гранд снова ничего не чувствовал. Совсем. Как тогда, полгода назад.

– Она хотела денег...

– Да не хотела! Просто... что случилось с вашим разговором? С чего вообще?

«Ведь было же все нормально... Хорошо...»

А Гранд понял, что губы его запеклись и больше не разомкнутся.

(Break My Fucking Sky – I Promise You)

Джулиана

Вечер. Снова лето. Как будто другая жизнь, как будто вышел из кинозала и все не можешь забыть сцены, которые увидел утром, хотя давно надо учиться жить дальше.

Впервые молчала Люси.

– М-да...

Это все, что она произнесла, понимая, что после такого ядерного удара ловить нечего. Не упрекнула за него, знала, что такой у меня характер: если бьют меня, я бью в ответ. Бью наотмашь. Дурная черта, я не сумела от нее избавиться, да и от кого ждать защиты, если не от самой себя?

«М-да...» – и в этом неслышная фраза: «Надо же, как все обернулось. Кто бы думал...»

«М-да...» – очень жаль, что все пошло именно так.

«М-да...» – я не знаю, как тебе теперь помочь и что делать.

Она не могла мне сейчас помочь ничем. Как не сможет алкоголь, вечеринки или другие люди. То, что случилось, просто переживают, как умеют, как выходит, надеясь, что пик боли в тебе хотя бы не задержится.

«М-да...» – согласна, он мудака. И мои чувства к нему были настоящими.

– К Букинсу вместо меня пойдешь ты, – выдавила я, наконец.

Люси смотрела хмуро. Когда она сидела вот так, чуть ссутулившись, сложив руки на колени, то выглядела совсем некрасивой. Я любила ее любой.

– Ты же знаешь... с моей харизмой, точнее, ее отсутствием, и такой внешностью нам ничего не светит.

– А нам и так ничего не светит, ты еще не поняла?

«Я поняла».

Она не упрекнула. Не пыталась утешать зря, просто молчала, и мне было легче с ее молчанием, чем одной.

– Что ты будешь... теперь... делать?

– Работать, – просто ответила я.

Много работать.

Глава 9

(ANIVAR – Падает звезда)

Раньше я горела работой. Была увлечена каждым процессом, присутствовала на каждой презентации продуктов рекламного отдела, вчитывалась в резюме сотрудников, к любой мелочи подходила со стопроцентным вниманием.

Теперь от моей занятости остался лишь вид. Я все еще сидела в своем кабинете за столом, передо мной лежал договор на отгрузку, который нужно было подписать, а я видела не слова, а отдельные буквы. И еще скрепку, лежащую у подставки для канцелярии, желтый цвет ручки ножа для бумаг, узор прожилок под лаком собственной столешницы – я была здесь, и совершенно нет.

Гранд, наверное, с утроенным рвением тренирует новобранцев, ему есть о чем подумать помимо меня. Без вариантов, без шанса на возврат. Наверное, это неправда, наверное, что-то можно исправить или хотя бы попытаться, но в моем сознании апатия и ступор, а еще бесконечная усталая грусть. Ко мне заходили, выходили... Приходилось напрягаться, чтобы вникнуть в беседу, разобрать смысл вопросов. Конечно, мое присутствие давно уже не необходимо и больше номинально, но я любила свою работу... Люблю. Просто не могу пока, как импотент.

Скользнувшая в кабинет Люси имела на лице тень того сочувствующего выражения, которое убеждало меня – я никчемная размазня.

– Читаешь?

Она села в кресло для посетителей.

Я не стала ее обманывать.

– Пытаюсь. Присутствую здесь, как призрак.

Долгое молчание.

– Жу, не переживай. Ты же знаешь, все отделы прекрасно скоординированы. Ты самолично набрала не руководителей, а чистых бриллиантов, они прекрасно справляются.

– Дело ведь не в этом...

Она знала, что будни компании мне небезразличны, но безразличной вдруг стала к самой себе я. Это тяготило.

«Может, уехать? Купить билет далеко?»

«И с той же отстраненностью смотреть не на скрепки, а на камни чужих пыльных троп?» Не выход.

– Ты зашла, чтобы меня утешать?

Меня нервировало странное выражение светлых глаз подруги.

– Нет, я зашла сказать, что вчера была у Букинса. Если ты помнишь...

Чертов Букинс. Зря я приплела его к нашей перепалке. Не сделай я этого, сейчас бы, как заключенный, зачеркивала дни в календаре до встречи с Грандом, и внутри было бы другое – ожидание, трепетность, предвкушение, а не этот серый мрак.

Я молчала. Боялась услышать, что он там был – каждое упоминание, как ножом по свежей ране.

– Его там не было, – качнула головой Люси, – или я не видела. Ты не спросишь меня, как я сходила?

Я откинулась на спинку высокого директорского кресла, вздохнула.

– Как ты сходила?

– Так себе. Съела пару халявных бутербродов с непонятной фигней сверху, наверное, очень дорогой, выпила дармового шампанского. Ни с кем не говорила. Послушала вступительную речь, поаплодировала, после покрутилась чуть-чуть и слилась. Ты же знаешь, я теряюсь среди этих спесивых болванов в смокингах.

«Там должна была быть ты».

Должна была. Да.

– Ну прошло и прошло. Не грей голову.

Но Люси грела. И похоже, сильно – я пока не могла понять причину.

– Собственно, я поэтому и пришла. Сказать тебе, что есть новость, только не знаю, хорошая или плохая...

– Говори.

Она смотрела исподлобья, с таким выражением признаются в чем-то неприятном.

– Нам на счет утром поступил транш. В пять миллионов.

Мои брови взлетели вверх.

– А ты говоришь, что ни с кем не общалась...

– Я не общалась!

– От кого он поступил? От Букинс и Ко?

Может, это мой шанс выбраться из депрессии? Займусь разработкой новых стратегий, привлеку новых специалистов, нырну, наконец, в процесс.

Граурная пауза.

– Транш от Гранд-Траст.

Надежда взлететь рухнула. Стало тяжелее, чем было. «Откупился? Посмеялся, мол, пять миллионов для меня ничто? Подавись...»

Наверное, Люси все поняла по моему лицу, по сжатым губам.

– Отбей его назад.

– Жу...

Тишина. Это мнение я не изменю. Но прагматичная Люси еще пыталась:

– Это наш шанс на расширение, закупку сырья, постройку собственного склада – не будет больше аренды...

Прекрасные планы. Значит, не сейчас.

– Мы справимся сами.

– Но не так быстро.

– Значит, не быстро.

Она сдалась. Какое-то время сидела понурая, задумчивая, наверное, все еще прокручивала в голове то, что почти сбылось, но вдруг вильнуло задом и махнуло на прощание рукой.

– Извини, – это слово я не сказала, почти прошептала, – я дура, знаю.

– Ничего, – прежде чем заговорить, подруга долго молчала. – Еще неизвестно, как бы я сама реагировала на твоём месте. Может, еще хуже. Справимся, фигня...

В этом была ее сила – в умении быстро переключаться.

– Я распоряжусь, транш отобьют.

– Спасибо.

Теперь я ждала, когда уйдет и Люси. Гранд умудрился сделать больно на расстоянии – может, он не пытался, но, кроме унижения, я не испытала ровным счетом ничего. Очень хотелось бренди. В одиннадцать утра.

Когда я вытащила из кармана ключ, чтобы положить на стол, руки мои тряслись.

– Я пойду... прогуляюсь... Ты закрой тут.

– Иди, – авторитетно кивнула Люси. Меня проводил из кабинета ее тяжелый и сочувствующий взгляд.

(Kloud – VIRUS)

Гранд

Он шагал с утра до вечера. Приобрел лучшую обувь на мембране, с шерстяной стелькой, и все равно замораживал ноги так, что после приходилось час отогревать их у камина. От дерева к дереву, по сугробам, по бездорожью, с пристегнутыми к подошвам снегоступами. Зачеркивал квадраты на карте один за другим – здесь искал, здесь искал, здесь еще нет...

Проблема заключалась в том, что он даже не знал, как она выглядит – эта дверь. Как марево в воздухе, как круглый портал, как два вбитых в землю колышка или как символ на коре сосны? Он, может, давно ее пропустил, но даже не понял этого. И тогда, значит, снова...

Нет, об этом Гранд думал давно – снова поиски он не начнет. Нет, значит, нет.

Хотелось есть, хотелось пить, но бутерброды он съел два часа назад, на большее их число продуктов не хватило. Останься здесь Тати, она кормила бы его сытно, но поварих Гранд отпустил, потому что впервые отменил тренинг – приказал секретарю обзвонить новичков, сообщить, что база временно не принимает.

Ни разу этого не делал раньше, никогда...

В прошлом Гранд искал Дверь в перерывах между работой, тренировками и отдыхом, чаще на выходных, но теперь посвящал этому все свободное время, потому что хотел раз и навсегда для себя прояснить, существует она или нет.

Те, кого он допрашивал – по большей части бывших заключенных, беглецов и пойманных преступников – говорили: «Это не пространственный Портал, это временной...» Откуда им это было известно – загадка, но все сходились в одном: Дверь переносит на год назад. Независимо, когда ты в нее ступил, она отмотает в твоей жизни ровно триста шестьдесят пять дней. Оттого и перли сюда, невзирая на знаки «Частная территория» и «Вход воспрещен». Желали исправить судьбу, наверное...

Он желал тоже.

Хотел ступить в Портал по нескольким причинам. Нет, не для того, чтобы вернуть Сару, но, чтобы прожить этот временной отрезок заново, вовремя разуть глаза, заметить то, чего не замечал раньше, заживить уязвленное чувство собственного достоинства. Вернуть себе себя. То была первая причина – менее существенная. А вторая... Он должен был вернуть браслет. Браслет, который его мстительная бывшая выкрала из сейфа вместе с именными облигациями и ценными бумагами в тот единственный раз, когда вернулась в его квартиру, чтобы оставить на столе чертов ключ. Откуда она узнала комбинацию от сейфа, где он никогда не хранил наличность, Гранду было наплевать – вернется, изменит ее (возможно, заменит сейф или перенесет из него все в банковскую ячейку). Ценные бумаги он смог восстановить, бизнес-документы тоже, а вот браслет – он впервые побоялся, что схватит за шею женщину, – эта стерва выбросила в мусорку. Он даже нанял людей, заставил перебрать все урны в округе – тщетно.

Чем ему был ценен тот браслет, неизвестно. Каким-то удивительным ощущением, что Гранд в этом мире не один. Потертый металл, несколько колец, табличка с затертой гравировкой – он никогда не мог ее прочесть. Но эта штука на запястье возвращала покой в его душу, наполняла спокойствием, как невидимый источник. За этот браслет, не будь Сара женщиной, Гранд разбил бы и морду, и ребра... Положил его в сейф для того, чтобы отыскать мастера-ювелира, попросить восстановить надпись. Не успел. (**прим. автора – этот браслет Гранду подарил отец до прихода на Уровни. Во время перехода он остался у Гранда на запястье*)

Подмерзший снег хрустел, утрамбовывался под снегоступами – метр за метром человек в теплой одежде двигался вперед.

Но, куда бы Гранд ни сворачивал, собственные мысли преследовали его везде.

(Zac Brown, Sir Rosevelt – It Goes On)

Джулиана... с ней должно было быть просто. Встретив на дороге женщину, от которой он попросил просто секса, Гранд рассчитывал на обычную разрядку без отрыва от собственных планов, сохраняя вектор намеченного движения. Но что-то пошло не так. Эта самая женщина вдруг оказалась теплой, интересной, дерзкой, податливой, заводной и кое-где такой покладистой, что Гранд вдруг вспомнил о настоящей человеческой нежности. Вспомнил, да. Однако это не давало Джулиане право давить на него. У них неожиданно начало что-то складываться, и, возможно, не перейди она в открытое наступление, сложилось бы – кто знает. Время, неспешные шаги, правильные слова, еще чуть больше тепла, и, быть может, Гранд зажил бы без Двери, бросил бы поиски и саму идею. Но Джулиана надавила. И когда он захлопнулся, и без того неспособный определиться, двигаться вперед или назад, она хлестанула его этой фразой про Букинса, про «поганую овцу». Не стоило. Ложность всего ее заявления он осознал сразу, как только остыл, но вот само желание ударить не простил. Транш выслал не потому, что «удовлетворила» и не для того, чтобы унижить. Просто подумал, что ей нужнее. Если он уйдет. А не отыщет Дверь, так и бог с ним, не обеднеет.

Через час Гранд зачеркнул на карте еще один квадрат – здесь Портала нет тоже. Куда дальше? Направо, где овраг, в низину? Выбираться будет долго.

Хуже всего, что он окончательно запутался – не в картах, в себе. Почему-то больше не был уверен в том, что желает вернуться в прошлое, жить этот год... Браслет – да, обидно. Новых встреч с Сарой не хотелось.

«А чего хотелось? По-настоящему?»

Глушила тоска. Холодильник в коттедже пуст – нужно съездить за продуктами, – а вот бар полон. Гранд знал, что напьется по возвращении. Тоскливо. И неясно, продолжать ли поиски, обрадуется ли Порталу. И что сделает, если найдет – заявит в Комиссию, попросит

убрать? Использует? Огородит? Куда-то слился вдруг запал; надоели вечно холодные ноги. Завтра метель, завтра он проспит весь день дома.

Вот так и становятся отшельниками, думал Гранд, спускаясь в низину, вот так и деградируют. Вокруг застывший лес – гигантские стволы; высокие – в небо – сосны, укрытые белыми шапками ели. Кажется, его внутреннюю пустоту перестала лечить эта застывшая тишина.

Он злился на себя за отсутствие четких ответов, за странную нерешительность, за то, что с появлением очередной женщины впал в раздрай. С ними быть нельзя, и без них тоже... Проститутки его больше никогда не удовлетворят, потому что некая Джулиана установила в постели такую планку получения наслаждения, которую он не пожелает опускать. С ней можно быть играть, ее можно было дразнить...

«Поганая овца».

Он сжимал челюсти и шел дальше. В собственное неизвестное будущее.

(Cristin, Absence of doubt – Independance)

Скользкая дорога порядком измотала. Сначала Коган несколько часов рулил до базы, потому что телефон Гранда перестал отвечать, затем нашел самого Эрдесона – пьяного, уснувшего в кресле рядом с бутылкой виски, – смотался до магазина (едва успел до закрытия), привез продуктов.

Гранд на попытки себя разбудить и переложить в постель (оттащить такую тушу до спальни Люк бы физически не смог) лишь мычал «отвали».

Коган расстроился. Увидел, что у порога сохнут снегоступы, понял, что Гранд опять взялся искать эту проклятую Дверь – зачем? Гнилая идея, так он считал. Какая разница, где оказаться – здесь или в прошлом, – если, перешагнув порог и сохранив память, ты остаешься самим собой. Берешь в новое будущее прежний опыт и прежнего себя.

Не войти в одну реку дважды. Конечно, Эрдесон вправе проверить теорию с Порталом сам, но Люк не хотел остаться без друга.

Скоро ночь. Его старый белый внедорожник терпеливо рокотал мотором. К закрытому уже магазину Люк свернул лишь потому, что там накануне чистил дорогу трактор – да, крюк, но хоть на одном участке дороги удастся не отбить себе задницу.

Буксующее в жиге такси и гневно жестикулирующую рядом женщину он увидел сразу.

– Как это вы дальше не повезете?! Маршрут оплачен до конечной точки!

– Это и есть конечная точка! Не видите?

Водитель злился. Стоящая рядом монолитная дама в палевом пальто, без шапки и со светлыми волосами злилась тоже.

– Это не конечная точка! Где база?

– Идите пешком, не видите, я застрял?

– Пешком?!

– Тут пара километров...

Перед магазином давно красовалась глубокая лужа. Сейчас, заполненная густой подмерзшей грязью, она стала отличной ловушкой для колес легковушки – такси тщетно пыталось вырваться. Водитель газовал отчаянно, понимал, если не выйдет, ночевать ему в салоне, потому как эвакуатор только к утру и доедет.

Коган мысленно выругался – сегодня он дал трос знакомому, ждать возврата не стал, мол, пока не нужен. И зря, вытянуть теперь нечем.

– Давай, толкну, – бросил он сразу, как захлопнул дверцу внедорожника. Невзирая на грязь, взялся за багажник, скомандовал: «Раскачивай!»

– Эй, зачем вы ему помогаете? Он же сейчас уедет!

На бабу Люк внимания обращать не стал. Качал желтую машину взад-вперед, наваливался, когда водитель подгазовывал – амплитуда увеличивалась.

– Еще разок, еще, еще...

Толкнул со всей силы, когда почувствовал, что легковушка почти вырвалась – удачно! – утонул в облаке газа, только сейчас заметил, что

все джинсы до бедер в грязи, в потеках и стекающей жиже. Вот же черт!

– Спасибо! – козырнул таксист благодарно и практически сразу же вырулил на трассу. Ускорился и был таков.

– Не за что, – промычал Коган. И заметил, как его недобро буравит глазами женщина со светлыми волосами.

(The piano guys – Celloopa)

– Вообще-то он должен был довезти меня до места!

На него набросились с обвинениями, как он и ожидал. Пустырь, подморозило, почти ночь. Темные окна магазина, запертая на висячий замок дверь. Ближайший поселок отсюда далеко; ни людей, ни фонарей, лишь светят фары внедорожника.

– До какого места?

Люку не хотелось долго разбираться. Доехать бы до сторожки, лечь бы спать.

– До базы.

– Название у вашей базы есть?

Баба в пальто растерялась.

– Нет, вроде. Тренировочный лагерь Эрдесона это...

Коган замер. Зачем ей туда?

– На ночь глядя? В тренировочный лагерь? Там нет сейчас никого, тренировки не ведутся. И как можно было сунуться туда на такси? Где и полноприводные-то вязнут. Хоть бы сама за рулем...

– Я не вожу сама, – отозвалась дама с вызовом и упреком, мол, мог бы догадаться.

«Интересно, к кому она?» Если бы к кому-то из новобранцев, он бы понял, но Гранд занятия отменил. К сторожу? Наверяд ли.

– Довезете меня? Я заплачу.

Он бы сам ей заплатил, чтобы она не попадалась ему на пути.

– Нет.

– Так я и думала.

Незнакомка не сдавалась, деловито оглядывала темную стену леса по правую сторону дороги, явно собиралась направиться к базе пешком.

– Вы не дойдете.

– Дойду.

– Таксист соврал. Отсюда до ворот еще четырнадцать километров. Эта фраза сбавила чужую уверенность.

– Четырнадцать?

– Да.

– Вы там работаете, что ли?

– Автомехаником. – Люк любил прикрываться этой профессией. –

К тому же там сейчас все закрыто.

– А мистер Эрдесон?

– Он сегодня в городе.

Да, соврал, но какой толк от Гранда в таком виде? Бессмысленно.

Дама впервые сникла. Почти незаметно, но все же. Она была прямой и настойчивой, как танк. Не умела ни сдаваться, ни отступить. Теперь выискивала глазами остановку автобуса, прошла до бордюра, окинула взглядом пустое шоссе – Люк подумал, что у нее, должно быть, мерзнет голова. «Хоть пальто взять не забыла», некоторые совались сюда и вовсе в летнем тряпье.

– А здесь ходят...

– Не ходят, – хотел раз и навсегда прикрыть дальнейшую дискуссию про автобусы Люк, но вернувшаяся в этот момент женщина поскользнулась и начала заваливаться. Он бы поймал ее за руку, наверное, но она быстрее него ухватилась за рукав Когановой куртки. Ткань затрещала по швам на плече, рукав вырвался, превратившись в полукарман, зато падение прекратилось.

Люк мысленно выругался. Он весь в грязи, как лесовик, а теперь еще и с оторванным рукавом. Его ни в одно публичное место в городе не пустят.

Что теперь делать? Ничего, наверное. Жизнь.

– Извините, – слышалось сбоку.

Свалилась же на его голову.

– Садитесь в машину, – зло буркнул он.

– Вы едете в город?

– Я не самоубийца рулить ночью по льду.

– Тогда зачем... в машину?

– Доедем до сторожки, переночуем, утром уже двинем в город.

Женщина смотрела на него круглыми совиными глазами. Некрасивая, пегая и носатая, хоть карикатуру с нее пиши.

– Вы едете или нет?

Сам Коган уже сел на водительское сиденье.

– Еду.

Гостей он не жаловал, но выбирать не приходилось – здесь ее оставить он не мог. Ни домов в округе, ни отелей, ни даже попуток.

На пассажирское сиденье дама влезла шумно. Дверцу захлопнула мощно, а после с прищуром спросила:

– А если вы маньяк?

– Если я маньяк, – выплюнул Люк, – вы меня зарубите топором быстрее, чем я вас изнасилую.

– И то верно.

Пассажирка вдруг успокоилась; он завел мотор.

Слипались глаза.

Себе он выделил лавку справа, бросил на нее циновку, отыскал в углу старую подушку, гостю отдал кровать у стены. Ширма есть, переодеться сможет. Там и матрас нормальный, и одеяло получше. Конечно, ночью придется вставать, подбрасывать дрова, иначе замерзнут – к утру, наверное, будут одинаково убитыми и его настроение, и спина. Жрать хотелось невероятно, но про бутерброд себе, когда затаривался для Гранда, Коган забыл. Теперь разве что пустой чай заварить.

Зато деловито орудовала гостя. Шуршала на кровати рюкзаком, что-то распаковывала, что-то перекладывала – ее настроение точно не пострадало. Изредка на Люка кидали внимательные взгляды – может, ждали, что накормит?

– Еды нет. Только голый чай, – отбрехался он.

И кивнул на чумазый чайник на плите, мол, туда можно набрать воды. Заварку дам.

– Смотри и учись, – вдруг довольно провозгласила гостя. Оказывается, она отыскала в рюкзаке замотанный в полиэтилен сэндвич – здоровый и толстый, какие продавали только на заправке на сто шестом километре. Развернулась, потрясла им, как дубиной, принесшей ей победу против армии варваров, хлопнула со стуком на стол. Мол, дураки сидят голодными, а предусмотрительные умные запасаются заранее.

Сэндвич был хорош. На ржаном хлебе, с кучей ветчины, помидорами и майонезом. Люк понял, что сейчас заглотив бы его весь, и обрадовался, когда ему досталась большая половина.

– Щедра ты, баба, спасибо!

На него зыркнули недобро.

– Я в курсе, что не красавица, но чтоб и «баба» – не слышала!

Она, однако, даже не разозлилась. Уселась на кровать, удивительно неспешно принялась есть. Жевала долго, с чувством и со вкусом, Коган почему-то даже засмотрелся. Несуразная тетка, немолодая и не старая, некрасивая, но свободная, что ли. Простая, не закомплексованная – мол, я это просто я, и все тут.

Когда сэндвич кончился, его попросили.

– Штаны сними.

– Зачем? Хочешь мой размер оценить до первого свидания?

Шутка не прокатила. Взгляд грозный, руки в боки – Люк вдруг ощутил к незнакомке некое подобие симпатии. Она напомнила ему кого-то из далеких времен, когда он был маленьким и часто шлодил.

– Мыло покажи где. И таз!

– Мыло на раковине. Таз в углу.

Удивился, замер. А после, удивляясь самому себе, принялся снимать штаны.

(Hauschka – Bertelmann: Shy)

Он честно пытался спать. Накинул одеяло, закрыл глаза, сунул ладонь под голову. Какое-то время лежал, слушал, как она гремит в тазу – полощет его штаны, шоркает их мылом, жулькает, снова полощет. И не смог вспомнить никого, кто на его памяти стирал вещи руками. У всех машинки...

Думал, когда достирает, затихнет, но не тут-то было.

«Баба» повесила джинсы сушиться над печью, сходила в прихожую, что-то взяла, вернулась – скрипнул матрас. Люк открыл глаза.

– Ты свет гасить собираешься?

– Собираюсь.

Но она не собиралась. Принесла его куртку, достала из рюкзака походный набор для шитья, водрузила на нос очки и теперь

сосредоточенно вдевала в иголку нитку.

«Она вообще когда-нибудь отдыхает?»

На Люка ей было в высшей степени наплевать. Самобытная, незаинтересованная, себе на уме – он давно таких не видел.

– Эй, – спросил негромко, – а зачем тебе мистер Эрдесон?

– Тебе какое дело?

Коган не нашелся с ответом. Но дама продолжила сама:

– Подругу он мою обидел. Хотела пообщаться.

Подругу? Люк мысленно встрепенулся. У Сары отродясь подобных подруг быть не могло, значит, это знакомая Джулианы. Вон оно что...

– Может, не стоит лезть в чужие дела?

Хотя он и сам бы полез, если бы Гранд этим вечером вязал лыко.

«Не стоит, не стоит», – бубнили с кровати себе под нос. И еще что-то про слепых котят, которым, если не помочь, все счастье профукают.

Она просто сидела. И шила ему куртку. Трещала, пережевывая дрова, печь; гудел дымоход; завывала снаружи стужа. И Люк, расслабившись, вдруг поймал ощущение, которого не испытывал давно – некое спокойствие, умиротворение, правильность.

– Звать-то тебя как?

– А тебе зачем?

– Ну... мы с тобой спать сегодня вместе собираемся как-никак.

И «баба» снова не возмутилась. Неожиданно по-свойски хохотнула, кивнула.

– Точно.

Коган думал, уже ничего не добавит, но с кровати послышалось:

– Люси я.

– Люсия?

– Люси, болван.

С ней было просто. Уже засыпая, он думал о том, что в ее неправильном профиле заключена неуловимая и почти незаметная красота. Если бы художник решил одной линией носа изобразить портрет, каждый бы по этому штриху узнал «оригинал». Сейчас все женщины одинаковые, сонно размышлял Коган – одинаковые губы, одинаковые брови, одинаковый макияж. Он часто вообще не мог отличить одну от другой, а эта... Некрасивая. Но она отличалась.

Он так и уснул при свете лампы под мерное дыхание чужачки с кровати.

Глава 10

(Orla Gartland – More Like You)

Можно было просто включить музыку – дорога длинная, – но Люку нравились ее ответы. Остроумные, интересные, нетривиальные. И потому игра в «ассоциации».

- Любимое блюдо?
- Колбаски в слоеном тесте с сыром.
- Никогда не пробовал.
- Потому что я делаю их сама.
- Любимая рыба?
- Та, которая не поймана.
- Женщина должна...
- Женщина ничего не должна.
- Мужчина должен...

Люси приподняла бровь:

- Мужчина тоже ничего не должен.

Коган взглянул на соседку с уважением.

- Хобби?

Пассажирка почему-то замялась. Ответила через паузу:

- Люблю участвовать в математических турнирах в свободное время. В сети, под вымышленным ником.
- В математических турнирах?
- Ну да.

Люк забыл, что можно удивляться. Этим утром он заметил, что начал воспринимать Люси иначе, не отдельно «большой нос, круглые глаза» и так далее, но Люси целиком. Ее нос стал казаться ему просто носом «Люси», без круглых глаз она не смотрелась бы так умилительно по-совиному, с более пышными волосами утратила бы изюминку. Да и проглядывала сквозь ее внешность многогранная личность и симпатичный Когану прямолинейный темперамент.

- Нелюбимое занятие?
- Водить машину.
- Но почему?

Сам он любил и руль, и дорогу. Вот как сейчас, когда, кажется, вокруг постепенно наступала весна. Чем дальше от Северного Леса, тем больше солнца, прогалин по обочинам, луж и ярких бликов. Встречных машин почти нет, кати себе в удовольствие.

Люси прижала ближе к животу сумку.

– Я нервничаю на дороге. Или сильно пугаюсь, или становлюсь агрессивной.

– А-а-а...

Он действительно понял. Бывает.

– Живешь одна?

– Нет, с тремя мужиками с одним рабом...

Он даже повернулся, чтобы увидеть, как пассажирка трясется от смеха.

– Второй раб не нужен?

– Нет, первый еще не стерся.

– Ах, размечтался я...

Спустя минуту его удивило то, что Люси начала подпевать незнакомой ему песне по радио, даже сделала громче. И голос, оказывается, совсем не грубый, а очень даже мелодичный. Чтобы услышать его лучше, Коган на пике высокой ноты ловким щелчком выключил приемник, и тут же огребся. Хотя пару пропетых нот услышать он успел.

– Эй! Верни!

Люси щелкала по кнопкам, пытаясь вернуть радио, теперь смеялся водитель.

– Я просто хотел послушать твое пение.

– А билет на мой концерт не хотел приобрести?

И расстроилась, когда поняла, что ее любимая волна сбилась – из динамиков теперь лились помехи и шорох.

– Все, я с хамами не разговариваю.

– А еще, наверное, не встречаешься с такими простыми и бедными парнями, как я?

Сбоку фыркнули.

– Бедными! Понравишься, прокормлю нас обоих.

Хорошо, что она смотрела в окно, потому что Коган широко и солнечно улыбался.

Вот и город.

Машина остановилась у обочины; снова тепло, снова лето.

«Сейчас она выйдет и уйдет». Наверное, не беда, он понял, где она работает. Но скребло другое, Люк не сказал ей всей правды. О том, что на самом деле он не просто механик, а друг Гранда, о том, что сам Эрдесон вчера пьяным спал в коттедже. Чем больше лжи, тем хуже будущее, а портить отношения с Люси с самого начала Когану почему-то не хотелось. Что-то в ней было простое и теплое, что-то такое, отчего его день становился ярче.

– Мой любимый десерт – Флер-Альпин... – сказала молчаливая до того пассажирка, хотя он не спрашивал.

– Горный цветок? Это, где розовые лепестки...

– ...на горке из шоколадного мороженого, да.

– Ясно.

Она зашуршала сумкой, собралась выходить.

– Люси...

– М-м-м?

Повернулась уже хмурая, готовая перешагивать черту «вот мы вместе, вот я отдельно, конец поездки».

– Здесь не подают Флер-Альпин, но делают хороший кофе, – Люк кивнул на двери кофейни, у которой остановился. – Выпьешь со мной чашечку?

– Это свидание, что ли?

Она его поймала. Скажешь да, соврешь, скажешь нет, обидишь.

– Я хочу кое-что тебе рассказать. Про себя, про Гранда. Но если в машине ты меня удавишь, то в кафе навряд ли. Идем?

(Alaina Cross – World of Madness)

Он просчитался в ней – правду она восприняла спокойно. Как привыкший к пулям телохранитель королевы, как бронебойный следователь. А ведь Люк признался, что он друг Гранда, что вчера просто прикрыл товарища. А после поведал и остальное, включая историю про Дверь. И, слушая ее, собеседница принялась хмурить брови. Она, к слову говоря, с аппетитом уплетала десерт из сливок с клубникой, который Коган для нее заказал. Ела, не останавливаясь, не

жеманничая, облизывала ложку, скребла по стенкам. Вычистила стаканчик до того состояния, которое считается «неприличным».

– Заказать еще?

Он как раз закончил рассказ.

Женщина напротив мотнула головой.

– Значит, Гранд озабочен этой дверью и собственным прошлым?

Наверное, не стоило рассказывать ей про Сару и чужие душевные раны, но Коган счел, что они оба в данном случае – заинтересованные лица.

– Идея неудачная, согласен.

– Дело не в ее удачности, а в том, каковы у него шансы на самом деле ее отыскать.

– Я не знаю. Никто не знает.

– Если найдет, Джулиана останется с разбитым сердцем.

Коган вдруг понял, почему Люси участвует в математических турнирах. Что-то бритвенно острое скрывалось в ее логике, в ее умении воспринимать факты, вычленять нужное. Некая деловитая хватка и отстраненность.

Наверное, она многие из этих турниров выигрывает, подумал Люк автоматически. Вслух произнес:

– Гранд и сам с ним останется – здесь или в прошлом. А ведь все, что им требуется, я уверен, это еще одна встреча. Которая прочистит им мозги и объединит. Потому что Джулиана...

«Что? Джулиана?»

Лицо Люси приобрело вдруг злое выражение – мол, давай, объяви мне войну словом «красивая» или «хорошая».

– ... подходит Гранду, – мягко продолжил Люк. – Я видел, что он залип, видел, как он на нее смотрел.

Красный сигнал «военное положение!» в глазах собеседницы сменился сначала желтой «тревогой», после зеленым «спокойствием».

– Проблема лишь в том, что Джулиана теперь ни за какие коврижки не сунется на базу. А Гранд, как я понимаю, не собирается в город.

Коган помолчал. Они оба знали – время работает не за объединение их друзей, скорее, ширит между ними пропасть.

– А им сейчас очень нужна еще одна встреча. И ситуация, которая бы их сплотила...

– Ты такую можешь представить?

Люси буравила Когана взглядом, а тот молча поджимал губы. После сознался:

– Есть у меня одна идея. Безумная.

– Безумная или рабочая? Есть разница.

Она точно ему нравилась, эта женщина-танк. Упорная, настойчивая и деловитая. Никогда раньше Люк не вмешивался в жизнь друзей, но за Гранда переживал. А Люси любила Джулиану – он видел. Как человека, как подругу.

– Рабочая. И безумная. Одно другому не мешает. Но, если я ее озвучу, ты сочтешь меня...

– Гением?

Он хотел сказать «идиотом». Но «гений» ему нравился больше.

– Давай, не тяни уже. Я и так полдня на работе пропустила.

Коган наклонился вперед. Люси, чтобы слышать лучше, подалась навстречу тоже – конспираторы.

– Слушай...

И он впервые ощутил, что у нее приятные, очень женственные, совершенно неподходящие образу «бронетранспортера» духи.

(Kloud – Anxiety)

Джулиана

Любой тяжелый день должен заканчиваться расслаблением. Чем-то приятным: горячей ванной, бокалом вина, чтением книги или же просто амебным лежанием на мягкой подушке и покрывале. Так я считала. Но мой тяжелый день, когда Люси взяла отгул, когда я отсидела задницу в кабинете и когда все плыло перед моими глазами от бесконечного подписания бумаг, закончился из ряда вон плохо – найденным под дверью письмом.

Я бы не так сильно расстроилась, если бы в конверте оказался счет на оплату или оповещение из банка о том, что я не погасила какой-нибудь кредит (хотя я никогда их не брала) – да что угодно, черт

возьми! – но только не то, что в нем на самом деле лежало. Лист с печатным текстом.

«У вас ровно двадцать четыре часа на то, чтобы выяснить точные координаты Двери, находящейся в тренировочном лагере Эрдесона. Вы уже там были. Нам нужно знать точное местоположение временного Портала. Мы свяжемся с вами завтра в семь. Если к тому времени вам нечего будет нам ответить, начнут страдать ваши близкие».

И теперь во мне клокотала смесь страха, бешенства и ярости. С чего я должна вдруг ехать обратно и что-то выяснять?

– Мы поругались! Вы, мудаки! Поругались! – взвизгнула я в пустой комнате. – С чего вдруг он выдаст мне какие-то секретные данные?

«Вы уже там были...»

Черт, это шутка? Розыгрыш? Или в этой чертовой двери заинтересованы конкуренты Гранда? Левые люди? Бандиты, наконец? Кто-то следил за мной, узнал, что Эрдесон допустил меня близко, решил, что этот факт можно выгодно использовать?

Я ничего не собиралась делать. Бред! Бумагу сжечь, проораться, выкинуть пепел в мусоропровод!

«И завтра сидеть дома, бояться, не казать носа наружу». Потому что, даже если шутка – страшно. А если не шутка, то и вовсе накрывала нежеланная паника.

Что за идиотизм?

Я носилась по дому с такой скоростью, будто в меня вставили новые батарейки. Что за временной Портал? Почему я?! Что за дерьмовый конец дерьмового дня?

Напиться...

«Начнут страдать ваши близкие...»

А кто мне близкий? Мгновенно подумалось о Люси. Что, если от моего бездействия завтра она еще будет смеяться, а послезавтра уже не выйдет на работу? Перестанет отвечать на звонки... Что, если я получу видео, где у нее разбито лицо...

Иногда собственное воображение – худший враг. Я сжала кулаки и издала такой ор-рык, что у соседей, наверное, попадали со стен картины. Ярость и бессилие, бессилие и ярость. Противно было другое – сомнение в том, что это, увы, не шутка, уже проникло в меня

ядом, и теперь со скоростью света распространялось по венам, опутывая мозг.

– Это не мои проблемы, – твердила я себе под нос, неспособная перестать выхаживать по квартире. – Не мои... Не мои!

Но они вдруг стали моими. У меня не так много близких людей, но и одного хватит, чтобы кровь стыла в жилах от дурацких предположений.

– Чертов Гранд... Чертова дверь... Я-то тут при чем?!

Я вообще хотела его забыть. Хотела просто начать жить, занырнуть в работу, вспомнить, что я Джулиана, что все умею сама, что мне никто не нужен. Да, на это требовалось время, но у меня бы получилось, а тут...

– Я туда не поеду... Не поеду! И ничего не буду выяснять!

Дверцу бара я открыла трясущимися руками. Достала бутылку вина, выдернула многоразовую пробку, сняла с полки бокал. Стояла с ними долго – бутылка в одной руке, бокал в другой, – после поставила все обратно. Прошагала к тумбе, схватилась за телефон.

– Черт, как их набирают? – бубнила себе под нос. Информаторов.

Да, я просто собиралась заплатить за этот ответ, если уж бандиты не додумались. Обеднею тысяч на пять, может быть, на десять – иногда спокойствие того стоит.

Но, увы, мне не ответили. Просто тишина, отсутствие гудков, отсутствие слов, хотя сочетание символов для вызова невидимой справочной я когда-то записала в блокноте верно. По крайней мере, я была в этом уверена. Люси говорила, что все просто – звезда, решетка, вызов... Но пароль не работал. Вообще. Или только для меня.

Бешенство не проходило. Страх тоже. И нет, я не собиралась с этим жить. Хотелось выпить, но вместо этого я принялась набирать другой номер – телефон проката машин.

– Да, нужен внедорожник... Сейчас... С водителем... – Я не собиралась опять рулить по этой ужасной дороге самостоятельно, тем более, в таком состоянии. – Да, я знаю, что с водителем дороже. Дайте мне самого опытного...

Положив трубку, я выдохнула.

Не хотела его видеть? Меня никто не спрашивал. Но, если уж все эти проблемы случились из-за Гранда, пусть он сам их и разруливает!

(Brand X Music – A Grand Plan)

Я пыталась дышать спокойно, как учили медиумы – вдох, выдох, вдох, выдох. Все будет хорошо, все будет...

Джип был темно-синим; водитель попался неразговорчивый. Молодой парень с широким лицом и угрюмым взглядом. Наверное, этот вечер ему, как и мне, хотелось провести дома, а не нестись за тридевять земель в ночь неизвестно куда. Дорога дальняя и сложная. Молчало радио; пакет с теплыми вещами лежал на сиденье – скоро они понадобятся.

«Ничто и никто не заставит меня снова сунуться на базу». Я искренне полагала, что это так, но одно письмо (возможно, чья-то злая шутка), и опять смотрю на несущиеся по обочинам поля. Там, наверное, новобранцы и уставший как собака Гранд. Он скажет мне, что я не вовремя, что мне лучше уехать, но сегодня я не женщина, а боеголовка с прикуренным запалом, и Эрдесону придется меня выслушать.

Лучше бы я никогда с ним не встречалась.

Молчал и совсем не смотрел в зеркало заднего вида мрачный водитель.

Тревожно ныло сердце.

Сказалась усталость и напряженные нервы – я уснула. Когда проснулась в первый раз, поля за окном уже были заснеженными, во второй – по сторонам высился лес. Сон слетел окончательно, когда машина с шоссе повернула на узкую колею; мелькнул знак «Частная собственность». Далее бесконечные ухабы.

У закрытых ворот – давно стемнело, одиннадцатый час, – взбрыкнул Костич, мол, не велено. Пришлось ему соврать, что у меня важные вести для хозяина. Сторож отпер лишь потому, что вспомнил меня.

После взбрыкнул водитель. У домика, где мы когда-то с Грандом грелись, сказал: «Дальше не повезу, приехали!» Согласился

проследовать до коттеджа лишь после фразы: «Здесь около километра. Плачу три сотни...»

Удивительно, но проплывшие мимо бараки были темными и безжизненными – новички не заехали или давно спят? Все та же первобытная тишина леса, ничего не изменилось. Запертая столовая, нигде ни огонька, ни шороха. Парень за рулем полагал, что я сумасшедшая.

Хотя ему стало все равно, когда у коттеджа я вышла, когда протянула обещанные купюры.

Быстро закрылось окно – воздух в салоне был теплым, вокруг ледяным. Арендованная машина ушла на разворот, скоро напоминанием о ней станет лишь рассеивающийся запах выхлопа и отпечатки протекторов.

Хорошо, что в окне второго этажа горел свет. Еще один темный оконный проем стал бы этому вечеру приговором.

Гранд

Он знал, что пить не стоило, что он и алкоголь никогда не были друзьями. И вот уже почти сутки мучился головной болью. Видел, что Коган привез продукты, но аппетит не шел. Ломило виски – только вода, одна вода...

Уже собирался спать, когда услышал звук подъезжающей машины – *кто бы это мог быть?* Люк? Кажется, Гранд пропустил около десятка его звонков. Хлопнула дверца машины, мотор заурчал громче – *автомобиль уезжал? А кто тогда вышел?* Одни загадки...

Спустя несколько секунд стук в дверь. Наглый, надменный и очень торопливый. Один раз, второй... После без остановки.

– Кого, черт возьми, принесло в ночь? – ругался Гранд, спускаясь. Ему опять хотелось пить, а потом завалиться в постель, чтобы к утру надоевшая боль, наконец, отпустила. Нет, с алкоголем он завязал – не его метод. Слишком высокая плата за кроху расслабления. Да и была ли она, эта кроха?

А за дверью – Эрдесон впервые подумал, что у него галлюцинации, – стояла Джулиана.

Напряженная и раздраженная, как бешеная фурия; на Гранда дохнуло морозом.

– Ты?

Какого черта, хотел спросить он, ты тут делаешь, но не успел, потому что в лицо ему полетел первый словесный плевок.

– Это все из-за тебя, – прошипела гостья, – из-за тебя, понял?

Гранд моргнул. Он ничего не понял.

Наверное, он пригласил бы ее внутрь, потому что ночь, потому что уехать ей отсюда в столь поздний час все равно не получится (сам бы он за руль в таком состоянии не сел), потому что не желал отморозить собственные уши, но не успел вставить ни слова.

– Ты ее нашел, эту чертову Дверь? Нашел? Отвечай!

На него напирала танком. В глазах гром, молния, целый торнадо.

Да что, черт возьми, он сделал? При чем здесь Дверь?

– А я должен был ее найти? – он против воли начинал злиться сам. – И нет, не нашел. Послушай, какого рожна...

– Какого? Это из-за тебя и твоей гребаной Двери меня теперь шантажируют...

Ее слова казались ему бредом. Еще эти ноющие виски – с приходом гостьи и ее неожиданными наездами в них стал бить молот.

– Женщина, ты уже получила с меня «шерсти клок». Что еще тебе нужно?

– Да подавись ты своей «шерстью»! Меня теперь шантажируют из-за этого твоего дурацкого Портала, ты можешь это понять?

– Кто шантажирует?

– Я не знаю!

– А что должен знать я?

– Это все из-за тебя, ты и придумывай, что делать!

У Гранда от ярости свело челюсти.

– Хотела меня увидеть, могла бы придумать нормальный повод, а не эту...

Он чуть не сказал «гребаную ерунду».

– Придумала?! Я придумала? Ты обязан мне помочь теперь, понял?

В его грудь ударились женские кулаки; отчаяние, страх, возмущение – вот что он видел в ее глазах. И кулаки вроде маленькие, а колотили его ощутимо.

– Прекрати истерику! – Менее всего Гранд ожидал увидеть на пороге Джулиану, но еще меньше в таком странном состоянии. – Да что с тобой происходит?!

– Что... со мной...

Она вдруг изменилась лицом, и, черт, он понял, что сейчас будут слезы, но пересилил протест, и из гостыи вырвался новый отчаянный крик:

– Это все ты! Ты! Понял?!

– Да, что я-то?!

– А вот это!

И в лицо ему полетел смятый шарик из бумаги.

– Ты будешь мне помогать? Будешь или нет?!

Когда тебе в лицо что-то швыряют, помогать не хочется.

– Успокойся для начала!

– Значит, не будешь... – гостыя вдруг отступила на шаг, скривилась в преддверии наступающего водопада из слез. – Я знала, что зря приехала, знала...

Джулиана разом потеряла голос и запал.

«Валяться в ногах и умолять не буду!» – вот что читалось в ее глазах. Оставшийся знак негодования в пучине безнадеги.

– Зайди в дом!

Наверное, он сказал это слишком зло, потому что был измотан, потому что устал – бессмысленные обвинения не добавили Гранду хорошего настроения.

Но она ничего не ответила, странно-потерянная, спекшаяся изнутри в олово, развернулась и спустилась с крыльца, зашагала по дороге прочь от коттеджа.

Куда, дура? Куда на ночь глядя?!

Он хотел сказать что-то еще – то ли позвать снова, то ли выругаться, но вдруг понял, что замерз стоять босым и в домашней одежде, и потому с рыком и грохотом захлопнул входную дверь.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы привести себя в норму. Помогло умывание холодной водой и принятая таблетка. А после

взгляд наткнулся на валяющийся на полу бумажный шарик – тот самый, который ему швырнули в лицо.

«У вас ровно двадцать четыре часа... Нам нужно знать... Мы свяжемся завтра... Если нет, начнут страдать...»

И все сложилось вдруг в голове, будто навели на размытую до того картинку резкость.

Дерьмо... Если это шутка, он придушит шутника, если нет, создатель этого листа протопчет сырую землю его Леса недолго.

Значит, Джулиана злилась не просто так. И она не врала, не выдумывала повод для визита, черт...

Гранд принялся быстро одеваться. Куртка, шапка, ботинки; входную дверь он запер за замок, вдохнул стылый ночной воздух, выдохнул клуб пара – куда она отправилась?

Следы от женских сапог вели туда же, куда и отпечатки протекторов незнакомой машины – к баракам. Гранд сначала двинул пешком, даже зажег фонарь, после чертыхнулся, достал брелок от джипа, нажал на кнопку.

Она нашлась в той же избушке, куда он привез ее когда-то без одного угги. Стояла у окна потерянная – отыскала ключ от входной двери под ковриком (он всегда его там оставлял), но не смогла разжечь печь. Несколько брошенных поверх друг друга полен, чадящая под ними бумага. Точно, он ведь хотел довести спички, а то в коробке оставалась одна. Ее Джулиане хватило только на то, чтобы подпалить край бумаги, который через пару секунд погас; Гранд знал, что растопка – процесс непростой и кропотливый, и неуверенные женские руки с единственной спичкой огонь не добудут. Здесь было почти так же холодно, как и снаружи.

– Я... прочитал, – произнес Гранд тихо.

А в ответ послышалось:

– Лучше бы я вообще не встречала тебя... на той дороге.

Джулиана.

(Luke Howard – In Metaphor, Solace)

– Я тебя ненавижу...

А он обнимал. Держал, как тогда, просто держал, просто молчал. И не было сил сопротивляться. Когда ты настолько вымотан и устал, позволишь себя обнимать даже врагу, хотя какие мы враги.

– Ненавижу, – шептала иступленно. За все тот же знакомый, кружащий голову запах, за ощущение спокойствия, что неизменно рождалось в его объятье, за то, что оно не продлится вечно. За то, что когда-то отпустил, не сказал нужных слов, не приехал, черт его дери, сам.

– Я с этим разберусь, – произнес Гранд тихо, – я все разрулю.

А я ненавидела его даже за правильные слова, единственно верные, которые я, приехав сюда, желала услышать.

– Тебе нужно отдохнуть, поспать. Поехали.

Я всегда шла за ним, как на поводке. Только в этот раз с открытыми глазами, уже без иллюзий. Спать – это просто спать. Пусть разрулит то, что в записке, остальное разрулится само. Когда размыкались его пальцы, всегда становилось холодно.

В машине на зеркале снова качался похожий на пузырек с духами ароматизатор; салон машины даже не прогрелся – Гранд отыскал меня быстро.

Глядя на темные стволы и рисунок из причудливого переплетения ветвей, я думала о том, что выберу себе самую отдаленную спальню, если таковая в доме имеется. Крохотную, где-нибудь на втором этаже. С узкой кроватью и дверью, которую перед тем как коснуться головой подушки, запру на замок.

(JES, Oliver Smith – Don't Let It End Chill Mix)

Коган

В его квартире всегда было слишком чисто. Всё на своих местах, все знакомо. Люку казалось, что большинством предметов, сложенных в ящики, шкафы и кладовки, он вообще никогда с момента переезда не пользовался. Максимум двумя полотенцами, одной тарелкой-ложкой-кружкой, которую после трапезы мыл. И еще стиральной машинкой.

Уныло. Как-то раз он специально навел беспорядок, чтобы окружение начало отличаться от привычного, но уже через час разложил все обратно по местам, потому как искусственный хаос ощутится ему собственноручно перепутанными внутренними органами. Дурацкое чувство.

Этот вечер, однако, был иным. Во-первых, потому что в двенадцать ночи Коган все не спал, а неторопливо пил из бокала красное вино. Бокала, на поиск которого в собственной квартире он потратил почти десять минут. Во-вторых, сегодня экран его телефона то и дело зажигался от полученных смс.

«Что-то я беспокоюсь...»

От Люси.

На это сообщение Люк не ответил, не придумал, что именно.

А через минуту:

«Дурацкая это была идея... Зря я сказала тебе адрес Джулианы, зря согласилась в этом участвовать».

Люк улыбнулся. Положил телефон перед собой, напечатал:

«Я не говорил, что моя идея хорошая. Я сказал, что она рабочая».

Отправил.

Три минуты тишины.

«Я ей позвоню...»

«Не вздумай!»

«Я беспокоюсь...»

«Она уже там. Мой человек сообщил, что она отбыла на арендованной машине в сторону базы».

«Я должна ей обо всем рассказать...»

«И этим ты все испортишь. Сейчас у них есть шанс побыть вдвоем. Позвонишь – все испортишь».

«Ты этого не знаешь...»

«Знаю».

Он знал. Коган всегда этим отличался – странным для человека складом ума. Он прекрасно анализировал, просчитывал шаги и последствия, делал ход, если был уверен в результате, как сейчас. Прежде чем претворить идею с письмом в жизнь, Люк сложил в голове все известные ему самому особенности характера Джулианы с теми, о которых выспросил у Люси, и «выстрелил». Да, ей будет страшно и очень неприятно, будет стресс, но результат окажется «тем самым».

Да, Гранд впоследствии сломает ему челюсть или ребра – Коган был готов. Идея стоила «шероховатостей» – именно этим словом он называл промежуточные результаты в виде сильных эмоций.

Он рисковал, сколько себя помнил. Потому что знал, как, потому что умел.

Впервые сделал это с собственной квартирой, доставшейся ему от Комиссии при переходе на Уровень – отдал ее банку в счет получения кредита, все деньги которого вложил в акции начинающей компании. Трое суток жил на улице – как сейчас помнил и холод, и голод, и неудобства, – а после нужная ему рыночная кривая пошла вверх, и Люк приобрел шикарные апартаменты. И неважно, что он один в них до сих блуждал, как в лесу, главное, что он оказался прав.

Дважды его увольняли за «превышение полномочий» с должности финансового директора, когда Коган неожиданно решал вбухать все активы компании в сомнительный трейдинг. Узнав об этом, сидели и владельцы, и инвесторы, грозили ему скорым «гробом», а после, когда капитал компании увеличивался в десять-пятнадцать раз, слали письменные извинения, гонорар и приглашения вернуться на работу. О деньгах Люк забывал быстро, приглашения с чистым сердцем рвал на кусочки. Риск – дело благородное, когда понимаешь на что и зачем идешь. В случае с Грандом Коган понимал. Найдись эта дрянная Дверь завтра, и случится то, что в физике называлось «точкой невозврата». Даже самый сильный математик не сможет просчитать пространственно-временные континуумы, когда это касается порталов Комиссии. Шаг в неизвестность: один останется с разбитым сердцем там, вторая здесь. Печальная Джулиана – печальная Люси. А Люси ему хотелось видеть довольной. Кстати, ее он почему-то, несмотря на предсказуемое поведение этим вечером, не мог просчитать.

Умная, неординарная, непредсказуемая.

Давно нужно было идти спать, но Коган все сидел, ощущая странное – он ждет, когда снова загорится экран. Любых сообщений, любого ее проявления.

И когда экран зажегся, Люк улыбнулся. Прочитал:

«Она меня уволит, когда узнает...»

Он знал, что Люси боится не увольнения, а охромевшей дружбы.

«Я возьму удар на себя. Ты ведь ни о чем не знаешь, так?»

«Я знаю. И никогда ни за кем не прячусь!»

Что-то в ней было, в этой несуразной женщине с непропорциональными чертами лица.

Еще несколько минут тишины. Несколько отпитых из бокала глотков.

Когда экран больше не зажегся, Люк напечатал сам:

«Спокойной ночи».

Думал, не ответит. Умылся, почистил зубы, лег в постель и выключил свет, когда пришел один-единственный символ. Ярко-желтой звезды.

– И тебе хороших снов, – потянул зевая.

Глава 11

(Egzod, Neoni, Arc North – The Revolution Arc North Remix)

Джулиана

Еще до моего пробуждения Гранд приготовил завтрак. Нехитрый, но сытный: яйца с ветчиной, сырная нарезка, хлеб, кофе, пиала с джемом.

– Как спалось?

Спалось тревожно. Плюс ко всему у меня отсутствовала сменная одежда. Из косметики только тушь; хорошо, что в сумочке всегда лежала расческа.

Вместо ответа, я лишь кивнула, придвинула к себе кружку. Мне было сложно смотреть на Гранда – все тот же шикарный разворот плеч и что-то в лице настолько мужественное, что забывались причины приезда сюда и ежесекундно росло нежелание уезжать. Все как всегда. Рядом с ним мое тело и разум начинали жить независимой от моих желаний жизнью, логика путалась, множился раздрай. Смотреть сложно, но молчать – не вариант.

– А ты разве не занят с новобранцами?

– Как видишь.

Я чувствовала на себе его взгляд – тяжелый, мужской.

– Кто-то заменяет тебя на занятиях?

– Занятий нет. Я отменил заезд.

Я не удержалась, посмотрела на человека, занимающегося приготовлением второй чашки кофе.

– Почему?

Не мое дело, но интересно.

– Были причины.

У него был красивым даже затылок, а там, где шея переходила в невероятного размера мускулистую спину – зрелище, от которого взгляд не оторвать.

Яичница оказалась чуть пресной, но готовили ее с заботой.

– Я все хотел тебя спросить... – Гранд смотрел тяжело и чуть с насмешкой. – Мои деньги пришлись не ко двору?

Я сумела сохранить непроницаемое выражение лица.

– Не ко двору.

Конечно, он знал об отбитом транше.

– Почему? Я полагал, ты желаешь развивать свою компанию и поэтому упомянула про Букинса.

Врать не имело смысла.

– Я упомянула про Букинса, чтобы тебя позлить.

– У тебя получилось.

Именно поэтому я теперь не любила смотреть ему в глаза, в них всегда тлел этот веселый дьявольский огонек, очень сексуальный. Как будто существовал отдельный Гранд – Гранд с характером, принципами, рассудительный, – и эта его часть, которая всегда думала только о сексе. Часть, излучающая невероятную притягательность и пагубно влияющая на мой мыслительный процесс. Моя собственная сексуальность откликалась на этот тлеющий огонек неизменно, забывала о том, что за кадром существует другая Джулиана (большая ее, между прочим, часть!), и желала беспрестанно залипать в магнетизме.

Пришлось быстро прервать зрительный контакт, вернуться к завтраку.

– Давай к делу. – Гранд поставил на стол свою чашку кофе, стал собранным, прохладным. Положил рядом с чашкой карту местности. – Когда с тобой сегодня свяжутся, ты сообщишь, что готова встретиться для передачи данных по указанным координатам. Через час после звонка.

– А если шантажист в городе? Он просто не успеет...

– Не твоя забота. Будь я шантажистом, держал бы тебя на виду все время и старался бы быть поближе к Двери.

– Почему?

– Потому что. Неизвестно, как быстро ты расскажешь владельцу базы, то есть мне, о происходящем, и не решу ли я выставить оцепление. Получил координаты Двери – сразу двинул к ней. Если ответят отказом, скажешь, что это единственно приемлемый для тебя вариант. Без торга.

– Разве я могу ставить условия?

– Можешь. У него вопрос, у тебя ответ.

– Ладно, хорошо. – Ему виднее. – А после... я должна буду пойти туда? В качестве наживки?

– Я, конечно, злюсь на тебя периодически, – в изгибе губ Гранда угадывалась затаенная улыбка, которую не смог бы уловить объектив фотоаппарата, но которую сумела бы ощутить женщина, – но наживка – это слишком. Туда пойду я.

– Один? – А что, если...

– Не один. Но тебя не должно это сейчас волновать. Главное, запиши вот эти координаты, выучи их, если хочешь.

Его палец постучал по проплешине между деревьев на карте.

– Что это за место?

– Подходящая поляна.

– Подходящая?

«Для прострела». Хорошая видимость. Он не ответил, но я все поняла сама, и почему-то сделалось муторно. Одно дело смотреть фильм, в котором стреляют, другое – быть даже косвенным его участником.

– Да, и из этого дома ты сегодня не выходишь. В целях безопасности. Еда в холодильнике, вода в бутылках в углу. Книг тоже хватает.

Мне показалось, или в последней фразе прозвучал скрытый отсыл к одной известной нам обоим сцене из прошлого?!

Отвечать я не стала, сделала вид, что остывшая яичница – самое интересное, что существует на Уровнях.

(Ziggy Sullivin, Amadeus Indetzki – Come Back Harder)

Он ушел куда-то вниз – в открытую дверь, по лестнице, ведущую в подвал. А я всего лишь хотела спросить, могу ли позвонить Люси – мало ли, может, звонки по неизвестной мне причине под запретом, ведь я не специалист.

И услышала, как Гранд кому-то отвечает по телефону:

– Да, пришли человек пять своих солдат. И двух снайперов. – Пауза. – Не знаю, насколько все серьезно, лучше перестраховаться.

Еще мгновение тишины.

– ...вертушку посади на дальнем аэродроме, я ребят встречу, распределю по позициям сам. Место нашел.

Ощущение заварушки, в которой я не хочу участвовать, усилилось до критической отметки. Еще меньше мне хотелось, чтобы в ней участвовал Гранд. Я шагнула в комнату тогда, когда он положил телефон, отключив звонок. Здесь, оказывается, был склад боеприпасов – висящие на стенах пистолеты, автоматы, базуки... Один из этих пистолетов Гранд сейчас держал в руке, при виде меня он заткнул его за пояс.

– Мне... страшно...

Наверху можно было притворяться, вести беседы на отвлеченные темы, но в этом подвале правда оголялась, как скелет после кислоты – этим вечером может случиться неприятное.

– Не бойся, – то самый мягкий ответ, когда глядят под кожей.

Забылось, зачем я пришла. Гранд с пистолетом выглядел вовсе уж монолитным, завершенным, сдержанно агрессивным. Его чертова сексуальность усилилась, кажется, в разы.

– Я не хочу, чтобы ты туда ходил...

– Кто-то должен. – Он подошел ко мне близко, ближе, чем допускали правила приличия между «просто знакомыми». – Беспокоишься за меня?

Я беспокоилась.

– Меня это заводит, Джулиана.

– Только идиота может это заводить.

– Грязный рот, грязный язычок. Знаешь, его очень приятно затыкать двумя способами.

Слишком близко; в дело, руша сопротивление, уже вступил аромат его туалетной воды, запах кожи, чистой майки, тепло горячего тела. Дерьмо!

– Даже не думай...

Мы оба знали, о чем я – о его прекрасном толстом члене. Однажды ладонь, опустившаяся на мою макушку, поставила меня в примерочной на колени – тогда было вкусно.

Гранд смотрел проницательно. И нет, он не собирался затыкать мне рот членом, не сейчас. А вот поцелуем...

Касание подушечкой пальцев моей щеки, касание губ. Это был очень медленный и не очень глубокий поцелуй – проба на вкус давно

забытого десерта. Та самая первая ложка, которую смакуют особенно долго и неспешно. Я с крахом осознавала простую истину, если Гранд сейчас усилит напор хотя бы чуть-чуть, я запалюсь, как фитиль. И уже без обратного хода тело будет рваться вперед под крики погибающей логики, ноги разойдутся в стороны сами собой, между ними станет жарко еще до того, как подстыкуется, как шаттл, второе тело, до того, как войдут в предназначенные для этого пазы все детали...

– Можешь получить мою оболочку...

«Но не душу».

– Не дерзи мне. Я быстро возбуждаюсь.

Гранд держал в капкане долго. Просто смотрел, больше не подавался вперед, не касался. Я чувствовала, кажется, каждую его мышцу, температуру бегущей по венам крови, грубую ткань джинсов и прохладу заткнутого за пояс пистолета.

– Зачем ты сюда пришла?

Контраст этой комнаты, ее жесткого холода со мной горячей и мягкой, действовал на мужской характер неадекватно.

– Хотела спросить, могу ли позвонить Люси?

– Позвони. Не говори лишнего.

– Хорошо.

Капкан разомкнулся.

По лестнице я поднималась в ненависти к себе за то, что мне всегда хочется идти к Гранду, а не от него. Беда. Ее просто нужно пережить. Вечером или завтра утром я уеду, а там очередное «все». Не нужно усложнять.

Люси впервые ответила комкано. Не задала, как обычно, тысячу проясняющих вопросов, не наехала бульдозером, мол, ты где, и все ли в порядке. Сообщила только: да, справлюсь, все будет хорошо. И отключилась.

Удивленная я долго смотрела на трубку в руке. Может, у нее что-то случилось? Ладно, кажется, случилось у нас обеих, детали выясню по возвращении. И так, у меня впереди часы тревожного ожидания, чем их занять?

Какое-то время я осматривала гостиную второго этажа, поняла, что книги любого содержания читать все равно не смогу, а вот

созерцать заснеженный пейзаж, сидя в плетеном кресле, вполне. Тем более в нем нашелся уютный коричневый плед.

(Yulia Monastyrenko – Sculpture)

Гранд

Она застыла в кресле, смотрела в окно, а Гранд сидел на диване у стены. Наверное, Джулиана слышала, как он поднялся, как затих где-то позади нее, но не повернулась. Такая стойкая и такая уязвимая, чем-то очень похожая на него самого. Женщина, которая никогда не признается в том, насколько ей плохо, которая не будет об этом плакать, а сохранит это через работу-вечеринки-разговоры-с-подругами в тайне. Такая будет носить все ценное и все печальное с собой, прикроет это профессиональным слоем косметики, новыми вещами из магазина и укладкой, и никому-никому свою печаль не покажет. Так будет, когда... если он пройдет в ту Дверь.

Гранд сравнивал в воображении два кадра: найденный, наконец, Портал и тот, который сейчас находился перед глазами – сидящую в кресле, как застывшее изваяние, Джулиану.

Эта Дверь... Все это время он стремился попасть в прошлое, чтобы заново обрести себя – того себя, чья интуиция исправно работала, ладно и вовремя подсказывала верное направление, шептала на ухо нужное.

Он уйдет... Она останется. Быть может, там он встретит ее снова, но здесь... Все сложно – ни просчитать, ни понять и ни представить. Она не будет его винить, она ни слова ему не скажет, отпустит опять, потому что настоящая любовь не держит, потому что...

Гранд все смотрел на тонкий профиль, абрис скулы, кончик носа, на ноги, закутанные в плед – этот плед, когда оформлял помещение, принес дизайнер, сам Гранд им никогда не пользовался. А ей шло это одеялко, как птенцу, прячущемуся от холода.

Она его уже отпустила. Делала это прямо сейчас. Пыталась не смотреть, не чувствовать притяжения, не испытывать бури чувств.

Дверь... Джулиана... Дверь... Джул...

Картинка Портала вдруг перестала быть привлекательной. Гранд вдруг вообще перестал понимать, зачем ему переступить порог, когда та самая интуиция, которую он все это время искал, говорит с ним прямо сейчас? Ощущением грядущей потери, чувством «не отдам», чувством почти совершенной ошибки. Внутри перемешивались кубики.

Да, он все это время искал путь назад, но более не ощущает его привлекательным. А вот ее хрупкость, ее внешнюю стойкость, ее губы, ее желание съязвить даже напоследок и сквозь слезы. Сегодня он вернется к ней и останется. Не потому, что нужен ей, а потому что ему нужна она.

И вдруг непривычно легко, просто стало внутри, как не было давно. Разъехались в сторону нагроможденные в его внутреннем помещении ящики, стало светло и просторно, стало убрано и правильно. Ведь все же на самом деле просто, очень просто...

– Джулиана... – позвал он быстрее, чем успел подумать.

Она легко оттолкнулась ногой и повернулась вместе с подвешенным креслом-качалкой, взглянула вопросительно.

– Ты любишь меня?

И мелькнувшие в ее глазах удивление, ранимость и уязвимость сказали ему больше, чем любые слова. И пусть сразу после стена – непрочная, тонкая, призванная скрыть истину, – но Гранд уже увидел необходимое.

– Да? – он поднялся, направился к ней, зная, что ему не ответят. Или не то. Все ближе, ближе. Присел перед ней на корточки, положил на обнятые пледом колени свои руки.

– Ты сам сказал – эта тема... лишняя.

А Гранд смотрел сквозь зрачки туда, где билось ее горячее сердце. Почему он раньше не понимал, насколько все просто? Она не Сара, она другая, их вообще нельзя сравнивать.

– Я жалею, что так сказал тогда.

Стена в ее глазах из бумаги, такую легко пробить.

Кажется, впервые с давних пор он вновь испытывал эту легкость, этот полет, ощущал, как расправились невидимые крылья. Он не помнил этого чувства давно, не помнил его ни с Сарой, ни с кем другим. Быть может вскользь, еще до Уровней...

– А знаешь, кто бы ни прислал эту записку, он сделал это очень вовремя.

– Почему?

У нее были шикарные духи, очень тонкие, нежные и чуть-чуть дерзкие.

– Это как раз ответ на вопрос, почему здесь нет новобранцев. Я не стал их звать, потому что сам искал временной Портал.

– Он... все-таки... временной?

– Так говорят те, кто о нем знает. Ведет на год назад.

Она молчала. Смотрела тревожно, пронизательно.

– Ты хотел в него шагнуть, да?

Как вышло, что самое важное встало в нем на свои места только сейчас? Просто щелкнуло, просто сместились пазлы, и обняло спокойствием.

– Хотел вернуться, чтобы все исправить еще до измены? Чтобы быть со своей бывшей?

Он не отвечал, и Джулиана злилась. Она умела додумывать, умела быстро вспыхивать – ему нравилось даже это.

– Ничего, у тебя еще будет шанс, когда устранишь конкурентов. Отыщешь эту свою Дверь, воссоединишься...

Ей хотелось отвернуться, но не позволяли лежащие на ее коленях руки.

– Я отыщу эту Дверь, да. И я только что решил, что сделаю, когда это случится...

Он подаст прошение в Комиссию о демонтаже. И попросит, если это возможно, оповестить всех заинтересованных в поиске, что временного Портала больше не существует. Они могучие, они смогут.

– Что?

Она все еще ждала ответа, он был ей важен, этот чертов ответ, но в его кармане зазвонил телефон. Опускалась на дальнем аэродроме вертушка.

– Скоро буду, – коротко ответил Гранд. Поднялся, погладил Джулиану по щеке.

Все из-за нее, да. Сначала его запутанность, теперь его же легкость. А в глазах напротив застывшая тревога, ожидание, страх.

– Все будет хорошо, – шепнул он, и, провожаемый взглядом, как ниткой, отправился на выход.

(Secession Studios – Be Bold And Be Brave)

Ей позвонили, как и обещали, даже раньше. И да, шантажист согласился встретиться на поляне. Значит, Гранд был прав, и этот урод ошивался где-то рядом.

Вечерело; лес мерк, будто медленно гасили свет. Синеватыми казались стволы; скрипел под ногами снег, периодически трещал помехами, а после речью, воткнутый в ухо наушник.

– Первый. Все чисто.

– Второй. На поляне движения нет.

Снайперы давно на местах, наблюдают за точкой. Эрдесон двигался вперед, держа пистолет наготове. Осматривался по сторонам, автоматически отслеживал наличие следов на подтаявшем насте, прислушивался. И думал о ней, хоть обещал себе на сторонние темы не отвлекаться. О Джулиане... Тогда, в их прошлую встречу, она давила на него, и внутри против воли срабатывали защитные фильтры, корежился прежний опыт, не давал спокойно мыслить и дышать. В этот раз она не просила ничего. Не давила, не требовала, сама желала поскорее уехать, и Гранд прозрел. Оказывается, все это время он греб против течения (а как еще назвать титаническое желание попасть из настоящего в прошлое?). Желал обернуть время вспять, а время говорило ему – брось, двигайся вперед, просто шагай, просто живи!.. Почему-то все это он понял только сегодня.

Как легко, однако, не держаться за багаж, отпустить натершую пальцы ручку, оставить позади. И снова жить.

– Чисто? – спросил Эрдесон, жалея, что в лесу темнеет слишком рано.

В ответ тишина. Спустя секунду ответ:

– Это второй. Вижу движение...

Первый:

– Тоже засек.

– Один человек? Двое? Сколько?

Гранд напрягся. Он ускорится, если шантажист в одиночку, и притормозит, если там группа.

– Один человек, сэр, мужчина. На первый взгляд безоружный.

– Личность можете определить?

– Дайте минуту, – вступил в разговор третий наблюдатель, тот самый, который обеспечивал информационную безопасность. Сейчас он быстро стучал по клавишам ноутбука где-то в районе базы, уже получил изображение объекта. – Да, личность установлена. Это Люк Коган.

Гранд споткнулся, ему показалось, что внутри повернулся камень.

– Отбой! – скомандовал он пересохшим ртом. – Всем отбой, не стрелять!

– Есть отбой, – первый.

– Есть отбой, – эхом повторил второй.

– Вы уверены, сэр? – дистанционный хакер.

– Уверен.

– Снять наблюдение?

– Пока оставить. Но оружие не применять.

– Приказ принят.

(Brand X Music – Cruel Errors)

– Я не верю... Так это... ты?!

Друг. С гениальным, если верить тестам, интеллектом. Зашкаливающим, поразительным, встречающимся столь же редко, как алмаз без единого вкрапления.

Коган в дутой куртке, но без шапки. Взгляд виноватый, но прямой, с вызовом.

– Ты про письмо? Да, я.

Гранд понимал, что теряет контроль. Обходил по дуге того, кого, как он считал, хорошо знал. Цедил сквозь зубы, собирался напасть:

– Совсем гениальным мозгом загнил? Разложился? Она напугалась!

– Напугалась. Не страшно...

И Эрдесон кинулся вперед, схватил Люка за грудки, намереваясь выбить это упрямое выражение с чужой рожи.

– Приехала сюда в слезах, швырнула в меня запиской...

– И прекрасно! Приехала же. Зато вы встретились, получили шанс разобраться. Значит, не зря...

– У тебя все так просто?

– А у тебя слишком сложно...

За эту фразу Коган получил по морде в первый раз, отбил следующий удар, заехал Гранду в челюсть на автомате отбиваясь.

– Думаешь, можно так просто... лезть в чужую жизнь?

– Можно. – Люк, кружа, как охотник, отступающий от зверя, вытер кровь на губе кулаком. – Когда твой друг гробит себя заживо. А сейчас ты еще раз на нее посмотрел. И все понял, ведь так?

– Да пошел ты! – Гранд припечатал Когану еще дважды, повалил на снег, занес кулак для удара, понял, что, если сейчас завершит то, что задумал, снесет Люку половину башки. Раздробит кости, и хорошо, если обойдется только сотрясением... Чудовищным усилием воли удержал запал, медленно опустил руку, так и не разжав ни кулак, ни зубы. Какое-то время держал чужой ворот, после сплюнул на снег рядом с чужим ухом.

– Я думал, ты гений. А ты идиот.

«И мудака...»

Люк заранее все знал. Что она приедет, что поведет себя иначе, что Гранд откликнется на призыв о помощи и вдруг прочувствует проснувшийся инстинкт защитника. А после много чего еще...

Отпустил воротник красной куртки с брезгливостью, процедил:

– Не приближайся больше ни ко мне, ни к ней, понял?

Оставил Когана лежать, поднялся, наспех отряхнул колени, зашагал прочь.

Друг, называется...

И неважно, что Коган оказался прав, и что его шизанутый план сработал – за некоторые шутки нужно выбивать и зубы, и мозги. Пряча пистолет в кобуру, Гранд кипел, как котел со смолой.

(Christina Aguilera – Bound To You)

– Это был Люк.

– Люк?

А в ее глазах разочарование, облегчение и растерянность.

– Как?..

– Этот придурок решил, что письмо нас сблизит. Отправил его, чтобы мы встретились еще раз и разобрались с нашими...

– Обидами?

– Отношениями.

За этот шок, который отражался сейчас в глазах Джулианы, Гранд съездил бы Когану по роже еще раз.

– Значит... – Она все еще куталась в плед, найденный в кресле. – Все... на самом деле... хорошо.

Она очень боялась, что ситуация окажется куда серьезней, критичней. Что на встречу с Грандом пожалуют настоящие бандиты, что все закончится перестрелками, ранами, кровью. А если шутка... Стресс, шок, пережитый страх – все настоящее, но хотя бы краткосрочное.

– Да, он явился на поляну, чтобы этот спектакль не затягивать.

А у нее в глазах тень испытанного ужаса и трогательно прикушенная губа – Гранду хотелось к ней прикоснуться. Обнять Джулиану, прижать к себе, дать ей понять, что все уже хорошо, что все закончилось. Вот только что-то останавливало, наверное, очерченная ей невидимая дистанция.

– Тогда... можно ехать домой. Отдохнуть, поспать, все забыть.

Она переступила с ноги на ногу.

– Останься.

Гранд отделался ушибленной скулой, но пострадает куда сильнее, оказавшись сейчас один. Он очень многое хотел ей сказать, и каждое слово – важный маркер, определяющий судьбу.

– Нет... Я ждала здесь на тот случай, если с тобой что-то случится. Если нужна будет моя помощь. Но ты вернулся почти целый, и значит...

– Мне прострелить себе ногу?

В его глазах свинцовая тяжесть, в ее вдруг мелькнула веселая и почему-то печальная улыбка.

Мягкое касание ее пальцев к синяку на его щеке.

– Ты же знаешь, я слаба, когда это касается тебя. Просишь остаться – я остаюсь, хочешь поцеловать – я подаюсь навстречу. Но мне всегда будет этого мало, Гранд, просто физической близости. Потому что я слишком... Слишком на тебя реагирую. Я себе не враг, не садист. И после мне будет больнее.

– Не будет. Будет иначе.

«Может быть... – продолжали грустно улыбаться ее глаза. – Но сегодня я это проверять уже не буду».

– Скажи, кто-то едет сейчас в город?

Он не хотел отвечать, но ответил.

– Вертушка взлетит через пятнадцать минут.

– Можешь договориться, чтобы меня взяли на борт?

«Пожалуйста».

Он очень хотел ее удержать, запереть с собой в комнате, посадить на колени и отглаживать, отогревать так долго, чтобы все синяки рассосались. Вместо этого только долго смотрел, а после тихо пообещал:

– Я тебя найду. Ты об этом знаешь?

Джулиана не ответила.

Ей действительно нужно было сначала отдохнуть. Выбросить эту дурацкую историю из головы, позволить себе выдохнуть, принять ванную, долго кутаться в одеяле. Пережить ночь и проснуться утром новой, другой, с приготовленной для того, чтобы писать новую главу, ручкой.

Он будет в этой главе. Однозначно.

А пока приходилось смотреть, как она уходит в комнату, чтобы собрать вещи.

Глава 12

(Taylor Swift – ivy)

Гранд

Он впервые набирал номер Информаторов, раньше не доводилось, не было повода. Ответили сразу, без задержек; в окно било яркое утреннее солнце, Гранд повернулся к стене.

– Скажите, уважаемый, можно ли отправить письмо Комиссии?

– Можно. Бумажное или электронное?

Секундное раздумье. *Бумажное... это текст, конверт, дорога до отделения, время.*

– Электронное.

– В строке «Кому» введите слова «Для Комиссии».

– И все?

– И все.

– Но... это же... не адрес. Где «собака», имя почтового сервиса...

– И все, – повторили на том конце терпеливо. Добавили через паузу: – Комиссия вибрационно снимает намерение отправителя послать сообщение им, а не кому-то другому. По сути, в строке «кому» вы можете вообще ничего не писать.

Гранд задумался.

– А почтовая программа пропустит такого получателя?

– Проверьте.

В одном слове и утомленность, и уверенность, и скука, и все время мира для того, чтобы безгранично прояснять.

– Понял. Попробую.

– Удачи.

С его счета сняли пять сотен долларов – Эрдесон хмыкнул. И отправился сочинять текст. Сел в кресле, придвинул клавиатуру, какое-то время думал. После изложил просьбу, как есть, мол, многоуважаемые комиссионеры, хочу попросить вас о демонтаже временного Портала на территории базы, которой я владею, если таковой имеется. Потому как слухи о его существовании ставят под

угрозу безопасности местных обитателей ввиду периодического набега ищущих Дверь бандитов. В случае демонтажа или переноса, прошу каким-либо доступным вам способом уведомить соискателей о том, что Портал более не существует. Благодарен за вашу помощь, «с уважением, Гранд Эрдесон». Получилось коротко, честно и по существу. Оставалось ждать, помогут ли.

Гранд верил, что сообщение без внимания не оставят, а каким будет ответ, он скоро узнает.

На секунду завис над кнопкой мыши палец, после щелкнул – вдавился на экране прямоугольник «Отправить». Письмо улетело в небытие.

Информатор оказался прав – почтовая программа странного отправителя без «собаки» пропустила.

Джулиана

(Skylar Grey – Everything I Need)

Хороший день, в котором я снова была собой. Вдохновленной тем, что вернулась к работе, чуть печальной оттого, что вчера не осталась там, где меня просили остаться. Я снова была Джулианой, управляющей и директором в одном лице, и сейчас находилась в просторной аудитории. Стояла у стены, наблюдала за презентацией новой линии помад, но на деле смотрела не на экран, а на краснеющую от взглядов младшего менеджера новенькую сотрудницу – талантливую светловолосую Аниту. Когда ее глаза касались фигуры или лица крепкого Ральфа Бейна, в воздухе пробежала искра. Я не видела ее, но чувствовала. Наверное, потому что вся моя сенсорика, скучающая по Гранду, была вывернута на максимум. У этих двоих, проводящих презентацию, все только начиналось – взгляды, многозначительные фразы, первый ужин, первое касание, – а на какой стадии находились мои собственные отношения, я даже предположить не могла. Этим утром я нашла в кармане куртки лист бумаги с телефоном Гранда. Когда он успел его положить? Зачем? Звонить я не собиралась. Да, очень хотела, но не понимала зачем. Вчера я призналась ему в том, что «просто» секс мне неинтересен, а на «все остальное» решается не такой уж большой процент мужчин. И потому

внутри тепло и солнечно (мы расстались на светлой ноте), но также грустно (путь назад отрезан собой же). Чего ждать? Когда? Скучалка внутри работала, однако, без перерывов на обед, и Люси, с которой можно было поделиться, как назло, с утра работала на удаленных объектах.

– ...мы обновили не только цветовую палитру оттенков, но также дизайн тюбика. Обратите внимание: символика на крышке в виде переплетения лепестков отождествляет женственность и в то же время...

Я не слушала. Дизайнеры хорошо поработали над линией, помады мне нравились. Кивком головы я высказала свое веское согласие, после чего удалилась из зала.

Она вернулась в головной офис к обеду – Люси. Зашла ко мне запыхавшаяся, почему-то смущенная. Непривычная, чуть скованная, молчаливая.

– Эй, – спросила я ее по-свойски, – мне кажется, или ты меня избегаешь? Я стала плохо пахнуть, болею заразной болезнью или ты просто провинилась?

Последнее я добавила лишь для того, чтобы закончить фразу. Но, к моему удивлению, Люси вздохнула. Положила, наконец, папки с бумагами, которые привезла с собой, сняла легкий плащ, села на стул и вздохнула.

– Я должна тебе кое-что сказать, Жу.

Поникшие плечи, нашкодивший вид, в глазах раскаяние.

Любопытно. Даже крайне интересно, я бы сказала. На моей памяти Люси никогда не делала ошибок – ни больших, ни маленьких. А тут...

– Говори, раз должна.

Я приняла карикатурно-директорскую позу, откинулась на спинку кресла, сложила руки замком на животе.

Паузу в секунду, в две, в три, в пять. А после:

– Я... знала про то письмо.

Секундный ступор в моем уме.

– Какое письмо?

– Которое подкинул тебе Люк. От «шантажистов».

Я помолчала, переваривая, почесала лоб, после поняла, что мне очень хочется выпить воды.

(Bulow – Lines)

– Так вы знакомы?!

– Да. Мы встретились тогда, когда я отпросилась на день, помнишь? Куда ты думаешь, я поехала? В тренировочный лагерь.

– Зачем?

– Чтобы вставить пистон Гранду. Ты ходила грустная, у меня кишки в узел скручивались, а этот... этот говнюк ничего не предпринимал.

Я слушала ее речь, как сбоившая программа, воспринимающая информацию через раз. Не дождавшись моего ответа, Люси пояснила:

– Ты же знаешь, что сама я не вожу. И черт же меня дернул заказать не нормальный внедорожник с водителем, как это сделала ты, а обычное такси.

– Такси?!

Внутри шевельнулось веселье.

– Ну да. И оно, понятное дело, застряло у магазина на развилке. Вот там я и встретила Люка, ехавшего на базу. Он вытолкнул развалюху таксиста из ямы, позволил ему уехать, представился механиком и соврал, что Гранда на базе нет. Уже потом признался, что Эрдесон храпел там нетрезвый... Но только на следующий день.

Наверное, удивление она прочитала по моим уползшим в направлении потолка бровям.

– Да, я знаю, мне это не свойственно. Эй, я с ним не спала! Просто оторвала ему рукав, когда чуть не упала в лужу, ну и согласилась переночевать в сторожке. А что делать, если Коган отказался ехать обратно в ночь? Куртку я ему зашила, кстати, штаны выстирала, а то был как чмо...

Мне казалось, я смотрю фильм, в котором действие разворачивают второстепенные герои. Так сказать, происходящее за кадром. Да, мне было любопытно, удивительно и почему-то смешно.

– Ты ему рукав оторвала? Seriously?

Я держалась сколько могла, но все равно расхохоталась. Наверное, нужно было злиться, негодовать и возмущаться, но я знала, что любовь

Люси ко мне истинная. Ее забота – даже такая – тоже.

К тому же совесть Люси съедала ее за нас обеих.

– Послушай, я знаю, что идея с письмом была, мягко говоря, дерьмовая. Тупая.

Я помолчала. Да уж, тот вечер плотно въелся в мою память, пришлось признаться.

– Точно. Вообще-то, обосралась я по полной.

«Да я бы тоже обосралась», – молча согласилась эта белобрысая заговорщица.

– Понимаешь, если бы ни аргумент Когана о том, что на более мягкие методы времени нет, я бы никогда не дала ему твой адрес. Но он сказал, Гранд отменил заезд, пьет, ищет Дверь, и, значит, может в любой момент найти. А если так, будет поздно. Сам останется несчастным, ты тоже, вот я и... поддалась.

Она смотрела на меня глазами щена, который знал – нельзя жрать шторы, газеты и ножки стола, но чесались зубы, и он хотел, как лучше.

– А в итоге, что? – Люси развела руками. – Ты невеселая, Гранд не стоит на пороге с букетом, я предательница, а Люк идиот. Зачем, спрашивается? Что б я еще хоть раз в сомнительной афере участвовала...

Кажется, она расстраивалась куда сильнее меня. Я же до сих пор ощущала себя человеком, на голову которого недавно надели целлофановый пакет, подержали для страха, напомнили, что это такое – по-настоящему остаться без воздуха, – а после сняли. Шутка, мол. И на некоторые шутки не нужно злиться, за них нужно быть благодарным. То письмо наглядно дало мне понять, что на самом деле я живу счастливую жизнь и проблем как таковых у меня нет. Наверное, так устроены почти все люди, но воздух становится втрое вкуснее, если вспомнить, что он может закончиться.

– Просто... не делай так больше, – мягко попросила я.

– Ни в жизнь!

Она не сделает, я знала. Горой за меня встанет, грудью на амбразуру пойдет, но в обиду больше не даст. Просто что-то осталось за кадром, утаилось, посчиталось мелким и неважным, и потому не озвучилось. Важное не для меня, но для Люси.

Коган.

Мои шестерни быстро провернулись в верном направлении.

Она молчала, ни о чем не спрашивала, но переживала не только за меня, за него тоже.

– Люсь...

– М-м-м?

– Он тебе нравится?

Она отвернулась к двери, не желая демонстрировать собственную беспомощность. Мол, он необычный, да, приятный. Но я кто такая, ты меня видела? Она никогда не верила в себя, как в женщину. К тому же до сих пор корила себя за то, что пусть временно, но приняла «вражескую» сторону.

Я размышляла. Люка я знала недолго и очень поверхностно, и он показался мне человеком умным. Себе на уме, многослойным, но не злым, это точно. Злость и двойное дно я непостижимым образом чувствовала за версту. А подруга не смела даже спросить о том, насколько сильно он пострадал.

– Гранд стукнул его пару раз на той поляне.

Люси повернулась.

– Сильно... стукнул?

– Не знаю, я не видела.

И не проверишь.

– А адреса Когана... у тебя нет?

Она выдала себя с потрохами этим вопросом. «Конечно, любимая Джу, я всегда за тебя, ты об этом знаешь, но ведь этому олуху, поди, и суп некому сварить...» И неважно, что у этого олуха достаточно денег, чтобы завтрак, обед и ужин заказывать из ресторана.

– У тебя же есть его телефон. Спроси...

Тишина.

– Неудобно.

– А приезжать без приглашения удобно?

И вдруг я поняла. Ей хотелось приехать именно так, без приглашения, и, может быть, что-то важное для себя прояснить. На моем лице застыло выражение растерянности, когда я поняла, что сейчас мне пригодится сунутая в карман записка с телефоном. Доставала я ее все еще в замешательстве. Эх, ладно! Напечатала смс:

«Можешь прислать мне адрес Люка?»

Пауза почти в полминуты. После ответ:

«Пообещай не стрелять в него. Ты мне нужна свободная, не на рудниках».

Ты мне нужна – согрело самую нуждающуюся в тепле сердечную часть.

«Обещаю».

Спустя минуту на моем телефоне красовалось название улицы, номер дома и квартиры. Экран я сунула под опущенный нос Люси.

– Скажешь, когда тебе нужно время. Я отпущу.

– Не надо отпускать, – в круглых голубых глазах посреди раскаяния мелькнуло одухотворение, – я... вечером.

– Смотри сама. И еще, – я улыбнулась, – я люблю тебя, дурында. Слышишь?

Только она умела так наваливаться, что ты тонул в ее упакованных в платье титьках, и знал, что уже никогда не расчешешь встрепанные ее пятерней локоны.

(Tim Janis – The Real me)

То был вечер, когда хотелось прогуляться до дома пешком. Оставить машину на парковке, забыть про руль, не запираяться в салоне, но чувствовать жизнь в ее текущем моменте. Неспешно шагать по улице, ощущать на своих плечах закат, ловить неопределенное предвкушение чего-то хорошего, которое обязательно придет. Если не сейчас, то завтра.

Быть может, я просто старалась не помнить о том, что теперь знаю номер Гранда, что очень хочу его набрать и сказать «привет». Не заикливаться, не ждать, не определять ход судьбы заранее. Сегодня я хотела быть частью города, его проспектов, неопределенным пятном для прохожих, незнакомкой в кремовом платье, тонким шлейфом духов, мимолетным взмахом ресниц, девушкой, чьего имени они никогда не узнают.

К тому моменту, когда я достигла своего квартала, мои ноги устали от каблуков, а желание увидеть этим вечером определенного

мужчину усилилось до критической отметки. Я скучала по нему, и мне было душно в нашем времени врозь, оно было лишним.

Может, поэтому я искала глазами его машину на парковке у своего дома, и потому напряглась, заметив, что на другой стороне улицы стоит черный квадратный внедорожник. Удержалась, не пошла проверять номер, не захотела после говорить себе: «Дура, конечно, это не он». Не нужно лишних разочарований.

А вот консьерж, мимо которого я хотела прошмыгнуть, просто поздоровавшись, неожиданно козырнул и предупредил:

– На этаже вас дожидается гость. Я велел ему сидеть здесь на диване, но он меня не послушал. Надеюсь, не вор, и в вашей квартире все в порядке. В любом случае, мисс, у нас камеры, как вы помните, волноваться не о чем...

Я уже не слушала пространную речь, я торопилась к лифту и чувствовала, как потеют ладони.

Черный джип и гость – это совпадение? Или это... оно?

(MARINA – To Be Human)

Он стоял у двери в мою квартиру. Гранд. Опершись на стену, дожидаясь хозяйку. И в его позе не было покорности судьбе, но расслабленное терпение. Стоило мозгу распознать абрис знакомой фигуры, как ноги мои стали ватными. Никогда не привыкну к тому, насколько он большой, крупный, насколько он мужчина, и как сильно обезоруживает меня прямой взгляд темных глаз.

Я была рада до одури. Как наркоманка, знающая, что одного только секса с этим типом мне всегда будет мало, но совсем без секса с ним я пересохну, как иссякший родник. Мне нужен был его запах, его руки, его тепло и тело, мне нужен был звук его голоса и жар ладоней, мне нужны были его губы. И никто не был провокатором этого поцелуя, мы просто шагнули навстречу друг другу, и мои ладони тут же зарылись в коротких темных волосах. Хватило секунды, во время которой я ощутила чужой голод, властность и желание взять свое, как я сдалась прямо в коридоре – не снаружи, но внутри. Все, я проиграла. Я согласна на «просто секс», даже если сердцу будет плохо. Или бежать. В другой город, Уровень и мир, иначе никак.

Мне не хотелось, чтобы Гранд отрывался от меня, но он оторвался, больше приказал, чем попросил:

– Отопри дверь. Давай переместимся внутрь.

Я достала ключи, чувствуя, как внутри пытаются побороть друг друга обреченность и радость.

«Он пришел за седьмым разом?»

Или все-таки за чем-то большим?

Прижатая к стене коридора его горячим телом, я понимала, что дам ему все, за чем он пришел. Буду наслаждаться каждой секундой, даже если внутри все растрескается от безнадёги.

– Чего ты хочешь, сексуальный мужчина? – шепнула, лаская пальцами его лицо. – Чтобы я разделась, легла на кровать? Или опустилась на колени?

Отправила выразительный томный взгляд – задавай сценарий, ритм, я поддержу.

Меня поцеловали мягко, почти невесомо, погладили по щеке.

– Мое имя Гранд Эрдесон, – отозвались тихо, – и я хочу выпить с тобой кофе.

Засранец. Я столько работала над бронебойными оболочками, а ответ прошел сквозь них и задел самое сердце. Когда-то я очень хотела именно этого – услышать имя гостя и того, чтобы он остался на кофе. Но тогда он приходил не ко мне, а к моему телу. Теперь же, когда я перестала ждать, просьба о кофе царапнула ту самую часть во мне, которая когда-то открылась и доверилась Гранду.

Ладно, неважно, какие процессы происходят в ядре, внешнюю «кору» они не затронут.

Я улыбнулась:

– Кофе так кофе.

Наверное, меня пугала непривычная серьезность в его глазах и предчувствие дальнейшего разговора. Как-то не клеились они у нас в прошлом. Секс клеился, разговоры нет. Спроси меня сейчас, и я бы ответила, что предпочла бы спальню и объятья. Малодушно, согласна, но «не окончательно добитое сердце» дороже.

Варить кофе в турке я никогда не умела, но кофемашина у меня на кухне имелась. Зажужжали, размалывая зерна, шестерни; я отыскала

две кружки, достала молоко. Неважно, если он пьет черный, сделаю как себе.

За каждым моим движением наблюдали темные глаза; Гранд, мне так казалось, занимал половину кухни. Одна моя часть желала, чтобы он поскорее ушел, не травил душу, другая мечтала привязать его к стулу, а после, когда мужские чресла перестанут его тереть, молиться на «освященную» мебель. Бред. Раздрай изматывал, молчание тоже.

– Зачем ты пришел сегодня? Заполучить свой седьмой раз, а после, ошастливленный, снова отправиться на поиски Двери, в которую так стремишься войти?

Плохой из меня парламентар, я всегда об этом знала. И еще слова Люси о том, что Гранд отменил заезд, лишь бы быстрее отыскать Портал, присыпали рану солью. Я-то надеялась, что заезд отменился из-за меня...

– Что? – на меня смотрели с таким прохладным упреком, что стало смешно.

– Знаешь, что я буду делать каждый раз, когда тебя начинает нести не в ту сторону, как сейчас?

«Каждый раз» – мое нежное сердце цеплялось за любой намек, как за спасательный жилет.

– Просвети.

– Раздевать тебя, ложиться сверху, а после задавать столько жару, чтобы лишнее исчезало из твоей головы.

У меня во рту пересохло. Я отвернулась к кофемашине, достала первую чашку с напитком, принялась трясущимися руками наливать молоко во вторую.

– Знаешь, почему меня несет? – решила на честность. – Из-за неопределенности. Тебя бы тоже несло, если бы я постоянно выбирала между тобой и своим бывшим.

– Я даже не помню, как она выглядит, – жестко обрубил Гранд. – Ни ее лица, ни голоса.

Продолжил мягче, спокойнее.

– Все это время я искал Дверь не для того, чтобы воссоединиться с Сарой.

– А для чего? Чтобы предотвратить появление события, на которое тебе неприятно было смотреть? Можно понять.

– Нет.

Других предположений у меня не нашлось.

Он неувовимо изменился, Гранд. Словно как я когда-то для него, приоткрыл внутреннюю дверцу, решил показать то, что не показывал до того никому.

– Я всего лишь хотел найти браслет. Тот, который она выкинула, ограбив мой сейф перед тем, как оставить на столе ключи от квартиры.

«Ограбить?»

Моя рука с чашкой застыла на половине пути.

Неожиданный поворот.

– Много пропало?

«Ты ее нашел?»

– Никакие из тех бумаг, которые она взяла, не представляли для нее особенной ценности. Денег там было немного. Но браслет имел ценность для меня.

– Ювелирный? Дорогой?

– Совсем нет. Дешевый, наверное.

И еще сильнее раскрылась некая невидимая дверь в душе того, кто не привык ее открывать.

– Он достался мне от кого-то еще до Уровней. Я не помню. Кожаный ремешок, металлическая потертая пластина, на которой была старая затертая гравировка. Я хотел ее восстановить.

«Не успел».

Открытый Гранд – некая новая сторона, неизвестная, уязвимая. Мужчину, умеющего так открываться, хотелось обнять, его хотелось любить.

– Что ж, – ответила я деланно спокойно, – выйдешь отсюда, отправишься на поиски Двери, чтобы предотвратить исчезновение браслета.

Чем не причина?

А мою спину жгли черные глаза.

– Этим утром я написал прошение Комиссии о демонтаже Портала. Я не собираюсь в него проходить.

– А как же браслет?

– Знаешь, что он давал мне? Ощущение того, что я в этом мире не один.

Хорошее ощущение. Нам бы всем его почаще.

Готовый кофе я поставила перед Грандом, тот на него даже не взглянул.

– А ведь в одном Люк оказался прав... Знаешь в чем? В твой последний приезд я действительно разглядел то, что ускользало от меня раньше.

«Что же это?» – нужно было спросить об этом тем же незаинтересованным тоном, но не выходило. Потому я просто смотрела, ощущая, как трещина пошла раньше, чем дело дошло до ласк. Если сейчас он скажет что-то не то... А ведь так легко сейчас сказать не то...

Взгляд Гранда держал, как удочка – ни соскользнуть, ни спрыгнуть. Все слабее внутри, все беззащитнее. Этого мы в любви и боимся – пинка в самый неподходящий момент, а им становится все, кроме слов нежности. Надо было сразу из коридора в спальню, минуя кухню.

– Ты сидела в кресле, укутанная в плед, и я понял, что больше не скучаю по браслету, что он мне больше не требуется. Потому что с тобой я перестаю быть один. С тобой я готов двигаться не назад, но вперед. Вместе.

Я опиралась задом на столешницу, понимая, что не только неправильные слова становятся бомбами в ответственный момент, но и правильные тоже. Они тоже бомбы, только теплые. А Гранд поднялся, подошел очень близко, приподнял мой подбородок.

– А ты готова к этому, Джулиана? Двигаться вперед вместе со мной? Принять меня целиком?

Он предлагал мне себя. Прямо сейчас, на моей кухне. Это действительно происходило, а я силилась не показать, насколько все это важно для меня. Если сейчас броня прорвется, я разревусь, повисну на мужской шее и буду, как пьяный попугай, повторять «да». Выглядеть это будет, как в дешевой драме.

– Черт, я думала, мне сегодня вечером горячий секс обломится, – фыркнула я со смешком, – а ты... не пойми о чем...

Тишина.

– Не пойми... о чем?

Приподнятая вверх бровь. Меня впервые прижгло взглядом, как лавой.

– Ах ты... дерзкая девчонка...

Медленный ответ. Очень спокойный.

Он знал о моих настоящих чувствах и о том, что этот ответ просто дразнилка, маленькая «мстя».

– Придется тебе кое о чем напомнить... Давай, идем.

(Zella Day – Shadow Preachers)

Его рука тянула меня во тьму спальни с широкой кроватью.

– Понимаешь, такой шаг...

– Конечно...

– Серьезный... Надо все обдумать.

Я делала вид, что не улыбаюсь. Он отвечал терпеливо, как школьный учитель.

– Ведь это... надолго...

– Точно.

– И потому...

Он не дал закончить фразу. Он просто поцеловал. А дальше все пошло не по моему сценарию. Я думала, будет обжигающая страсть, пелена на глазах, как раньше, и я буду впиваться в мускулистую спину, не помня о том, как меня зовут. Как нимфоманка, как помешанная, как женщина без имени, оголившаяся до инстинктов...

Но я осталась с именем.

А Гранд делал то, чего не делал никогда – топил меня в нежности. И я ощутила совсем другие касания, совсем иной подход – подход мужчины, который собирается холить и лелеять свою женщину. Никогда он не был таким, как сейчас – неторопливым, бесконечно внимательным, без слов заявляющим о готовности обволакивать не только сегодня, но всегда.

Наш секс – ласковый, больше невесомый, чем напористый, – мне запомнился меньше, чем взгляд в самую душу, чем поцелуи, в которых прятались тонны слов. Меня гладили, меня впитывали кончиками пальцев, меня постоянно кутали в невесомое теплое одеяло, греющее душу. И я плавилась, как сливочное масло, я понимала – вот они, те фразы, которые я хотела не столько услышать, сколько почувствовать. Со мной занимались любовью, меня хотели и сердцем, и телом. Даже мой вельветовый оргазм срезонировал по кончикам пальцев Гранда, по всем его рецепторам.

А после меня обнимали. Просто держали, как тогда, когда «ты не одна», когда «я здесь». Когда «ты будешь попадать в переделки, а я тебя спасать». И плыли в тишине образы: его номер всегда в моем мобильном, его можно набирать по причине и без, можно брать трубку с улыбкой, поясняя – это муж... Который никогда не даст в обиду, который бросит все и приедет, прилетит, который укутает, убережет. Он будет со мной утром и вечером, тепло его ладоней будет со мной через любое расстояние, хотя это расстояние он будет стараться максимально сокращать. Он будет дразнить, провоцировать, баловать, он будет любить... Я никогда не знала, что все это можно показать жестами, касаниями, действиями, но теперь точно знала, какое чувство дарил ему тот браслет. Гранд больше не был один. И я тоже. Из двух разных миров сложился новый, чудесный, в котором между нами не было границы – пузырь на двоих, собственная вселенная.

Я улыбалась с закрытыми глазами, думая о том, что почти спущенная в кювет Онди стала ключевой и поворотной точкой в судьбе. Никто не предполагал тем вечером, не мог знать.

И до сих пор не верилось.

– Ты уже подумала?

Подушечки его пальцев гладили мою щеку. А я не открывала глаз.

– Я еще думаю.

Конечно уже подумала!

– У тебя есть время до утра.

– А утром ты уйдешь?

– Я никогда не уйду.

Мне нравилось это слышать. Нравилось его упорство, его напор, его умение быть... таким.

– Спи. Завтра хороший день.

Мои глаза закрывались в удивительной неге оттого, что любимый запах, что это любимое тело, этот человек не исчезнет, не испарится, что он, наконец, пришел, чтобы остаться. Счастливый седьмой раз, седьмой «доступ».

Засыпала я уже почти целой. Заживали прежние трещины, затягивались синяки, стягивались дыры, растворялись обиды. Сейчас в этих руках я излечивалась, исцелялась и становилась вновь целой и сияющей. Еще один такой день, и вместо меня имеет шанс родиться на свет новая Джулиана – счастливая. Кажется, я себя такой не помнила.

– А что будет завтра?

– Увидишь.

Кажется, он сказал именно это. После коснулся теплыми губами и шепнул «спи».

(Rob Lane, Julia Church, Jim Croce – Time In a Bottle)

Люк

Он удивлялся ей так же, как в первый раз.

Потому что она снова не пыталась понравиться.

Вот уже несколько минут Люси шерудила у его плиты, выкладывая из пакетов продукты, которые принесла с собой. Именно так. Она не стала инспектировать чужой холодильник, будто заранее знала, что ничего интересного в нем найти не сможет. Притащила из магазина объемный пакет, словно планировала приготовить и первое, и второе, и третье. С порога осмотрела разбитое лицо хозяина квартиры, деловито спросила: «Тошнота? Головокружение?» Получив оба «нет», принялась варить куриный суп.

Куриный суп...

Коган лежал на диване. Поведение госты предполагало, что он «больной» и двигаться не должен. Люка это устраивало. Он со смесью удивления и теплоты наблюдал, как на вечно чистую поверхность его стола ложатся один за другим овощи: картофель, морковь, лук... Рядом охлажденная куриная тушка.

– Где у тебя разделочная доска?

Он даже не мог вспомнить, когда в последний раз ел куриный суп. Из ресторана его никогда не заказывал – не любил ту мешанину, в которую превращалось жидкое блюдо после тряски в автомобиле курьера. Да и вообще, жидкие блюда – не его фавориты, но Люси со свойственной ей бескомпромиссностью решила, что для выздоровления это «самое оно». Теперь она мыла картошку, скребла морковь, снимала с лука шелуху...

Он мог сказать «занят». Мог отделаться какой-нибудь вежливой фразой, потому что никогда не любил гостей, с трудом терпел их в своей квартире, но Люси – это Люси... Она, как призрак, не нарушающий атмосферы, как медсестра, как правильная часть интерьера, его дополнение. Не в ущерб ее человеческим качествам, конечно. Он мог вообще не открывать, потому что еще по видеофону знал о том, кто стоит у подъезда.

Но почему-то сразу нажал «открыть». Позволил ей осмотреть свою разбитую рожу, с долей удовольствия теперь наблюдал с дивана, как о нем заботятся. Ее лицо практически без косметики, без помады, волосы «причесалась еще утром», чуть помятый с работы брючный костюм.

Ему было интересно другое, что она скажет, что сделает, когда суп будет готов? Просто попрощается и уйдет, даже не попробует завести беседу, не отыщет повода задержаться?

Пока в кастрюле, куда отправились все ингредиенты, булькало, Люси осторожно прошлась по квартире. Удивилась, когда увидела коллекцию пластинок, фыркнула при виде дизайнерской вазы, спросила без обиняков:

– Столько комнат. Ты тут не плутаешь?

Люк не стал рассказывать, что гордится не самой квартирой, но фактом ее заполучения, что она сама, как золотая медаль на его груди. Первое место, грамота, подтверждение его гениальности. Все еще думал над ответом, когда выражение на лице Люси сменилось на одобрительное при виде шахмат.

С другим гостем он давно бы заговорил. Коган вообще любил поболтать, блеснуть эрудированностью, уличить оппонента в недостатке знаний в выбранной им же самим теме, даже поспорить. Но с Люси ему спорить не хотелось. Есть люди глупые, есть люди умные, есть очень умные, а есть те, с кем тепло. Она относилась к последним. Наверное, в чем-то он был умнее, смог бы быстро это выяснить, но не хотел. В ее присутствии он почему-то терял тягу анализировать, но начинал чувствовать. Как давным-давно, когда его волосы расчесывала заботливая рука, а он – беззаботный чудик – думал лишь о том, как покорить мир...

Суп тем временем сварился.

И она вдруг засобиралась.

Без попыток остаться, задержаться под предлогом чего-либо, просто собрала пакет, поставила у порога, принялась обуваться – Коган опешил. Вдруг понял, что совершенно не желает оставаться один, что ему совсем не тяжело в ее присутствии, скорее, наоборот.

– Куда торопишься? Может, поешь со мной?

– С ложки тебя покормить?

Она была собой.

– Просто хочу поесть куриный суп с тобой.

На него посмотрели с саркастичным удивлением; мигнули круглые глаза совсем как тогда, когда в сторожке Люси сидела на старой кровати, шила рукав его куртки.

Секундное замешательство.

– Ладно.

Вжикнула в обратную сторону молния на сапоге.

Супец оказался на удивление хорош. С гренками, вареным яйцом, петрушкой – как надо. Люк сомневался, что шеф-повар «Трильи», откуда он обычно заказывал еду, варил такой. Домашний суп, горяченький, бодрящий.

– Слушаешь винил?

– Слушаю. Люблю хороший звук. Какая у тебя любимая группа?

– «Костерз».

Странная команда – смесь рока и джаза. Очень и очень на любителя, но ему скорее нравились их ритмы, нежели раздражали.

– Как Джулиана?

– Нормально. – Пауза, во время которой Люси дула на ложку. – Только... с цветами Гранд к ней пока не пожаловал.

– Дай этому процессу время.

– Ага... А то, может, зря тебя разукрасили.

– Я знал, что так будет. И не зря.

– Ну ты вообще умный, я заметила. У тебя бумаги там лежат в гостиной... Отслеживаешь рынок акций?

Коган отслеживал. Хотел таким образом извиниться перед Эрдесоном, подкинуть тому график будущих взлетов, подсказать идею для выгодного инвестирования. Люси мило швырнула очередной ложкой.

– «Иргус», который у тебя под знаком вопроса, вычеркни... У них недавно в западном районе на складе прорвало трубы, тридцать процентов товара в урну. Через пару дней узнаешь...

Брови Люка полезли вверх. Когда она успела просмотреть его записи, эта деловая «секретарша» с мозгами аналитика?

– Ты, поди, еще в шахматы играешь?

– И очень неплохо.

Люси довольно хохотнула, отломилась себе кусок черного хлеба, с удовольствием обмакнула его в суп, после откусила.

И он вдруг понял, что она нравится ему такая, самобытная, совершенно ни на кого не похожая. Другой бы упрекнул ее в отсутствии манер, устыдился, но Коган гордился такими людьми, не подчинившимися ни общей системе, ни социальным правилам. К тому же, несмотря на прямолинейный нор и «таранный» характер, на мужика Люси не походила вовсе. Что-то внутри нее было очень мягким, теплым, очень настоящим. Даже смущенным.

Когда тарелки отправились в раковину, настало время чая. В ее пакете нашлось и печенье – вот же предусмотрительная женщина.

– ...последний альбом «Актуалис» очень неплох. Правда, много мелодий без слов.

Беседа текла сама. Ее никто не подгонял и не направлял.

– Согласен. Предыдущий был лучше, как по мне.

– Точно. А ты слушал «Кардинов чай»?

– Это группа такая?

– Да, новички...

– Дурацкое название.

– Название – да. Но послушать стоит, если ты фанатеешь от «Гладис Си».

– Уговорила.

Люк напрягся, когда Люси начала смотреть на часы. Да, за окном темно, да, ей пора вызывать такси. Но он и после супа не желал оставаться в одиночестве, сам себя не понимал – дело не в сексе, дело в чем-то еще. Она уже рылась в сумке в поисках телефона; рядом с пустой чайной кружкой лежала мятая салфетка.

И зачем-то спросил:

– Ты давно целовалась?

Она удивилась. Сильно. А он успел увидеть растерянность, незащищенную сердцевину, даже грустинку, после привычный цинизм.

– В прошлой жизни. А что?

– Ничего. Не уезжай. Отвезу тебя утром.

– Ты ж съел суп, чего еще?

У нее под пиджаком персиковая блузка. Люку был интересен цвет белья. Но куда интереснее ему были собственные чувства, наличие которых он объяснить не мог. Просто тепло, просто хотелось, чтобы так тянулось долго. Она очень женственна, когда так волнуется. В такие моменты будто проглядывает сквозь наружную оболочку совсем другая девчонка – заботливая, нежная, нуждающаяся в мужских руках. Рукам Люка очень давно не хотелось никого приласкать, а тут прямо ладони чесались.

– Послушаем винил. Напишешь мне рецепт своего вкусного супа, – он плел все, что на язык шло. – Погладишь меня по волосам перед сном.

Такой взгляд в ответ, что, казалось, еще секунда, и Люси сложит на груди руки, взглянет грозно и спросит: «Совсем опупел?» После отправится к двери, запихнет пустой пакет в сумку, обуется, шумно оденется и скажет: «Не провожай». Коган понимал, что вероятность такого исхода процентов девяносто, но ведь все же оставались эти маленькие десять – пусть они сыграют, как счастливая ставка в казино. Ему будет пусто этим вечером без нее, но он не знал, как об этом сказать.

Уже приготовился, что Люси все-таки обуется и будет такова, когда ответ после хмурого взгляда все-таки последовал:

– Винил послушаю. По волосам гладить не обещаю.

Люк улыбнулся так широко, как никогда себе не позволял. Чмокнул воздух, посылая ей воздушный поцелуй – Люси сложила-таки руки на груди, отчего края ее блузки между пуговицами разошлись, и Коган увидел – белье розовое.

Глава 13

(Rea Garvey – Pretty)

Гранд

Как будто после долгой непогоды выглянуло солнце – вот как он себя чувствовал, проснувшись. Будто привычная серая пелена над головой уступила место лазурной ясности. Свежо, мирно, здорово. Мягкая сонная женщина в твоих руках – волшебное ощущение. Не просто идеальное тело, при взгляде на которое ум наполняется желанием, а чресла тяжестью, но также чудесная душа, нежное сердце, изумительный характер.

Гранд был счастлив.

Когда принимаешь верное решение, будто форточку открываешь, и в жизнь врывается долгожданный ветер правильных перемен.

– Просыпайся, моя хорошая...

Она разулыбалась еще до того, как открыла глаза.

Эти губы Гранд мог целовать с утра до вечера, эту грудь... грудь лучше не трогать, потому что тогда обед и вечер они проведут в этой же постели.

– Быстрый завтрак, кофе, да? И едем.

Джулиана смотрела сонно, удивленно.

– Куда?

– В магазин. Ювелирный.

Удивление в ее глазах уступило место растерянности. Кажется, она догадалась обо всех его планах. Счастливая на девяносто девять процентов, неуверенная на один – нужно будет стереть его, этот один процент, из ее головы.

– Может... не надо... в ювелирный? – попыталась сдать назад. – Мы, если посчитать, знакомы всего ничего.

«Может, стоит сначала узнать друг друга лучше, чтобы не жалеть?»

Гранд знал, что жалеть не будет и ей не позволит.

Навис над ней сверху, запечатлел еще один нежный поцелуй.

– Решила включить заднюю передачу? Поздно. – Джулиана еще в первую встречу разглядела в нем нужного ей мужчину с помощью одних лишь инстинктов, Гранду понадобилось чуть больше времени. Но теперь, когда внутри все встало на свои места, он не даст ей не то что уйти, даже на шаг в сторону отступить. – Ты уже на моем буксире, не отпущу.

Его гладили по лицу, по волосам.

– Ты ведь даже не знаешь, какой кофе я люблю пить по утрам.

– Узнаю. Нам хватит времени на все. Так что, кофе. И поехали.

За плечо в ювелирном ее пришлось держать еще крепче – Джулиана аккуратно вывернуться и сбежать. Все потому, что он попросил девушку за стендом отыскать для своей спутницы самое красивое кольцо. Наверное, ей казалось, что все слишком быстро, даже стремительно – ему так нравилось. Если уж прицелился, стреляй в десятку.

Для них на стекло выставили подложку с самыми дорогими украшениями. Взглянув на количество нулей на ценниках, Джулиана попыталась вывернуться еще раз – Гранд не позволил. Подмигнув продавщице, сообщил с дьявольской улыбкой:

– Моя невеста сомневается потому, что у меня слишком толстый член. Раздумывает, стоит ли иметь с этим фактом дело каждый день.

Он кожей чувствовал, как «невеста» покраснела, как взлетели ее брови и распахнулись глаза. А что? Он умеет шутить, слишком хорошее настроение, чтобы заморачиваться чем бы то ни было. Щеки продавщицы порозовели тоже, и да, Гранд уловил направленный на Джулиану незаметный вопросительный взгляд – *мол, это правда? Про его член? Женщины.*

Ему хотелось смеяться. «Нет» она ответить не могла, а «да» стеснялась.

– Я ведь не соврал?

Гранд поцеловал нежную бархатистую щеку, взглянул на все еще немую продавщицу.

– Так что помогите мне убедить эту красивую женщину решиться, подыщите для нее идеальный бриллиант.

На выходе он прижал ее у стены, чтобы поцеловать. Как пацан, у которого недержание любви.

– Ты зачем сказал ей про член? – шипела невеста, все еще смущенная, как школьница.

Гранд смеялся и целовал. Мягко и врасос. Прижимал, чувствовал под блузкой округлую грудь, балдел.

– Сейчас поедem ко мне, – сообщил на ухо.

– Зачем?

– За парными кольцами. Настоящими. Этой безделушкой я просто тебя подразнил, ты же понимаешь...

Он будет дразнить ее много, ласково и часто.

– Безделушкой, которая стоит, как частный самолет?!

В ее глазах восклицательные знаки и знаки вопроса.

– Давай в машину. Идем.

И потянул за собой теплую ладонь.

Светофор загорелся красным; джип плавно затормозил – пассажирка не отрывала взгляда от камня, переливающегося в солнечных лучах. Тонкий золотой ободок, искусное витое крепление – кольцо этим тонким пальцам шло чрезвычайно. Скоро добавится еще одно, именно, и Джулиана Майлз станет Джулианой Эрдесон.

В ее глазах восхищение и замешательство – женщинам всегда требуется больше времени на принятие сложных решений. Но Гранд знал, как ускорить процесс.

– Джу? Джулз? Как тебе больше нравится?

Его спутница улыбнулась.

– Не знаю. В твоem исполнении все звучит сексуально.

Красивые у нее ресницы – черные, пушистые. И вечно смеющийся взгляд, совсем как теперь у него самого.

– Хорошо, выберу сам.

От красного сигнала осталось четырнадцать секунд. Как раз хватит для главных слов. Гранд протянул руку, повернул ее лицо за подбородок, поймал взгляд – крепко поймал, насовсем.

– Люблю тебя, моя хорошая.

И увидел, как рухнул тот самый побежденный один процент, как Джулиану залило солнечным светом изнутри, как этим утром его самого.

– Я тоже... люблю тебя.

«Я знаю».

Как раз хватило, как он и предполагал.

Водитель улыбался не только губами, но всей душой, кончиками пальцев.

Три секунды, две, одна... зеленый.

– Поехали.

Эпилог

(Nurko feat. Autrey – So Far Gone)

Семь дней спустя...

Джулиана

Не знаю, почему Букинс в нас вложился; Гранд клялся, что не при делах. «Нет!» – твердил утром под нежными пытками и вечером, пойманный врасплох после душа. «Я ни при чем, моя хорошая». Хитрый дьявол.

Так или иначе, мы переезжали в новый офис. Уже съехали работники, пустовали залы и поверхности столов; сдвинутые в угол стояли стулья.

Скоро и нас встретят просторные кабинеты с окнами в пол и шикарным видом на центральный проспект, скоро «Майли Косметикс» разрастется до размеров империи.

Я собирала бумаги в собственном кабинете; шуршала за перегородкой Люси.

Она стала другой, моя подруга. Куда-то исчез ее стальной каркас, улетучился бронебойный настрой – Люси теперь плавала над полом, так мне казалось. Вроде бы ходила, ступала босоножками по паркету, а будто парила. Мягкая, плавная, другая. Деловая, но лучистая изнутри. Она прикупила новую неяркую помаду, освежила прядями у лица прическу, сделалась если не красавицей, то стильной дамой. Иногда я наблюдала за ней минуту или две, пыталась разгадать, что делает ее невесомой, новой – может, легкая полуулыбка? Или невидимая магия, которая появляется в женщине, знающей, что ее любят? Или теплая аура, бархатистая на ощупь? Люсина хватка никуда не делась, скорее, приобрела новую манеру, безотказно действующую как на мужчин, так и на женщин – что-то иное в голосе, во взгляде. Обволакивающее, притягивающее. Контракты с нами подписывали одна компания за другой – новое сырье, новые помещения, новые производства...

Гранд ни при чем. Он клялся.

Моя правая рука вошла в кабинет как раз тогда, когда я складывала последние папки в коробку. Одновременно с этим пикнул полученной смской телефон:

«Я его нашел».

Дрон. Гранд все утро искал аппарат, способный долететь до противоположной стороны каньона – наша общая мечта сбылась.

– Что пишет?

– Они нашли дрон.

– Молодцы. Я не сомневалась.

Хорошо, когда друзья – всегда друзья. Пару дней назад Коган подкинул Эрдесону на стол новый план инвестиций. Анонимный, разумеется. А Гранд просто взял и явился к Люку домой, сообщил, что собирался и без плана. Пара стаканов скотча, пара матерков, пара похлопываний по плечу – дружба, если она есть между людьми, всегда возьмет верх над разногласиями. Этим утром в магазин они двинули вместе.

– Я тоже кое-что нашла, – сверкнула загадочным взглядом Люси, а я все не могла привыкнуть к тому, что в ее ушах теперь болтаются сережки-колечки.

– Нашла что?

Из объемной сумки показался полиэтиленовый пакет, наполненный, как мне показалось, старой бижутерией.

– Помнишь, ты мне рассказала про браслет Гранда? Тот, который он потерял?

– И-и-и?

Зная Люси, я могла предположить, что она тут же развернет деятельность, но, поглощенная переездом, просто забыла о рассказанной ей истории. Однако не забыла она.

– Так вот, знаешь, что я сделала? Наняла сорок человек, которые прошерстили все городские ломбарды!

– Гранд вроде бы тоже нанимал...

– Ха! Быстро сдался.

Ну да, эта белобрысая умелица не сдавалась вообще.

– А не проще было позвонить Информаторам? – я собиралась сделать это сама, но не успела воплотить.

– Не проще, – обрубил меня укоризненно. – Они, знаешь ли, перестали отвечать, так говорят. Я звонила, тишина. И никто не знает,

почему так произошло. Да и вообще, они всяко содрали бы с меня тысячи две или три, а деньги мне не лишние. А с моим планом все обошлось в шестьсот сорок три доллара...

Я вдруг почувствовала, как у меня покалывают от возбуждения ладони.

– Ты что... его нашла?

– Вообще-то... – Она потрясла перед моим лицом пакетом. – Ты бы знала, сколько я всего нашла. Ерунды по большому счету. Каждый вечер мне приносили скупленные вещи, и я перебирала их, проверяя на сходство.

– Я же только раз описала...

– А я запомнила. Так вот, один... подошел. – Пакет она бросила на стол, а из кармашка сумки достала что-то другое, завернутое в носовой платок. – Посмотри, он?

«Я ведь никогда его не видела...» Но практически сразу поняла, что Люси не ошиблась. Это был он, тот самый браслет – кожаный ремешок, потертая металлическая вставка по центру, сверху затершаяся от времени гравировка.

«Если это, правда, он... Гранд обрадуется до небес».

– Что, в самом деле? Просто в ломбарде? – я не находила слов.

– А вот нет! С этой вещицей вышло сложнее – она была продана. Но мой человек настырный, к слову сказать, вытряс из торгаша имя и адрес покупателя после того, как тот узнал браслет по описанию.

– И-и-и?

Я всегда знала, что Люси незаменима, как помощник, но только теперь сумела понять объем этой «незаменимости». Человек-мотор, вечный двигатель со встроенным генератором идей и мульным упорством.

– Ну и все! Мы пошли туда вместе, я предложила нормальную цену в пятьдесят баксов. Учитывая, что браслет был куплен за десять. Да и вообще, ты же знаешь, торговаться и противостоять мне бесполезно, не таких уламывала...

Я обняла ее. От себя, от Гранда, который ее задушит от радости, когда узнает.

– Черт, я почти уверена, что это «он».

– Я тоже. И не почти. Описание совпадает на сто процентов, аналогов нет.

И снова пикнул на столе телефон.

«Ждем у выхода».

– Едем? – выдохнула я. – Нас ждет чудесная поездка в Северный Лес. И дрон.

– Чудесный полет, – поправила меня Люси. – И два дрона.

– В смысле?

– Ну... Люк узнал, что я никогда не летала на вертолете, поэтому сегодня мы летим на базу на вертушке.

Пока я стояла с круглыми глазами, Люси мило порозовела и разулыбалась.

– Значит, на вертолете?

– Ну да, на машинах до аэродрома, оттуда по воздуху.

Очаровательно.

У выхода стояли два джипа. Один белый, потрепанный и чуть скрипучий – Люк отчего-то нежно любил именно эту машину. Второй черный, квадратный, горячо любимый мной. Можно было бы ехать на одной вчетвером, но у нас целые выходные вместе, а время для двоих – нектар, вечные моменты для памяти.

– По коням?

Люси зацокала новыми босоножками к автомобилю Когана.

«Да она уже миссис Коган», – думала я уверенно. Все это – дело времени, и не нужно иметь гениальный интеллект, чтобы предположить очевидное.

А за рулем черного джипа сидел тот, рядом с кем я чувствовала себя бесконечно счастливой. До самого аэродрома на моем бедре будет лежать горячая ладонь, ласково сжимать мои пальцы. Будет качаться на зеркале кубик; укутанная запахом любимого парфюма, я буду вновь и вновь качаться на невидимых, но таких осязаемых волнах любви.

«Привет!» – скажу я, открыв дверцу.

«Привет, моя хорошая», – скажет он и поцелует мне руку, а после губы.

Я зашагала к черной машине.

Конец

Послесловие

Есть книги сложные. Есть книги умные. А есть книги для души. «Доступ к телу» из таких. Иногда теплое произведение, способное вывести вас на «мурчательную» волну куда важнее всего, чему может научить ум. Если сердце мурчит, ум вообще не нужен, так показывает мой жизненный опыт. Хочется побыть с ними подольше, с Грандом и Джулианой, хочется посмотреть на их будни, хочется увидеть еще штук сорок (или сто сорок) «доступов» в самых разных местах, хочется посмотреть, как Люк сделает предложение Люси. И да, хочется узнать, стукнется ли на той стороне о невидимую стену дрон... Мам-дорогая, сколько всего хочется узнать, но так уж выходит, что многие счастливые моменты остаются за кадром хеппи-энда, хотя мне хочется начать новую практику и расписывать то, что было дальше, гораздо обширнее. В конце концов, мы читаем книги не ради страданий, а ради счастья, так что возьму себе эту идею на заметку.

Одно скажу точно, Гранд получил ответ от Комиссии, в котором говорилось о том, что временной Портал перенесен с территории базы, и «все заинтересованные лица будут оповещены».

Меня чарует атмосфера Северного Леса, и я не знаю почему. Наверное, потому что там тихо и спокойно. Еще с давних времен мне помнится какой-то роман Макнот, где пара застряла в домике посреди зимнего леса. Хотелось эту атмосферу воссоздать. И черт возьми, Гранд сексуален. Можно отдельно книгу-фильм по его постельным сценам писать.

Когда я говорю о том, что будет новая книга, вы часто задаете вопрос: «А герои знакомые?» А если не знакомые, то читать не хотите? Для меня это загадка. Когда-то вам не были знакомы и Рен с Маком, а после стали родными. И эти могут. Дело ведь не в именах, дело в чувствах, которые вызывает роман. В общем, надеюсь, новые вам тоже понравились.

Как всегда не знаю, что будет дальше. Никогда не знаю, но чем дольше живу, тем более чувствую себя похожим на ветер потоком. Движение само выводит к новым идеям, больше не загадываю.

Кстати, не забывайте заходить в ВК. Я уже работаю над добавлением в группу уникальных материалов, среди которых можно будет найти:

- видеоответы на ваши вопросы;
- мои размышления об осознанности и осознанных снах. Мысли о том, что такое осознанность в повседневной жизни, советы;
- эксклюзивные тексты рассказов;
- описание секретов погружения в романы.

В общем, если вам хочется чуть больше меня, как человека, то там и сможем пообщаться.

Ссылка на группу вот: <https://vk.com/melanofficial>.

Что еще сказать? Я люблю ваши отзывы. Но не те, которые вы пишете умом – в них для меня смысла нет, – но те, которые вы пишете чувствами. Радостью, вдохновенностью, любовью – они резонируют со мной, позволяют чувствовать еще больше прекрасного.

Напоследок скажу: любите себя. Как умеете. Даже если не умеете. Вы тот человек, с кем вы живете каждый день, каждую минуту, ради которого вы все делаете. Так балуйте себя чаще, радуйте, обнимайте, учитесь говорить себе добрые слова – нутро на них очень даже отзывается, я проверяла.

И просто вас люблю. Может, однажды по-настоящему выпьем вместе чаю. Всякое бывает...

Ваша,

Вероника Мелан

08.03.2021